

ISSN 2218-1644

16+

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

2021

№4(37)

NORTH-EASTERN JOURNAL OF HUMANITIES

Scientific journal
Periodical publication
Published quarterly
2021, № 4 (37)

JOURNAL INCLUDED IN

The list of Russian reviewed scientific journals in which should be published the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Science, Database (European Database) of the European Citation Index in the Humanities (ERIH PLUS)

Founder

**FSBIS Federal Research Centre “The Yakut Scientific Centre
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences” (FRC YaSC SB RAS)**

Editorial Board:

Efremov N.N., editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Boyakova S.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Gogolev A.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Danilova N.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Aprosimova Iu.Iu.*, executive secretary (IHRISN SB RAS); *Abdulaev S.N.*, Doctor in Philology, Professor (Kasym Tynystanov ISU); *Antonov Ye.P.*, Candidate in History, Assistant Professor (IHRISN SB RAS); *Bravina R.I.*, Doctor in History, Professor (IHRISN SB RAS); *Burtsev A.A.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Vasilieva N.M.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Vinokurova D.M.*, Candidate in Sociology, Assistant Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Gabyшева L.L.*, Doctor in Philology, Assistant Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Dmitrieva E.N.*, Doctor in Philology, Assistant Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Illarionov V.V.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Larionova A.S.*, Doctor in Arts, Assistant Professor (IHRISN SB RAS); *Melnichuk O.A.*, Doctor in Philology, Assistant Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Petrov A.A.*, Doctor in Philology, Professor (A. Herzen RSPU, St. Petersburg); *Pokatilova N.V.*, Doctor in Philology Professor (IHRISN SB RAS); *Popova N.I.*, Candidate in Philology, Assistant Professor (IHRISN SB RAS); *Romanova E.N.*, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Romanova L.N.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Sivtseva S.I.*, Doctor in History, Assistant Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Struchkova N.A.*, Candidate in History, Assistant Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Filippov G.G.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU), *Khazankovich Iu.G.*, Doctor in Philology, Assistant Professor (M.K. Ammosov NEFU).

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит четыре раза в год
2021, № 4 (37)

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В

Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук и доктора наук,
Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
базу данных (БД) Европейского индекса цитирования в гуманитарных науках (ERIH PLUS)

Учредитель:

**ФГБУН Федеральный исследовательский центр
«Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»**

Редколлегия:

Ефремов Н.Н., глав. ред., д.филол.н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Боякова С.И.*, зам. глав. ред., д.и.н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Гоголев А.И.*, зам. глав. ред., д.и.н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Данилова Н.И.*, зам. глав. ред., д.филол.н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Апросимова Ю.Ю.*, ответ. секретарь (ИГИИПМНС СО РАН); *Абдуллаев С.Н.*, д.филол.н., проф. (Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова, г. Караол, Кыргызстан); *Антонов Е.П.*, к.и.н., доцент (ИГИИПМНС СО РАН); *Бравина Р.И.*, д.и.н., проф. (ИГИИПМНС СО РАН); *Бурцев А.А.*, д.филол.н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Васильева Н.М.* – к.филол.н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Винокурова Д.М.*, к.социол.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Габышева Л.Л.*, д.филол.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Дмитриева Е.Н.*, д.филол.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Илларионов В.В.*, д.филол.н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Ларионова А.С.*, д.иск., доцент (ИГИИПМНС СО РАН); *Мельничук О.А.*, д.филол.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Петров А.А.*, д.филол.н., проф. (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург); *Покатилова Н.В.*, д.филол.н., проф. (ИГИИПМНС СО РАН); *Попова Н.И.*, к.филол.н., доцент (ИГИИПМНС СО РАН); *Романова Е.Н.*, д.и.н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Романова Л.Н.*, к.филол.н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Сивцева С.И.*, д.и.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Стручкова Н.А.*, к.и.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Филиппов Г.Г.*, д.филол.н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Хазанкович Ю.Г.*, д.филол.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск).

Editorial Council:

Alekseev A.N., Chairperson, Doctor in History, Professor (IHRISN SB RAS); *Anikin A.E.*, Doctor in Philology, Professor, Academician of RAS (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Argounova-Low T.I.*, Doctor in Anthropology (University of Aberdeen, Aberdeen, UK); *Balash D.B.*, Doctor in Ethnology, Professor (Institute of Ethnology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary); *Bakhtikireeva U.M.*, Doctor in Philology, Professor (PFUR, Moscow); *Golovnev A.V.*, Doctor in History, Professor, Corresponding Member of RAS (MAE (Kunstkamera) named after Peter the Great, St. Petersburg); *Derevyanko A.P.*, Doctor in History, Professor, Academician of RAS (IAE SB RAS, Novosibirsk); *Zhamsaranova R.G.*, Doctor in Philology, Assistant Professor (Transbaikal SU, Chita); *Karoly L.*, Doctor in Philology (University of Gutenberg, Mainz, Germany); *Nevskaya I.A.*, Doctor in Philology, Assistant Professor (IPh SB RAS, Novosibirsk, Frankfurt am Main, Germany); *Takakura H.*, Doctor in Social Anthropology (University Tohoku, Japan); *Shishkin V.I.*, Doctor in History, Professor (IH SB RAS, Novosibirsk).

Executive editor *A.S. Larionova*

Editors: *N.Yu. Pechetova*
English text: *O.N. Kochmar*
Page-proofs: *A.N. Stepanova*

ISSN 2218-1644

Редакционный совет:

Алексеев А.Н., председатель, д.и.н., проф. (ИГИИПМНС СО РАН); *Аникин А.Е.*, д.филол.н., проф., акад. РАН (ИФЛ СО РАН, г. Новосибирск); *Аргунова-Лоу Т.И.*, д-р антропологии (Абердинский университет, г. Абердин, Великобритания); *Балаш Дьюла Балог*, д-р этнологии, проф. (Институт этнологии Венгерской академии наук, г. Будапешт, Венгрия); *Бахтикиреева У.М.*, д.филол.н., проф. (РУДН, г. Москва); *Головнев А.В.*, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (МАиЭ (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН, г. Санкт-Петербург); *Дервянко А.П.*, д.и.н., проф., акад. РАН (ИАиЭ СО РАН, г. Новосибирск); *Жамсаранова Р.Г.*, д.филол.н., доцент (ЗабГУ, г. Чита); *Кузьмина Е.Н.*, д.филол.н., проф. (ИФЛ СО РАН, г. Новосибирск); *Ласло Кароли*, д-р филологии (Майнцский университет им. И. Гутенберга, г. Майнц, Германия); *Невская И.А.*, д.филол.н., доцент (ИФЛ СО РАН, г. Новосибирск, Франкфуртский университет, Германия); *Хироки Такакура*, д-р социальной антропологии (Университет Тохоку, г. Сендай, Япония); *Шишкин В.И.*, д.и.н., проф. (Институт истории СО РАН, г. Новосибирск).

Ответственный за выпуск *А.С. Ларионова*

Редактор: *Н.Ю. Печетова*
Английский текст: *О.Н. Кочмар*
Верстка: *А.Н. Степанова*

СОДЕРЖАНИЕ

История и археология

<i>Пономарев И.В., Боескоров Г.Г., Дьяконов В.М.</i> Остатки животных из стоянки Мухатта (финал плейстоцена – голоцен, среднее течение р. Лены, Якутия)	8
<i>Николаев Е.Н.</i> Якутские сырдутные горы XV–XIX вв.: проблемы типологии и хронологии	16
<i>Гаврильев Д.З.</i> Сравнительно-типологический анализ якутской керамики с XIV по XX вв.	23
<i>Жукова Л.Н.</i> Лосиная тема и культ личинок в монументальном и мобильном искусстве аборигенов Якутии (к постановке вопроса)	34
<i>Винокурова Л.И.</i> Зимний труд женщин в сельской Якутии 1920-х – 1970-х гг.	46
<i>Астахова И.С.</i> Из истории городских поселений якутской Арктики (на примере Усть-Янского района Республики Саха (Якутия))	53

Языкознание

<i>Данилова Н.И., Попова Н.И.</i> Ландшафтная лексика в якутском языке	65
<i>Чертыкова М.Д.</i> Языковая интерпретация характера человека (на материале хакасского языка)	76
<i>Скрябина А.А., Чиркочева Д.И.</i> Архаическая лексика в якутских народных преданиях	87
<i>Филиппов Г.Г.</i> Времямодальные значения предикативно-спрягаемых причастий в основном падеже	95

Литературоведение и фольклористика

<i>Романова Л.Н.</i> Дневники А.Е. Кулаковского и А.И. Софронова: опыт сравнительного анализа	104
<i>Чарина О.И.</i> Сказки русских исполнителей Северо-Востока Сибири: иноэтническое влияние	115
<i>Ларионова А.С.</i> Пограничные формы в песенной культуре саха (на примере дэгэрэн ырыа)	126
Сведения об авторах	136
Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»	140

CONTENT

History and Archaeology

<i>Ponomarev I.V., Boeskorov G.G., Dyakonov V.M.</i> Remains of animals from the Mukhatta Site (the end of the Pleistocene - Holocene, Middle stream of the Lena River, Yakutia)	8
<i>Nikolaev E.N.</i> XV–XIX centuries Yakut blast furnaces: typological and chronological problems	16
<i>Gavriliev D.Z.</i> Comparative typological analysis of Yakut ceramics from the XIV to XX centuries	23
<i>Zhukova L.N.</i> Elk theme and the cult of larvae in the monumental and mobile art of the Yakutia aborigines ...	34
<i>Vinokurova L.I.</i> Winter labor of women in rural Yakutia in the 1920s - 1970s	46
<i>Astakhova I.S.</i> From the history of urban settlements of the Yakut Arctic (by the example of the Ust-Yansky district of the Republic of Sakha (Yakutia))	53

Linguistic

<i>Danilova N.I., Popova N.I.</i> Landscape vocabulary in the Yakut language	65
<i>Chertykova M.D.</i> Language interpretation of a person's character (based on the Khakass language)	76
<i>Scryabina A.A., Chirkoeva D.I.</i> Archaic vocabulary in Yakut folk legends	87
<i>Filippova G.G.</i> Declination of conjugated participles in the main case and the nature of the change in their tense-modal meanings	95

Literary Studies and Folklore Studies

<i>Romanova L.N.</i> Diaries of A.E. Kulakovsky and A.I. Sofronov: experience of comparative analysis	104
<i>Charina O.I.</i> Tales of Russian performers from the northeast of Siberia: non-ethnic influence	115
<i>Larionova A.S.</i> Borderline forms in Sakha song culture (by the example of Degeren Yrya)	126
Information about authors	138
The manuscripts rules	140

И.В. Пономарев, Г.Г. Боескоров, В.М. Дьяконов

DOI: 10.25693/SVGV.2021.37.4.001

УДК 903(571.56)"624/627"

Остатки животных из стоянки Мухатга (финал плейстоцена – голоцен, среднее течение р. Лены, Якутия)*

Научная новизна. В статье впервые вводятся в научный оборот результаты археозоологического анализа остеологической коллекции среднеленской стоянки Мухатга. Актуальность работы обусловлена недостаточностью археозоологических данных в исследованиях мезолита и неолита в Центральной Якутии, являющихся одними из наиболее важных при получении информации о хозяйстве и пищевом рационе древних обитателей региона.

Цель статьи – определение видового состава костных остатков млекопитающих, птиц и рыб из многослойной стоянки Мухатга, расположенной в среднем течении р. Лены, а также реконструкция хозяйства ее обитателей в разные эпохи.

Методы исследования. Остеологическая коллекция стоянки была получена в ходе археологических разведок путем шурфовки и подъемных сборов. Осуществлено радиоуглеродное датирование костных остатков методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS). Проведен археозоологический анализ остеологической коллекции стоянки.

Результаты. Радиоуглеродные датировки, полученные из трех культурных слоев стоянки, указывают на то, что стоянка Мухатга существовала (или эпизодически заселялась) в течение длительного времени, от 11500 до 2900 лет назад. Среди остеологического материала, представляющего «кухонные остатки», определено присутствие млекопитающих: водяной полевки (*Arvicola terrestris*), лисицы (*Vulpes vulpes*), собаки или волка (*Canis* sp.), колонка (*Mustela sibirica*), сибирской косули (*Capreolus pygargus*), северного оленя *Rangifer tarandus*, лося *Alces* cf. *americanus*; из птиц – гуся (по-видимому, гуменника *Anser fabalis*); из рыб – нельмы (*Stenodus leucichthys nelma*) и речного окуня (*Perca fluviatilis*). Выявлено преобладание костей лося, по-видимому, бывшего основной добычей обитателей стоянки.

Ключевые слова: археозоология, Якутия, средняя Лена, палеолит, мезолит, неолит, фауна, остеологический материал

* Авторы выражают благодарность всем организаторам и участникам полевых исследований стоянки Мухатга: чл.-корр. РАН, д.б.н. Н.Г. Соломонову, д.б.н. Ар.П. Исаеву, Р.А. Кириллину, Е.А. Николаеву, учителям и учащимся школ Хангаласского улуса, в их числе П.Р. Ноговицыну, Э.П. Абрамовой, В.В. Кузьминой, В.А. Никифорову, Т.И. Кельциновой.

© Пономарев И.В., Боескоров Г.Г., Дьяконов В.М., 2021

И. Введение. На рубеже позднего неоплейстоцена и голоцена в Центральной и Южной Якутии произошло сокращение тундростепных растительных сообществ и увеличение площади тайги. Это привело к широкому расселению видов животных, связанных с лесными биотопами, имевших ранее ограниченное распространение или обитавших южнее (белка *Sciurus vulgaris*, бурундук *Tamias sibiricus*, соболь *Martes zibellina*, рысь *Lynx lynx*, сибирская косуля *Capreolus pygargus*) [Вангенгейм, 1961; Томская, 1981; Каспаров, 1989; Боесков, 2003; Лазарев, 2008].

Раннеголоценовая фауна Якутии известна из четвертого слоя мезолитической (сумнагинской) культуры пещеры Хайыргас и представлена следующими видами: *Ochotona* sp., *Lepus timidus*, *Sciurus vulgaris*, *Tamias sibiricus*, *Spermophilus* sp., *Clethrionomys* sp., *Arvicola terrestris*, *Microtus* sp., *Canis lupus*, *Vulpes vulpes*, *Ursus arctos*, *Martes zibellina*, *Lynx lynx*, *Cervus elaphus*, *Capreolus pygargus*, *Alces alces* [Каспаров, 1989; Боесков, 2003; Kuzmin et al., 2016].

На стоянках палеолитических охотников Южной и Центральной Якутии костные остатки лося встречаются единично. В голоценовых слоях археологических памятников кости данного вида являются доминирующими (50–90%), свидетельствуя о том, что с вымиранием мамонтового фаунистического комплекса лось стал наиболее важным промысловым животным [Мочанов, 1977; Боесков, 2003].

Костные остатки северного оленя довольно многочисленны среди кухонных отходов голоценовых стоянок, но все же уступают лосю [Мочанов, 1977; Боесков, 2003]. В тундровой зоне, наоборот, кости этого вида доминируют в остеологическом спектре, как, например, на Жоховской стоянке [Питулько и др., 2013].

Косуля известна из плейстоценовых слоев пещеры Хайыргас [Лазарев и др., 1998], однако новые радиоуглеродные датировки указывают на то, что кости этого вида являются переотложенными в данной пещере и имеют раннеголоценовый возраст [Kuzmin et al., 2016]. На якутских стоянках мезолита и неолита косуля встречается часто, но в меньших количествах, чем лось и северный олень [Мочанов, 1977; Боесков, 2003].

Археозоологические материалы являются важной составляющей междисциплинарных исследований археологических памятников разных эпох. Комплексные исследования многослойных стоянок и погребальных комплексов Якутии показали безусловную ценность профессионального научного анализа остеологических коллекций. На территории Центральной Якутии такие данные были получены ранее для стоянки Куллаты, поселений Бютейдях и Буор-Хая (Хомустаах) и некоторых других [Гарутт, 1950; Боесков, 2003]. Полученные сведения позволяют реконструировать хозяйство древнего и средневекового населения региона, смоделировать их адаптационные стратегии, поведенческие особенности и палеодиету. Вместе с тем таких исследований в археологии мезолита и неолита Центральной Якутии было проведено крайне мало, поэтому данные по археозоологии любого археологического памятника несут важную информацию и делают ценный вклад в понимание общей картины древней истории региона. В настоящей статье мы приводим результаты археозоологического исследования многослойной стоянки Мухатта, расположенной в Центральной Якутии, в среднем течении р. Лены.

II. Материал и методы. На стоянке Мухатта были проведены разведочные археологические работы, включавшие подъемные сборы, фотосъемку, в том числе аэрофотосъемку, составление топографического плана, определение границ памятника, закладку разведочного шурфа (2×2 м). В Институте акселераторных анализов в Японии (Institute of Accelerator Analysis Ltd.) методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS) было проведено радиоуглеродное датирование пяти образцов органики из разных культурных слоев стоянки¹.

Был проведен археозоологический анализ остеологической коллекции стоянки. Данный материал обнаружен в шурфе в слоях I, II, III, а также найден в виде подъемного материала. Всего найдено 1852 костных остатков, принадлежавших млекопитающим, птицам и рыбам. Кости раздроблены, частично минерализованы, цвет варьирует от желтого, желто-коричневого до темно-коричневого, серого, черного (обожженные). Костные остатки практически лише-

¹Все радиоуглеродные даты были получены по гранту проф. Кацунори Такасэ JSPS KAKENHI (15H01899).

ны коллагена, гигроскопичны, что указывает на их довольно древний возраст. Определение проводилось с использованием коллекции эталонов костей современных животных, хранящихся в ИГАБМ СО РАН.

III. Результаты. Стоянка Мухатта расположена на правом приустьевом мысу р. Мухатта, впадающей слева в р. Лену на территории Хангаласского района РС (Я) между селами Кытыл-Дюра и Едяй (рис. 1).

Рис. 1. Местоположение стоянки Мухатта на контурной карте РС (Я)

Данный объект был открыт археологом В.М. Дьяконовым в 2016 г. и исследовался в 2016–2017 гг. [Бравина и др., 2018]. Стратиграфия стоянки выглядит следующим образом:

- 1) дерн (5–10 см);
- 2) суглинок бурый, пронизанный корнями деревьев, насыщенный плитками известняка и речной галькой. Первый культурный слой (12–35 см);
- 3) суглинок черный черноземовидный гумусированный, пронизанный корнями деревьев. Кровля и подошва слоя местами неровные. Второй культурный слой (10–30 см);
- 4) суглинок темно-бежевый. В слое встречаются корни деревьев. Третий культурный слой (4–29 см);
- 5) суглинок светло-бежевый, плотно насыщенный валунами, дресвой и щебнем. Цоколь террасы (более 10 см).

В результате шурфовки было выяснено, что стоянка содержит три культурных слоя: 1) неолит (сылахская, белькачинская и ымыяхтахская культуры); 2) мезолит (сумнагинская культура), неолит (сылахская и белькачинская культуры); 3) мезолит (сумнагинская культура) и верхний палеолит (дюктайская культура).

В первом культурном слое были найдены единичные фрагменты рубчатой и вафельной керамики ымыяхтахской культуры (5000–2900 калиброванных лет назад), более представительная коллекция керамики с отпечатками «сетки-плетенки» сылахской культуры (6900–5500 кал. л.н.) и шнуровой керамики белькачинской культуры (6300–4200 кал. л.н.). Среди находок были также мелкие обломки шлифованных и ретушированных орудий, скребки неолитического облика, отщепы с ретушью, обломки нуклеусов, большое количество орудий на пластине, галечное скребло, фрагмент костяного наконечника гарпуна, фрагменты костяных изделий, кости животных со следами нарезки и обработки, большое количество заготовок (отщепы, пластины, сколы, расколотые гальки и отщепы из кварцита и гранита), остеологический материал.

Во втором культурном слое были найдены фрагменты сетчатой и шнуровой керамики сылахской и белькачинской культур, нуклеусы конической, призматической и торцевой форм, орудия на пластинах и микропластинах, скребки с высокой спинкой, топор, отбойники, многочисленный дебитаж (отщепы, пластины, сколы, расколотые гальки и отщепы из кварцита, гранита, осадочных пород), фрагменты костяных орудий, остеологический материал. Кость из второго культурного слоя показала дату 4580 ± 30 л.н. (IAAA-162737). Судя по некоторым материалам (орудия на микропластинах, скребки с высокой спинкой, торцевые нуклеусы) в слое присутствует значительный компонент сумнагинской раннеголоценовой культуры (10700–6800 кал. л.н.).

В третьем культурном слое найдены немногочисленные ножевидные пластины и отщепы, обломок крупного бифасиально обработанного орудия, расколотые кости животных, фрагменты скелетов трех рыб разного размера и берестяные поплавки рыболовной сети рядом с ними, попавшие, как выяснилось, в нижний культуросодержащий слой через нору грызуна,

в которой были найдены также пищевые запасы в виде многочисленных косточек черемухи. Со дна третьего культурного слоя по расколотой кости животного сперва была получена радиоуглеродная дата 11580 ± 40 л.н. (IAAA-162736), указывающая на то, что стоянка была заселена в конце сарганского термохрона. Из слоя III позднее было получено еще 3 даты: 2770 ± 20 л.н. (IAAA-180101) – по позвонку нельмы, 1720 ± 20 л.н. (IAAA-180102) – по бересте от поплавок рыболовной сети, 2260 ± 20 л.н. (IAAA-180100) по углю из слоя. Последние три даты никак не коррелируют с материалами из всех трех слоев стоянки, что говорит об их инородности и позднее происхождении, связанном, скорее всего, с

нарушением культурного слоя перекопом (норой) грызуна.

Наиболее насыщен остеологическим материалом слой II, относительно много костных остатков в слое I, а слой III наиболее беден (табл. 1). В основном были найдены раздробленные трубчатые кости крупных млекопитающих, таксономическое определение которых затруднительно в связи с их фрагментарностью. В слое III, в отличие от других слоев, доминирует остеологический материал рыб, который, возможно, не связан с контекстом культурного слоя. Также многочисленны мелкие тонкие костные остатки, которые могут принадлежать зайцу-беляку и (или) крупным птицам.

Таблица 1

Таксономический состав стоянки Мухатта

№	Вид	Шурф			
		Слой I	Слой II	Слой III	Подъемный материал
1	Колонок (<i>Mustela sibirica</i>)	-	1	-	-
2	Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>)	-	2	-	-
3	Собака или волк (<i>Canis sp.</i>)	-	1	-	-
4	Северный олень (<i>Rangifer tarandus</i>)	2	4	-	-
5	Лось (<i>Alces americanus</i>)	17	3	10	1
6	Сибирская косуля (<i>Capreolus pygargus</i>)	2	15	1	-
7	Водяная полевка (<i>Arvicola terrestris</i>)	-	1	-	-
8	Грызуны (Rodentia)	-	2	1	-
9	Крупные млекопитающие	377	905	21	17
10	Мелкие млекопитающие / птицы	47	146	-	4
11	Гусь гуменник (<i>Anser fabalis</i>)	-	1	-	-
12	Нельма (<i>Stenodus leucichthys nelma</i>)	-	-	28	-
13	Речной окунь (<i>Perca fluviatilis</i>)	-	-	25	-
14	Рыбы (Pisces)	-	14	201	1
	Общее количество костей	445	1095	287	25

Отряд хищных (Carnivora) представлен тремя видами. Колонок *Mustela sibirica* Pallas, 1773 известен по проксимальному фрагменту локтевой кости из слоя II. Лисица *Vulpes vulpes* Linnaeus, 1758 известна по третьему премоляру и фрагменту резца из слоя II. Также имеется фрагмент плечевой кости из слоя II, который мог принадлежать домашней собаке или серому волку (*Canis sp.*).

Среди достоверно определенных видов млекопитающих костных остатков подавляющее

большинство представителей отряда парнокопытных (Artiodactyla): лося *Alces americanus* Clinton, 1822, сибирской косули *Capreolus pygargus* Pallas, 1771 и северного оленя *Rangifer tarandus* Linnaeus, 1758.

Северный олень представлен единичным фрагментом первой фаланги из слоя I. Также известен фрагмент фаланги из квадрата Б1 слоя I, два фрагмента первой фаланги, один фрагмент второй фаланги и фрагмент диафиза метатарса из квадрата А1 слоя II. Всего обна-

ружено 6 костей, достоверно определены только взрослые особи.

Костные остатки лося – 31 фрагмент костей – наиболее многочисленны (рис. 2А). В слое I определены фрагмент первой фаланги, сросшийся фрагмент лучевой и локтевой костей. В слое II найден фрагмент метаподии, в слое III – восемь фрагментов ребер, один – большой берцовой и еще один – трубчатой кости, возможно, также принадлежавших лося. Из квадрата А1 слоя I происходит фрагмент диафиза плечевой кости, в квадрате Б1 определены обломок второй фаланги, 2 фрагмента первой фаланги, фрагмент метаподии. В этом же слое в квадрате Б2 найдены: фрагмент ладьевидной кости, копытная фаланга, фрагмент второй фаланги, также имеется 7 фрагментов трубчатых костей с толстой стенкой одного желтого цвета, как и другие кости лося в этом квадрате. В квадрате А1 слоя II определены фрагменты первой и второй фаланг. Достоверно определены только взрослые особи. В подъемном материале определен фрагмент грудного позвонка лося.

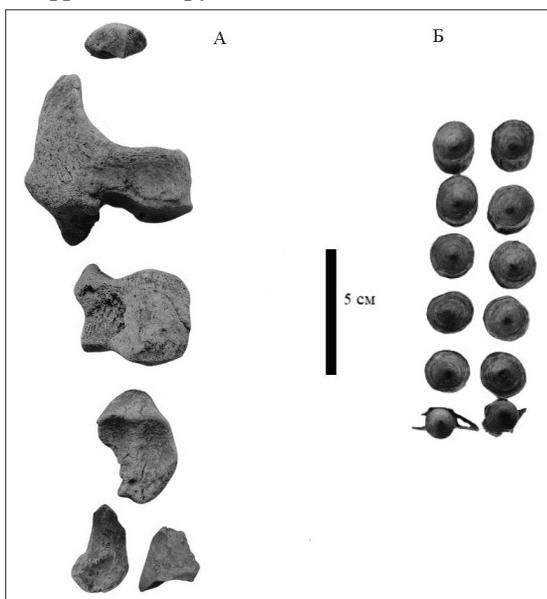

Рис. 2. Некоторые костные остатки животных из стоянки Мухатта:

А – фрагменты костей лося; Б – позвонки нельмы.

Остеологический материал косули представлен 18 костными остатками: фрагмент плечевой кости из слоя I, пяточная кость, фрагмент пястной кости и кость запястья из слоя II. Фрагмент метаподии из слоя I квадрата Б2. Нижний первый моляр, фрагмент в слое II квадрате А1, фрагмент

лучевой кости, фрагмент метакарпа, фрагмент первой фаланги, 3 фрагмента зуба, астрагал и фрагмент астрагала в квадрате Б1, фрагменты второй и третьей фаланг в квадрате Б2. Фрагмент первой фаланги в квадрате А1 слоя III. Достоверно определены только взрослые особи.

Среди грызунов достоверно определено наличие водяной полевки (*Arvicola terrestris*) по правой нижней челюсти из квадрата Б1 слоя II. В этом же слое в квадрате А1 найдена бедренная кость мелкого грызуна (по-видимому, полевки) с неприсросшим эпифизом, а в квадрате Б1 – фрагмент бедренной кости аналогичного грызуна. Также из квадрата Б1 слоя III определена бедренная кость мелкого грызуна.

В слое II найден фрагмент плечевой кости крупного гуся, по-видимому, гуменника *Anser fabalis* Latham, 1787. Среди множества раздробленных тонких трубчатых костей могут быть костные остатки птиц и (или) зайцев.

Среди рыб достоверно определены 2 вида. Остатки нельмы *Stenodus leucichthys nelma* Pallas, 1773 найдены в квадрате А1 слоя III (рис. 2Б): 14 позвонков рыбы среднего размера, 12 позвонков крупной особи и, предположительно, два фрагмента костей черепа. От речного окуня *Perca fluviatilis* Linnaeus, 1758 определены один фрагмент кости челюсти, 24 позвонка и 63 чешуи (слой III, квадрат А1).

IV. Обсуждение. Наибольшее количество определенных костей принадлежит лося. Примечательно, что на стоянках людей сумнагинской культуры в бассейне р. Алдан (например, Белькачи) также в остеологическом материале доминируют костные остатки лося, как и на Мухатте в слое III [Егоров, 1969]. В слое I определено наибольшее количество костных остатков лося, в позднеголоценовых слоях стоянок Улахан Сегеленнях и Белькачи I также подавляющее большинство костей принадлежит этому виду [Егоров, 1969; Мочанов, 1977; Боекорсов 2003]. В слое II определено только 3 фрагмента костей лося, однако среди сотен обломков костей из данного слоя этот вид, с большой вероятностью, присутствует.

Единичные кости северного оленя, возможно, в какой-то степени свидетельствуют о том, что этот вид не был многочисленным в районе стоянки. Таежный северный олень не образует больших стад, встречаясь группами до 20–30

особей [Тавровский и др., 1971; Мордосов, Проккопьев, 2015] и не является массовым промысловым видом в Центральной Якутии.

Остатки косули, найденные на стоянке Мухатта, очевидно, являются новым местом обнаружения данного вида на средней Лене времени неолита. Ранее на этой территории остатки косули неолитического возраста были известны только из археологического памятника Куллаты [Гарутт, 1950]. Также наличие костей данного вида во всех слоях стоянки говорит о том, что он обитал на средней Лене значительную часть раннего и среднего голоцена. В слое II кости косули среди достоверно определенных костных остатков наиболее многочисленны. Возможно, в определенные этапы для людей неолита этот вид имел важное промысловое значение наравне с лосем.

На территории Якутии люди палеолита и мезолита не занимались активным рыболовством, кости рыб на стоянках этого времени единичны. Значительное количество костных остатков ихтиофауны наблюдается с позднего неолита [Мочанов, 1977]. Из слоя III получены радиоуглеродные датировки 2770 л.н. по кости рыбы и 1720 л.н. по бересте от поплавка рыболовной сети, очевидно, свидетельствующие о том, что в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. на средней Лене человек активно занимался рыболовством.

Довольно много видов рыб известно из позднеголоценовых (неолит, железный век) слоев Дюктайской пещеры, которая находится в бассейне р. Алдан. Оттуда известны виды: сибирский осетр, щука, карась, налим, окунь и плотва [Мочанов, 1970]. Ихтиофауна стоянки Мухатта отличается обилием костей нельмы. Данный вид обычен в бассейне р. Лена. Сейчас заходы нельмы в Алдан единичны и не поднимаются выше устья р. Амга [Дарбасов, 1962; Кириллов, 1972]. По всей видимости, подобное распространение этого вида в Центральной Якутии наблюдалось на разных этапах голоцена.

V. Заключение. Археологический памятник Мухатта предоставляет данные об изменении охотничьего хозяйства людей на территории средней Лены на протяжении голоценовой эпохи. Определены типичные представители таежной фауны, такие как лось, сибирская косуля, северный олень, лисица и др. Многочисленны костные остатки парнокопытных, что говорит о важном промысловом значении этих

видов для обитателей данной стоянки. Наиболее часто добываемыми видами среди них были лось и косуля. Анализ фаунистических остатков показал, что люди мезолита и неолита средней Лены по своему охотничьему хозяйству не отличались от людей данного временного промежутка, известных из других стоянок Центральной и Южной Якутии. Единичные находки лисицы и колонка говорят о том, что эти хищные добывались изредка, скорее всего, ради шкурок. Обитатели стоянки охотились также на птиц (среди которых определен гусь, по-видимому, гуменник) и, возможно, на зайцев. Рыба в районе стоянки, очевидно, отлавливалась во время мезолита эпизодически, но в неолите и позднее она, по-видимому, составляла значительную часть промысла.

Список литературы:

Боескоров Г.Г. Состав териофауны Якутии в позднем плейстоцене и голоцене (по археологическим материалам) // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика: Сборник научных статей. Новосибирск: Наука, 2003. С. 27–43.

Брагина Р.И., Дьяконов В.М., Николаев Е.Н., Обухов И.П., Петров Д.М., Соловьёва Е.Н., Строгова Е.А., Сыроватский В.В. Работы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера в Якутии и на севере Хабаровского края // Археологические открытия 2016 года [Отв. ред. Н.В. Лопатин]. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 460–467.

Вангенгейм Э.А. Палеонтологическое обоснование стратиграфии антропогенных отложений севера Восточной Сибири. М., 1961. 183 с.

Гарутт В.Е. Фауна неолитической стоянки Куллаты // Ленские древности [Автор книги А.П. Окладников]. М.; Л., 1950. Выпуск 3. С. 178–185.

Дарбасов П.Р. Новое о распространении нельмы по Алдану // Ученые записки ЯГУ. 1962. Выпуск 12. С. 131–132.

Егоров О.В. Остатки фауны из многослойной стоянки Белькачи I // В кн.: Мочанов Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М.: Наука, 1969. С. 202–204.

Каспаров А.К. Млекопитающие позднего плейстоцена – начала голоцена Южной Якутии (по материалам из археологических памятников) // Первое Всесоюзное совещание по палеотериологии: Оператив.-информ. материалы. М., 1989. С. 31–32.

- Кириллов Ф.Н. Рыбы Якутии. М., 1972. 358 с.
- Лазарев П.А. Крупные млекопитающие антропогена Якутии. Новосибирск: Наука, 2008. 159 с.
- Лазарев П.А., Боескоров Г.Г., Томская А.И., Гарутт Н.В., Васильев Е.М., Каспаров А.К., Родионов Г.Н. Млекопитающие антропогена Якутии. Якутск, 1998. 167 с.
- Мордосов И.И. Прокопьев Н.П. Млекопитающие Лено-Алданского междуречья. Якутск: Издат. дом Северо-Восточного федерал. ун-та, 2015. 267 с.
- Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 246 с.
- Мочанов Ю.А. Дюктайская пещера — новый палеолитический памятник Северо-Восточной Азии (результаты работ 1967 года) // По следам древних культур Якутии (Тр. Приленской археологической экспедиции). Якутск: Кн. изд-во, 1970. С. 40–64.
- Питулько В.В., Иванова В.В., Каспаров А.К., Павлова Е.Ю. Тафономия, пространственное распространение, состав и сезонность фаунистических остатков из раскопок Жоховской стоянки, о-ва Делонга, Восточно-Сибирская Арктика (сезоны 2000–2005 гг. с добавлением материала 1989 и 1990 гг.) // Археологические вести. 2013. № 19. С. 26–74.
- Тавровский В.А., Егоров О.В., Кривошеев В.Г., Попов М.В., Лабутин Ю.В. Млекопитающие Якутии. М.: Наука, 1971. 660 с.
- Томская А.И. Палинология кайнозоя Якутии. Новосибирск: Наука, 1981. 221 с.
- Kuzmin Y.V., Kosintsev P.A., Stepanov A.D., Boeskorov G.G., Cruz R.J. Chronology and faunal remains of the Khayrgas cave (Eastern Siberia, Russia) // *Radiocarbon*. 2016. Vol. 59. №2. Pp. 575–582.
- References:**
- Boeskorov G.G. Sostav teriofauny Yakutii v pozdnem pleystotsene i golotsene (po arkheologicheskim materialam) [Composition of the Yakutia theriofauna in the Late Pleistocene and Holocene (according to archaeological materials)] // *Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoy Azii. Astroarkheologiya. Paleoinformatika: Sbornik nauchnykh statey* [Ancient cultures of Northeast Asia. Astroarcheology. Paleoinformatics: Collection of Scientific Articles]. Novosibirsk: Science Publ., 2003. Pp. 27–43. (In Russian)
- Bravina R.I., D'yakonov V.M., Nikolaev E.N., Obutov I.P., Petrov D.M., Solov'eva E.N., Strogova E.A., Syrovatskiy V.V. Raboty Instituta gumanitarnykh issledovaniy i problem malochislennykh narodov Severa v Yakutii i na severe Khabarovskogo kraya [Works of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North in Yakutia and in the north of the Khabarovsk Region]. *Arkheologicheskie otkrytiya 2016 goda* [Archaeological discoveries 2016]. Responsible editor N.V. Lopatin. Moscow: Institute of Archaeology of RAS Publ., 2018. Pp. 460–467. (In Russian)
- Darbasov P.R. Novoe o rasprostraneniі nel'my po Aldanu [New distribution of nelma across Aldan]. *Uchenye zapiski Yakutskogo universiteta* [Scientific notes of the Yakut University]. 1962. Issue 12. Pp. 131–132. (In Russian)
- Egorov O.V. Ostatki fauny iz mnogosloynnoy stoyanki Bel'kachi I [Fauna remains from the Bel'kachi I multilayer site]. In book: Mochanov Yu.A. *Mnogosloynnaya stoyanka Bel'kachi I i periodizatsiya kamenogo veka Yakutii* [Multilayer site Bel'kachi I and the periodization of the Stone Age of Yakutia]. Moscow: Science Publ., 1969. Pp. 202–204. (In Russian)
- Garutt V.E. Fauna neoliticheskoy stoyanki Kullaty [Fauna of the Kullaty Neolithic site]. *Lenskie drevnosti* [Lena antiquities]. Book author: Okladnikov A.P. Volume 3. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950. Pp. 178–185. (In Russian)
- Kasparov A.K. Mleko pitayushhie pozdnego pleystotsena – nachala goloczena Yuzhnoj Yakutii (po materialam iz arkheologicheskikh pamyatnikov) [Mammals of the Late Pleistocene – Early Holocene of South Yakutia (based on materials from archaeological sites)]. *Pervoe Vsesoyuznoe soveshchanie po paleoteriologii: Operativno-informatsionnye materialy* [First All-Union Meeting on Paleoteriology: Operational Information Materials]. Moscow, 1989. Pp. 31–32. (In Russian)
- Kirillov F.N. Ryby Yakutii. [Fish of Yakutia]. Moscow: Science Publ., 1972. 358 p. (In Russian)
- Kuzmin Ya.V., Kosintsev P.A., Stepanov A.D., Boeskorov G.G., Cruz R.J. Chronology and faunal remains of the Khayrgas cave (Eastern Siberia, Russia) // *Radiocarbon*. 2016. Volume 59. №2. Pp. 575–582. (In Russian)
- Lazarev P.A. *Krupnye mleko pitayushchie antropogena Yakutii* [Large mammals of the anthropogenic of Yakutia]. Novosibirsk: Science Publ., 2008. 159 p. (In Russian)
- Lazarev P.A., Boeskorov G.G., Tomskaya A.I., Garutt N.V., Vasil'ev E.M., Kasparov A.K., Rodionov G.N. *Mleko pitayushchie antropogena Yakutii* [Anthropogenic mammals of Yakutia]. Yakutsk: Yakut Scientific Centre of SB RAS Publ., 1998. 167 p. (In Russian)
- Mochanov Yu.A. *Drevneyshie etapy zaseleniya che-lovekom Severo-Vostochnoy Azii* [The earliest stages of human settlement in North-East Asia]. Novosibirsk: Science Publ., 1977. 246 p. (In Russian)
- Mochanov Yu.A. Dyuktayskaya peshchera – novyy paleoliticheskiy pamyatnik Severo-Vostochnoy Azii (rezul'taty rabot 1967 goda) [Dyuktai cave – a new Paleolithic site of North-East Asia (results of work in 1967)]. *Po sledam drevnykh kul'tur Yakutii* (Trudy Prilenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii) [Followers

of ancient cultures of Yakutia (Proceedings of the Prilen-skaya archaeological expedition)]. Yakutsk: Book Publ., 1970. Pp. 40–64. (In Russian)

Mordosov I.I., Prokop'ev N.P. *Mlekopitayushchie Leno-Aldanskogo mezhdurech'ya* [Mammals of the Lena-Aldan interfluvium]. Yakutsk: North-Eastern Federal University Publ., 2015. 267 p. (In Russian)

Pitul'ko V.V., Ivanova V.V., Kasparov A.K., Pavlova E.Yu. Tafonomiya, prostranstvennoe rasprostranenie, sostav i sezonnost' faunisticheskikh ostatkov iz raskopok Zhokhovskoy stoyanki, ostrova De-Longa, Vostochno-Sibirskaya Arktika (sezony 2000–2005 gg. s dobavleniem materiala 1989 i 1990 gg.) [Taphonomy, spatial distribution, composition and seasonality of faunal remains from the excavations of the Zhokhov site, De Long Islands, East Siberian Arctic (seasons 2000–2005

with the addition of material from 1989 and 1990)]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological news]. 2013. № 19. Pp. 26–74. (In Russian)

Tavrovskiy V.A., Egorov O.V., Krivosheev V.G., Popov M.V., Labutin Yu.V. *Mlekopitayushchie Yakutii* [Mammals of Yakutia]. Moscow: Science Publ., 1971. 660 p. (In Russian)

Tomskaya A.I. *Palinologiya kaynozoya Yakutii* [Palynology of the Cenozoic of Yakutia]. Novosibirsk: Science Publ., 1981. 221 p. (In Russian)

Vangengeym E.A. *Paleontologicheskoe obosnovanie stratigrafii antropogenovykh otlozheniy severa vostochnoy Sibiri* [Paleontological substantiation of the stratigraphy of anthropogenic deposits in the north of Eastern Siberia]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961. 183 p. (In Russian)

I.V. Ponomarev, G.G. Boeskorov, V.M. Dyakonov

Remains of Animals from the Mukhatta Site (the End of the Pleistocene - Holocene, Middle Steam of the Lena River, Yakutia)

Scientific novelty. For the first time, the article introduces into scientific circulation the results of archaeological and zoological analysis of the osteological collection of the Mukhatta site of the Middle Lena region. The relevance of the work is due to the small amount of archaeological and zoological data in the studies of the Mesolithic and Neolithic in Central Yakutia, which are one of the most important in obtaining information about the economy and diet of the ancient inhabitants of the region.

The aim and tasks – determination of the species composition of bone remains of mammals, birds and fish from the Mukhatta multilayer site, located in the middle Steam of the Lena River, as well as the reconstruction of the economy of its inhabitants in different eras.

Research methods. The osteological collection of the site was obtained in the course of archaeological exploration through excavations and collection from the surface. Radiocarbon dating of bone remains was carried out by the method of accelerator mass spectrometry (AMS). An archaeological and zoological analysis of the osteological collection of the site has been carried out.

Results. Radiocarbon dates obtained from the site indicate that the site existed (or was populated episodically) for a long time, from 11,500 years ago to 2,900 years ago. Among the osteological material representing the “kitchen remains”, the remains of mammals have been identified: water vole (*Arvicola terrestris*), red fox (*Vulpes vulpes*), dog or wolf (*Canis sp.*), Siberian weasel (*Mustela sibirica*), Siberian roe deer (*Capreolus pygargus*), reindeer (*Rangifer tarandus*), moose (*Alces cf. americanus*); from birds - goose (apparently, bean goose *Anser fabalis*); from fish: nelma (*Stenodus leucichthys nelma*) and perch (*Perca fluviatilis*). The predominance of moose bones was revealed, apparently, the former was main prey of the inhabitants of the site.

Keywords: archaeology and zoology, Yakutia, Middle Lena, Neolithic, Mesolithic, Paleolithic, fauna, osteological material

Е.Н. Николаев

DOI: 10.25693/SVGV.2021.37.4.002

УДК 903.46(571.56)

Якутские сыродутные горны XV–XIX вв.: проблемы типологии и хронологии*

Научная новизна. Освоение технологий производства железа – одно из важнейших достижений человечества. Железные орудия труда, вооружение сыграли революционную роль в истории, привели к кардинальному преобразованию хозяйственного уклада и мировоззренческих основ древних обществ. Именно умение якутов производить и обрабатывать железо имело исключительное значение для освоения обширных северных пространств. Между тем многие аспекты традиционной металлургии якутов долгое время оставались вне поля зрения исследователей. Актуальность работы обусловлена назревшей необходимостью преодоления существенного пробела в изучении вопросов развития металлургии железа, анализа основных конструктивных особенностей якутских сыродутных горнов.

Цель и задачи. Основная цель представленной работы заключается в выделении различных типов якутских железвосстановительных устройств и уточнении хронологии их применения. Исходя из поставленной цели, были определены задачи исследования: проанализировать и системно рассмотреть известные материалы по черной металлургии якутов; вычленив особенности устройства сыродутных горнов; выделить морфологические типы агрегатов, применявшихся для производства железа.

Методы исследования. В работе реализован междисциплинарный подход с привлечением круга археологических, этнографических и исторических источников. Используются сравнительно-исторический и ретроспективный методы, приемы и подходы исторической типологизации и классификации.

Результаты. В результате исследования были выделены морфологические типы якутских сыродутных горнов, применявшихся при производстве железа. Определены хронологические рамки их существования. Выводы исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения проблемных аспектов, последующих работ по исследованию вопросов развития металлургической и кузнечной культуры в рассматриваемом регионе.

Ключевые слова: металлургия, производство железа, сыродутный горн, якуты, Якутия

I. Введение. Технологии производства железа и его последующей обработки были хорошо знакомы якутам. Самобытный характер традиций выплавки железа подкрепляется наличием в якутском языке специальной терминологии для обозначения железа – «*тимир*», крицы – «*болго*», фурмы – «*сорго*», измерительного инструмента – «*холо*» [Стрелов, 1928: 48]. Однако практически отсутствуют специальные исторические работы по черной металлургии, за исключением исследований К.Д. Уткина, посвященных кустарному железоделательному промыслу якутов XIX–XX вв. Археологическое изучение ограничивалось находками металлургических шлаков, фрагментов трубок-сопел на поселенческих и иных памятниках позднего средневековья – нового времени.

В окрестностях с. Марха близ г. Якутска А.П. Окладниковым при обследовании берегов Соляного озера были обнаружены шлаки, обломки сопел. Исследователь отметил древность находок и выдвинул предположение, что на этом месте якуты выплавляли из руды железо в дорусский период [Ленские древности...: 1950, с. 110]. Остатки разрушенных сыродутных горнов также обнаружены Н.Д. Архиповым на поселениях позднего средневековья Элээнньи, Хоту-Туулах II [Архипов, 1969]. Свидетельства черной металлургии виде шлаков и фрагментов глиняных трубок-сопел были отмечены на ряде памятников раннеякутской кулун-атахской культуры. В дерне и культурном слое поселений Кулун-Атах, Уорай были найдены многочисленные кусочки металлургического шлака, части

*Работа выполнена с использованием оборудования ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН

глиняных трубок-сопел [Гоголев, 1990: 18, 70]. На поселении Лонху в дерновом слое близ одного из жилищ был обнаружен небольшой фрагмент железной руды [Там же: 36]. При исследовании поселения XVIII в., расположенного в местности Кумахта-Малтаны, близ с. Октемцы, были обнаружены в большом количестве металлургический шлак, кованные изделия, а также точильный камень [Там же: 62]. Остатки кузнечной деятельности были выявлены в местности Ымьяхтаах Сотгинского наслега Усть-Алданского улуса (район), о чем свидетельствовали обломки сопла и многочисленные остатки шлака¹. На позднесредневековом поселении Сэндилэ были также найдены фрагменты четырех сопел кузнечных мехов и остатки горна-плавильни [Алексеева, 2008, с. 12]. Кроме того, следы плавки железа были обнаружены в ходе разведочных работ Вилюйского отряда археологической экспедиции ИГиИПМНС СО РАН на поселенческих памятниках якутской культуры XVII – нач. XX вв. в Верхневилуйском, Нюрбинском районах РС (Я) [Разведки в Якутии..., 2016: 395].

Якутам был известен так называемый сыродутный способ получения железа, который на протяжении многих веков являлся для человечества единственным способом получения черного металла до распространения чугунолитейной техники. Сыродутный процесс заключается в том, что специально обустроенная печь заполняется древесным углем и шихтой – мелкоизмельченной железной рудой вперемешку с углем. Далее загруженное топливо поджигается, получаемый в результате горения диоксид углерода (углекислый газ) преобразуется под воздействием высокой температуры и древесного угля в монооксид углерода, поднимается вверх по шахте горна и нагревает вышележащие слои угля и руды, происходит химическая реакция. Оксид железа, содержащийся в руде, под воздействием газов восстанавливается до железа, происходит отделение шлаков, которые в жидком виде стекают на дно печи. Восстановленные зерна железа по мере выгорания угля опускаются вниз и свариваются в рыхлую губчатую массу – крицу. По мере выгорания угля и шихты в печь загружалась следующая порция.

Для поддержания постоянной температуры горения и равномерного прогрева всего объема рабочей камеры горна требовалось стабильное поступление кислорода, что достигалось путем нагнетания воздуха с помощью специальных мехов. Отсюда происходит название процесса, производное от слова «сырое», т.е. холодное дутье. Термин появился в середине XIX в., когда для подачи воздуха стали применять паровые машины и сам воздух предварительно подогревать, а архаичный способ стали называть «сыродутный».

В целом восстановительный процесс достаточно прост и универсален, состоит из ряда последовательных операций: подготовки топлива и шихты, периодической загрузки топлива и руды, постоянного воздушного дутья. Вместе с тем, несмотря на универсальность технологических операций, результат восстановительного процесса напрямую зависит от характеристик конкретного сыродутного горна.

Основной целью работы является попытка вычленивать конструктивные варианты якутских сыродутных горнов, определить их хронологию.

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключается в углублении и уточнении имеющихся представлений о металлургическом производстве якутов в эпохи позднего Средневековья и Нового времени. В настоящее время можно отметить недостаточный характер специальных исследований теплотехнических сооружений, применяемых при производстве железа. Связано это с тем, что сыродутные горны зачастую полностью разрушались в процессе извлечения готовой крицы. Случаи обнаружения агрегатов хорошей степени сохранности весьма редки и представляют большую научную ценность. В работе впервые выделена схема классификации и типологизации якутских сыродутных горнов, проведена систематизация имеющихся представлений о металлургии якутов, вводятся в научный оборот новые материалы археологических раскопок. Полученные сведения могут быть использованы для дальнейшего изучения проблемного вопроса, развития металлургической и кузнечной культуры в рассматриваемом регионе.

II. Материалы и методы. Источниковой базой исследования послужили материалы архео-

¹Устное сообщение к.и.н. В.В. Ушницкого

логических памятников Якутии, содержащих свидетельства металлургического производства. Для наиболее полного раскрытия темы привлечены этнографические свидетельства. Большой пласт информации об уровне развития металлургической и кузнечной культуры якутов содержится в этнографических наблюдениях русских путешественников и политссыльных. Среди этих работ можно выделить следующие: «Якуты» В.Л. Серошевского, «Вилуйский округ Якутской области» Р.К. Маака. Отдельно стоит отметить публикации А.А. Гайдуга, Е.В. Стрелова, посвященные вопросам производства якутов в начале XX в.

Работа основана на традиционных методах исторического исследования, применяются сравнительно-исторический и ретроспективный методы. Археологические свидетельства сопоставляются с этнографическими данными, историческими сведениями о производстве железа.

III. Результаты. Одним из первых, кто обратил внимание на устройство якутских плавильных, считается Г.Ф. Миллер, посетивший Якутию в составе академического отряда Второй камчатской экспедиции (1733–1743 гг.). Он отметил, что сыродутный горн якутов не имеет никаких отличий от татарского, за исключением размеров и количества получаемого за плавку железа [Миллер, 2009: 285]. Сходство якутского и татарского горнов было отмечено также И.Г. Георги [Георги, 1799: 174]. Подробное описание небольшого глинобитного горна приводит В.Л. Серошевский. Печь имела кувшинообразную форму, высота составляла 1,1 м, ширина – 0,9 м, глиняная камера была обустроена над небольшой ямкой глубиной 0,35 м [Серошевский, 1993: 365]. Плавильную печь схожей конструкции описал Р.К. Маак во время экспедиции к вилуйским якутам. Горн имел высоту 1,15 м, внизу имелось отверстие для вынимания крицы [Маак, 1887: 181]. Иногда горн устраивали внутри набитого землей короба, делалось это ради увеличения его теплоемких свойств [Серошевский, 1993: 367]. Размещенные внутри деревянной клетки горны бытовали вплоть до первой половины XX вв. Ревизор-лесоустроитель А.А. Гайдук, командированный в 1910 г. на реки Лютенге и Буотаму, оставил описание и схематический рисунок печи, помещенной в рубленую клеть. Клеть собиралась из жердин,

имела прямоугольную форму, размеры ее были следующие: высота – 0,8 м, ширина – 1,2 м, длина – 1,5 м. Плавильная печь кувшинообразной формы располагалась ближе к передней стенке клетки, где находилось специально проделанное отверстие для фурмы. Верхняя площадка – наполненная землей сруба – служила для складирования шихты, которую по мере сгорания подгребали к устью горна [Гайдук, 1911: 293]. Подробные размеры и зарисовку сыродутного горна приводит также Е.Д. Стрелов. Согласно его данным, деревянный сруб имел квадратное основание с отверстием в передней части. Плавильная камера была глинобитной, дополнительно обкладывалась известняковыми блоками, а пространство между ней и стенками сруба плотно забутовывалось глиной. Горн имел высоту 93,2 см, ширина составляла 44 см, устье – 22 см.

Отдельно стоит отметить сыродутные горны вилуйских металлургов XIX–XX вв. Крупный исследователь черной металлургии якутов К.Д. Уткин отмечал, что их домницы отличались своими размерами [Уткин, 1992: 30]. Высота их печей достигала 2 м, а то и превышала их; значительной была и толщина стенок, местами она равнялась 30 см. Колошниковое отверстие и объем плавильной камеры тоже отличались большими размерами, внутри такой печи свободно помещался взрослый человек. Имеются сведения, что при совместной плавке металлурги иногда строили агрегаты значительных размеров. К.Д. Уткин приводит случай, когда несколько мастеров-плавильщиков вместе с своими работниками построили печь высотой 3 м с пятью воздухоудвными мехами, плавка в такой печи продолжалась 5 дней, и в итоге было получено 25 пудов (400 кг) кричного железа [Уткин, 1992: 44].

В археологическом контексте железовосстановительные горны дошли до нас в той или иной мере сохранности. Случаи обнаружения железоделательных печей в удовлетворительном состоянии весьма редки, объясняется это тем, что при вытаскивании крицы рабочая камера горна частично или полностью разрушалась. Так, остатки металлургических горнов были обнаружены на позднесредневековом поселении XV–XVI вв. Сэндиэлэ, а также при исследовании мастерских Сынгасалаах I-II, Тулур, Урочище Марь-I, Куогастаах, датируемых XVI–XVII вв.

Поселение Сэндиэлэ было открыто в 1993 г. Н.П. Прокопьевым и Н.Н. Черосовым, оно расположено в 2 км к северу от с. Бютейдах Мегино-Кангаласского района РС (Я). При исследовании памятника были обнаружены фрагменты глиняных сопел, а также остатки сыродутного горна, свидетельствующие об устоявшейся железоделательной традиции [Алексеева, 2008: 12]. Более подробная информация об устройстве обнаруженного горна, форме и размерах отсутствует, что затрудняет задачу восстановления его внешнего облика.

Ряд металлургических горнов был выявлен при проведении разведочных работ на территории 2-го Жемконского наслега Хангаласского района РС (Я) в 2017 и 2020 гг. Итогом работ стало обнаружение 9 объектов, интерпретированных нами как железопроизводственные мастерские. Небольшие раскопочные работы были проведены на памятниках Сынгасалаах I и II, Тулур и Урочище Марь-I. В общей сложности были исследованы остатки пяти сыродутных горнов. Плавильные агрегаты были обустроены на искусственно возведенных насыпных площадках. Рабочая камера усеченно-яйцевидной формы сооружалась из глины, размещалась в специальной яме, выкапываемой в середине земляной насыпи. Стенки и дно ямы обкладывались плитками известняка.

Еще один агрегат для производства железа был обнаружен в местности Куогастаах в Верхневилуйском районе РС (Я). Остатки металлургической печи были выявлены на краю небольшой ложбины, врезанной в берег р. Тонгуо. От самого глинобитного горна сохранилась лишь чашеобразное основание. Вероятно, печь имела кувшинообразную форму. Горн был обустроен на специальном основании, представляющем собой клеть из тонкомерных бревен. Внутреннее пространство плотно забутовано песчано-глинистым материалом.

В целом приведенные архивные данные, материалы археологических раскопок и этнографические свидетельства демонстрируют достаточную вариабельность конструкции сыродутных горнов. Имеющийся материал позволяет выделить ряд типов теплотехнических сооружений, применявшихся при производстве железа. Для создания первичной типологии объектов мы предлагаем использовать морфологический

подход. В качестве основополагающего признака применен такой показатель, как высота горна, так как это напрямую влияет на производительность агрегата. В зависимости от высоты и объемов рабочей камеры рассчитывается необходимое количество загружаемой в горн порций руды и угля, определяется время «хода» шихты. Исходя из этого сыродутные горны были разделены на четыре вида.

1. Наземный низкий горн. Плавильная камера кувшинообразной формы обустроивалась полностью из глины, общая высота достигала 1-1,3 м от уровня земли. Внутренняя рабочая камера горна составляла 31-32 см. Толщина стенок не превышала 5-6 см, в среднем достигала 3,5-4 см. Для выемки готовой крицы в тулове горна обустроивали технологическое отверстие, которое во время работы замуровывалось. Наземное положение горна не было рассчитано на многократное применение, после плавки глинобитные стенки приходили в негодность и демонтировались. Остатки наземных сыродутных печей на археологических памятниках встречаются в виде кусков ошлакованных и прокаленных кусков глиняной обмазки, пятен прокаленной почвы. Исключение составляет обнаружение сохранившегося чашеобразного основания на железоделательной мастерской в местности Куогастаах.

2. Низкий горн, укрепленный земляной обваловкой. Горны подобного типа имеют небольшие размеры, высота от основания до верхней кромки составляет 52-58 см. Толщина стенок в донной части достигает 7-10 см и 2,5-3 см у устья. Отличительной конструктивной чертой плавильных подобного типа является наличие земляной обваловки и обкладка каменными плитами. Насыпь вокруг горна служила для сбережения тепла, обеспечивала устойчивость корпуса, а также предохраняла саму печь от механических воздействий и разрушения.

3. Низкий горн, размещенный в деревянном срубе. Представление об этом типе металлургического агрегата дают весьма подробные описания, составленные А.А. Гайдуком и Е.Д. Стреловым. Горн подобной конструкции достигал в высоту более 1 метра, отличался толстыми, прочными стенками, рассчитанными на многократное применение.

4. Высокий горн. Эта категория железостановительных печей представлена агрегата-

ми, высота рабочей камеры которых достигает более 1,5 м. Глинобитные стенки достигали в толщину 20-30 см, чтобы могли выдержать нагрузку и не рухнуть под собственным весом. Для дополнительного укрепления рабочая камера горна частично размещалась внутри бревенчатого сруба, а выступающая часть усиливалась тальниковыми обручами.

IV. Обсуждение. Самым простым и, вероятно, наиболее архаичным устройством является низкий горн с земляной обваловкой. Горны подобного типа представлены материалами производственных мастерских Сынгасалаах I-II, Тулур и Урочище Марь-I. Результаты радиоуглеродного датирования образцов древесного угля из внутрикамерного пространства горнов показали, что производство железа на этих объектах происходило в конце XV – начале XVII вв. Обнаруженные в большом количестве фрагменты глиняных трубок-сопел свидетельствуют о том, что восстановительный процесс в исследованных горнах происходил при принудительном нагнетании воздуха с помощью мехов. Параллели можно найти среди плавильных агрегатов средневековых металлургов таежной зоны Нижнего и Северного Приангарья, Среднего и Нижнего Енисея, датируемых XI–XV вв. [Сунчугашев, 1979; Гладилин, 1985; Леонтьев, Дроздов, 2005; Сенотрусова, 2016]. Особенное сходство нами отмечено с сыродутными горнами населения Горной Шории [Водясов, 2012: 170]. Применение в железопроизводстве горнов с земляной обваловкой зафиксировано на территории Якутии в конце XV – нач. XVII вв. [Николаев, 2018: 20]. Однако имеются сведения, что традиция производства железа в печах подобной конструкции сохранялась в некоторых районах вплоть до начала XX в.¹

Следующий вид представлен наземными низкими сооружениями. Горны сооружались полностью из глины без какого-либо дополнительного укрепления стенок. Подробные описания наземных печей приведены в работах В.Л. Серошевского и Р.К. Маака. К этой категории также отнесен сыродутный горн, исследованный в местности Куогастаах и датированный второй половиной XVII в. [Николаев, 2019: 189]. Следует отметить, что горны подобного

типа на археологических памятниках практически не сохраняются либо доходят до нас в сильно фрагментированном виде, представленном аморфными кусками ошлакованной и прокаленной глиняной обмазки. Время бытования наземных глинобитных горнов можно определить XVII–XIX вв.

В отдельную категорию были выделены металлургические горны, заключенные в деревянный сруб. Плавильни такого рода отмечены исследователями в конце XIX – нач. XX вв. и по своему устройству идентичны ручным домницам карельских и сибирских крестьян [Колчин, 1953: 34; Сунчугашев, 1976: 164]. Сведения о наличии у якутов в более раннее время горнов, размещенных внутри деревянного сруба, отсутствуют, в археологических памятниках остатки подобных конструкций также не зафиксированы. По всей видимости, срубные конструкции среди якутских металлургов получили распространение вследствие культурного и технологического обмена с русским населением. Рассчитанный на многократное применение, стационарный горн постепенно вытеснил архаичные формы.

Большие горны вилюйских металлургов, как уже было отмечено, занимают обособленное положение. Они получают распространение во второй половине XIX в., когда объемы производства железа достигли наивысшего развития. Резкое увеличение рабочего пространства печи было вызвано стремлением обеспечить наибольшую производительность. Использование больших домниц требовало совместного труда большого количества людей, для обслуживания одного такого горна требовалось 7-10 рабочих. Большие горны были распространены по всем региональным центрам металлургии, отличаясь лишь незначительными деталями постройки [Уткин, 1992: 31].

V. Заключение. Подводя итог, мы можем констатировать, что железоплавильные устройства якутов, несмотря на общий принцип работы, конструктивно отличаются друг от друга. В арсенале у металлургов имелись горны с земляной обваловкой, наземные глинобитные, укрепленные срубом и большие домницы. Выделенные морфологические типы горнов применялись при производстве железа в различное вре-

¹Ливадин В.В. Якутские ремесла // Рукописный фонд ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351.

мя, тем не менее некоторые агрегаты архаичных форм могли бытовать вплоть до XX в. Предложенная нами схема распределения сыродутных горнов является базой для первичного изучения и сравнения объектов. Вместе с тем необходимо учитывать, что каждый горн имеет свои индивидуальные особенности и требует отдельного изучения в присущем ему археологическом контексте.

Список литературы:

Алексеева А.Н. Анализ палеэтнографических фондов Мегино-Кангаласского краеведческого музея как исторических источников // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–5 (60). С. 11–14.

Архипов Н.Д. Археологические памятники Нижнего Вилюя // Археологические открытия 1968 года. М., 1969. С. 206–207.

Водясов Е. В. Средневековые сыродутные горны Шайтанского археологического микрорайона // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 359. С. 79–82.

Гайдук А.А. Производство сыродутного железа в Якутском округе // Журнал русского географического общества. СПб., 1911. С. 213–292.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. II. О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. СПб., 1799. 178 с.

Гладилин А.В. Металлургия Среднеангарья // Археологические исследования в районе новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 167–180.

Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего Средневековья (XIV–XVIII вв.): Иркутск, 1990. 192 с.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (Домонгольский период). Москва, 1953. 259 с.

Ленские древности // Вып. 3: Отчет об археологических исследованиях в районе с. Покровского и г. Якутска в 1940–1946 гг. [А.П. Окладников, Н.Ф. Григорьев, В.Е. Гарутт, А.А. Гуреев, В.П. Якимов. Ответственный редактор А.Н. Бернштам]. М.; Ленинград, 1950. 242 с.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. К вопросу о развитии металлургии железа у племен Северного Приангарья по материалам стоянки Пашина // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и со-

предельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г.). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. Т. 11. Ч. 1. С. 390–393.

Маак Р.К. Вилюйский округ Якутской области. Ч.3. Изд. 1-е. СПб.: Типография и хромофотография А. Траншеля, 1883–1887. 228 с.

Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов [Изд. А.Х. Элерт, В. Хинтцше. Перевод с немецкого А.Х. Элерт]. Москва: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.

Николаев Е.Н. Куоугастаах: новый памятник железоплавильного производства в долине р. Тонгуо (Верхневиллюйский район, Р С (Я)) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 11. С. 181–190.

Николаев Е.Н. Новые материалы по черной металлургии якутов // Genesis: исторические исследования. 2018. №12. С. 16–23.

Разведки в Якутии [Р.И. Бравина и др.] // Археологические открытия 2014 года. М.: Институт археологии РАН, 2016. С. 392–395.

Сенотрусова П.О., Самородский П.Н., Мандрыка П.В. Материалы по черной металлургии на комплексе Проспихинская Шивера IV в Нижнем Приангарье // Вестник НГУ. Т. 15. № 5. Серия: Археология и этнография. 2016. С. 136–147.

Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. Изд. 2. М., 1993. 713 с.

Стрелов С.А. К вопросу об эксплуатации залежей железных руд по рр. Ботоме и Лютенге (по архивным данным) // Хозяйство Якутии. 1928. № 1. С. 48–63.

Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа // Новосибирск: 1979. 192 с.

Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. 416 с.

Уткин К.Д. Черная металлургия якутов второй половины XIX – нач. XX вв. Якутск, 1992. 88 с.

References:

Alekseeva A.N. Analiz palejetnograficheskikh fondov Megino-Kangalasskogo kraevedcheskogo muzeja kak istoricheskikh istochnikov [Analysis of the paleoethnographic collections of the Megino-Kangalas Museum as historical sources]. *Izvestiya altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [The News of Altai State University]. Volume 4-5 (60). 2008. Pp. 11-14. (In Russian)

Arhipov N.D. Arheologicheskie pamjatniki Nizhnego Viljuja [Archaeological sites of Lower Vilyui]. *Arheologicheskie otkrytija 1968 goda* [Archaeological discoveries of 1968]. Moscow, 1969. Pp. 206–207. (In Russian)

Vodjasov E.V. Srednevekovye syroductnye gorny Shajtanskogo arheologičeskogo mikrorajona [Medieval blast-furnaces of the Shajtan archaeological microdistrict]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. Volume № 259. 2012. Pp. 79–82. (In Russian)

Gajduk A.A. Proizvodstvo syroductnogo zheleza v Jakutskom okruge [Production of raw iron in the Yakut district]. *Zhurnal russkogo geograficheskogo obshhestva* [Journal of Russian Geographical Society]. St. Petersburg, 1911. Pp. 213-292. (In Russian)

Georgi I.G. *Opisanie vseh obitajushhij v Rossijskom gosudarstve narodov: ih zhitejskij obrjadov, obyknovenij, odezhd, zhilishh, uprazhnenij, zabav, veroispovedanij i drugih dostopamjatnostej* [Description of all peoples living in the Russian state: their everyday rituals, customs, clothes, dwellings, exercises, fun, religions and other attractions]. Part 2: About the peoples of the Tatar tribe and other unresolved origins of the Northern Siberian. St. Petersburg, 1799. 178 p. (In Russian)

Gladilin A.V. Metallurgija Sredneangarskaja [Metallurgy of the middle Angara region]. *Arheologičeskie issledovanija v rajone novostroek Sibiri* [Archaeological research in the area of new buildings]. Novosibirsk, 1985. Pp. 167–180. (In Russian)

Gogolev A.I. *Arheologičeskie pamjatniki Jakutii pozdnego srednevekov'ja (XIV–XVIII vv.)* [Archaeological sites of Yakutia of the Late Middle Ages]. Irkutsk: Irkutsk University Publ., 1990. 192 p. (In Russian)

Kolchin B.A. *Černaja metallurgija i metalloobrabotka v drevnej Rusi (Domongol'skij period)* [Ferrous metallurgy and metalworking in ancient Russia (pre-Mongol period)]. Moscow: Academy of Sciences SSSR Publ., 1953. 259 p. (In Russian)

Lenskije drevnosti. Issue 3: Otchet ob arheologičeskijh issledovanijah v rajone s. Pokrovskogo i g. Jakutskaja v 1940–1946 gg. [The Lena antiquities. Report on archaeological research in the area of the village of Pokrovsky and Yakutsk in 1940–1946]. A.P. Okladnikov, N.F. Grigor'ev, V.E. Garutt, A.A. Gureev, V.P. Jakimov; executive editor. A. N. Bernshtam. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences SSSR Publ., 1950. 242 p. (In Russian)

Leont'ev V.P., Drozdov N.I. K voprosu o razvitii metallurgii zheleza u plemen Severnogo Priangarskaja po materialam stojanki Pashina [On the development of iron metallurgy among the tribes of the northern Angara region based on materials from the Pashina site]. *Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij (Materialy Godovoj sessii Instituta arheologii i jetnografii SO RAN 2005 g.)* [The problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories (materials of the annual session of the Institute of Archeology and Ethnography

of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2005)]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2005. Volume 11. Part 1. Pp. 390-393. (In Russian)

Maak R.K. *Viljujskij okrug Jakutskoj oblasti* [Vilyuysky District Yakut area]. Part 3. Edition 1. St. Petersburg: Tipografija i hromolitografija A. Transhelja, 1883-1887. 228 p. (In Russian)

Miller G.F. *Opisanie sibirskih narodov* [A description of the Siberian peoples]. *Pamjatniki istoričeskoi mysli* [A monuments of historical thought]. Publishers A.Kh. Elert, W. Hintzsche. Translated from German by A.H. Ehlert. Moscow, 2009. 456 p. (In Russian)

Nikolaev E.N. Kuogastaah: novyj pamjatnik zhelezoplavil'nogo proizvodstva v doline r. Tonguo (Verhneviljujskij rajon, RS (Ja) [Kuogastaah: new iron-smelting monument in the Tonguo River Valley (Verhneviljujskij District, Republic of Sakha)]. *Genesis: istoričeskie issledovanija* [Genesis: historical research]. 2019. № 11. Pp. 181-190. (In Russian)

Nikolaev E.N. Novye materialy po chernoju metallurgii jakutov [A new materials on ferrous metallurgy of Yakut]. *Genesis: istoričeskie issledovanija* [Genesis: historical research]. 2018. №12. Pp. 16-23. (In Russian)

Razvedki v Jakutii [Exploration in Yakutia]. *Arheologičeskie otkrytija 2014 goda* [Archaeological discoveries of 2014]. R.I. Bravina and other. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. 2016. Pp. 392-395. (In Russian)

Senotrusova P. O., Samorodskij P. N., Mandryka P. V. Materialy po chernoju metallurgii na komplekse Prospihinskaja Shivera IV v Nizhnem Priangarskaja [Materials on ferrous metallurgy on the complex Prospikhinskaja Shivera IV in the Lower Angara region]. *Vestnik NGU* [Novosibirsk State University Bulletin]. Volume 15. №5: Archeology and Ethnography. 2016. Pp. 136–147. (In Russian)

Seroshevskij V. L. *Jakuty: opyt jetnograficheskogo issledovanija* [Yakuts: an experience of ethnographic research]. Edition 2. Moscow, 1993. 713 p. (In Russian)

Strelov S.A. K voprosu ob jekspluatacii zalezhej zheleznyh rud po r.r. Botome i Ljutenge (po arhivnym dannym) [To the issue of the exploitation of iron ore deposits along the rivers and Lyutenge bot (for archived data)]. *Hozjajstvo Jakutii* [The economy of Yakutia]. 1928. №1. Pp. 48-63. (In Russian)

Sunchugashev Ja.I. *Drevnjaja metallurgija Hakasii. Jepoha zheleza* [Ancient metallurgy of Khakassia: the iron age]. Novosibirsk, 1979. 192 p. (In Russian)

Tokarev S.A. *Obshhestvennyj stroj jakutov XVII–XVIII vv.* [The social system of the Yakuts of the 17-18th century]. Moscow. The book house «LIBROKOM», 2018. 416 p. (In Russian)

Utkin K.D. *Chernaja metallurgija jakutov vtoroj poloviny XIX – nach. XX vv.* [Ferrous metallurgy of the Yakuts of the second half of the 19th and early 20th centuries] Yakutsk: Yakutsk book publ., 1992. 88 p. (In Russian)

E.N. Nikolaev

XV–XIX Centuries Yakut Blast Furnaces: Typological and Chronological Problems

Scientific novelty. Mastering iron production technologies is one of the most important achievements of mankind. Iron tools and weapons played a revolutionary role in history and led to a radical transformation of the economic structure and ideological foundations of ancient societies. It was the ability of the Yakuts to produce and process iron that was of exceptional importance for the development of vast northern areas. Meanwhile, many aspects of the traditional metallurgy of the Yakuts have long remained out of sight of researchers. The relevance of the work is due to the urgent need to overcome a significant gap in the study of the development of iron metallurgy, the analysis of the main design features of the Yakut blast furnaces.

The main aim and tasks of this work is to identify various types and clarify the chronology of the Yakut iron-reduction devices. Proceeding from this aim, the research tasks were determined: to analyze and systematically consider the known materials on the ferrous metallurgy of the Yakuts; to isolate the features of the device of the blast furnaces; to distinguish morphological types of aggregates used for the production of iron.

Research methods. The work implements an interdisciplinary approach involving a range of archaeological, ethnographic and historical sources. Comparative historical and retrospective methods, techniques and approaches of historical typology and classification are used.

Results. As a result of the study, the morphological types of Yakut blast furnaces used in the production of iron were identified. The chronological framework of their existence has been determined. The findings of the study can be used for further study of problematic aspects, subsequent work on the study of the development of metallurgical and blacksmith culture in the region under consideration.

Keywords: metallurgy, iron production, gas-fired forge, Yakuts, Yakutia

Д.З. Гаврильев

DOI: 10.25693/SVGV.2021.37.4.003

УДК 903.02(571.56)

Сравнительно-типологический анализ якутской керамики с XIV по XX вв.

Научная новизна. В статье в рамках одной работы проведен сравнительный анализ якутской керамики за широкий период от XIV до начала XX вв.

Целью статьи является обобщение знаний о керамике якутов, которая разрозненно представлена в археологической и этнографической литературе. В соответствии с этим поставлены следующие *задачи*: дать общую характеристику керамического комплекса на каждом этапе якутской истории; выявить особенности и постоянство в развитии якутского гончарного ремесла.

Методы исследования. Для осуществления поставленной цели и задач использованы описательный, сравнительный и сравнительно-сопоставительный анализ.

© Гаврильев Д.З., 2021

Результаты. Опираясь на большой историографический материал, обобщены и систематизированы сведения по якутской керамике, выделены характерные черты для каждого периода, а также определены постоянные элементы, сохраняющиеся на протяжении всех этапов развития якутского гончарного искусства. В целом обзор литературы выявил большое количество сведений по данному предмету, но следует отметить, что керамика, как правило, не занимает центральную роль в работе, ей отводится место как одного из хозяйственных элементов в якутской материальной культуре. Что в свою очередь поднимает вопрос о необходимости написания монографической работы, специально посвященной гончарству якутов.

Ключевые слова: керамика, гончарство, орнамент, культура «малых домов», кулун-атахская культура, традиционная якутская культура

I. Введение. Гончарное ремесло предполагает поэтапный процесс выполнения операций, каждая из которых требует от гончара (күөсчүт, күөс охсооччу) умения отобрать глину, подготовить её, слепить горшок, нанести орнамент, правильно его подсушить и обжечь. Весь этот технологический процесс является гончарной традицией, сохраняющейся в этнографической культуре на протяжении столетий.

Историю якутской керамики следует начать с культуры «малых домов», открытой А.П. Окладниковым в 1940-е годы [Окладников, 1945: 48–62]. Это оседлая культура, но, судя по отсутствию на поселениях костей крупного рогатого скота и лошадей, скотоводства у них не было. А.П. Окладников считает «малые дома» культурой местных племен раннего железного века, ассимилированных пришельцами с юга. Основываясь на данных якутского фольклора, учитывая близость орнамента керамики культуры с позднейшей якутской керамикой и исходя из господствовавшей тогда концепции позднего прихода тюркоязычных предков якутов на Среднюю Лену, А.П. Окладников предположительно датирует культуру «малых домов» XV–XVI вв. [Окладников, 1955: 347–352]. В 1970-е гг. изучение культуры «малых домов» продолжил И.В. Константинов. Он поддерживает мнение А.П. Окладникова о том, что данная культура является переходной от раннего железного века к позднейшей якутской. Но что касается датировки культуры «малых домов», И.В. Константинов считает, что следует удревнить предложенные А.П. Окладниковым даты на одно-два столетия [Константинов, 1978: 44–49].

В 1970–1980-х гг. А.И. Гоголев открыл средневековую кулун-атахскую культуру XIV–XVI вв., и на основе новых археологических данных включил «малые дома» в ранний бесскотовод-

ческий этап кулун-атахской культуры [Гоголев, 1990: 49–50]. Исследователь А.Н. Алексеев считает «малые дома» самостоятельной культурой, предшествовавшей кулун-атахской [Алексеев, 1996а: 29]. В 2016 г. открытие поселения Айбы-Тайбыт принесло новые аргументы в пользу принадлежности «малых домов» к раннему этапу кулун-атахской культуры [Кириянов, 2019: 56–72]. В 1940-х гг. А.П. Окладников также исследовал позднеякутские поселения «кыргыз-этехов», в культурных слоях которых найдены фрагменты сосудов. В 1970-х гг. И.В. Константинов обнаружил шесть глиняных сосудов в якутских погребениях XVIII века [Константинов, 1971: 88–93]. Керамика была самым массовым материалом на якутских поселениях XVII–XVIII вв., исследованных А.И. Гоголевым в 1970–1980-х гг. [Гоголев, 1990: 92–95].

Для анализа задействованы историографические источники, отчеты, работы, посвященные керамическим комплексам культуры «малых домов» XIII в., кулун-атахской культуры XIV–XVI вв. и традиционной якутской культуры XVII–XIX вв. В статье рассмотрены основные этапы изменений в якутской керамической традиции, описанные в исторической литературе.

II. Материалы и методы. Исследование осуществлено с помощью типологического и сравнительного анализа историографических материалов, в которых есть информация о якутской керамике. Источником основных сведений о ранней якутской керамике «малых домов» являются труды А.П. Окладникова (1950, 1955), И.В. Константинова (1971, 1978) и А.Н. Алексеева (1996). Сведения о средневековой и поздней якутской керамике XIV–XVIII вв. взяты у А.П. Окладникова (1949, 1955), А.И. Гоголева (1990, 1993), А.Н. Алексеева (1991, 1996) и А.А. Саввина (2005). Технология изготовления керамической

посуды и нанесения орнамента описана в работах этнографов Р.К. Маака (1883) и В.Л. Серошевского (1896), а также в специальных научных статьях, посвященных гончарству В.И. Подгорбунского (1928) и Н.Ф. Прытковой (1955).

III. Результаты.

Керамика «малых домов» (XIII в.)

В 1940–1946 гг. в ходе работ Ленской историко-археологической экспедиции А.П. Окладниковым обнаружены поселения рыбаков и охотников, живших в небольших округлых и квадратных домах площадью 16–25 кв. м, по данному характерному признаку культура получила название «малые дома» [Окладников, 1945: 51–83]. В 1970-х гг. И.В. Константинов провел разведочные исследования на месте, где работал А.П. Окладников, и дополнил знания о культуре [Константинов, 1978: 46–49]. Также открытие поселения Айыы-Тайбыт в 2016 г. принесло новые данные [Кирьянов, 2019: 56–72]. Главным материалом с поселений стали многочисленные фрагменты керамики. Для них характерны следующие черты:

1. Форма сосуда и венчика. Фрагменты керамики имеют следы, указывающие как на плоскодонность, так и на круглодонность сосудов данной культуры. Сосуды по большей части тонкостенные – 0,3–0,5 см, немногочисленные толстостенные сосуды имеют размер 0,6–0,8 см. Венчики прямые, округлые по краю, иногда с утолщением и слегка скошены наружу.

2. Технический декор. По большей части внешняя поверхность сосудов гладкостенная. На ряде сосудов, где имеется декор, он представлен фигурными вдавлениями (линия-желобок под венчиком, геометрический фигурный штамп в виде «палочек»).

3. Орнаментация. Сосуды украшаются на венчике и верхней половине тулова. Венчики иногда утолщаются наклепными валиками, украшаются косыми насечками, ногтевыми вдавлениями и орнаментальным штампом из вдавлений-палочек. Под венчиком бывает прорезанная линия-желобок. Главный орнаментальный прием – это ряды наклепных горизонтальных валиков, от некоторых спускаются короткие вертикальные валики так же, как венчики украшаются косыми насечками. Между валиками встречаются круглые сквозные отверстия и наклепы округлых бугорков-шишек. По форме валики остросеберные и округлые в сечении.

Памятники культуры «малых домов» обнаружены А.П. Окладниковым в 1940-х гг. в местности Унгайы и п. Сангары (Кобяйский район) и в районе озера Сылах (Жиганский район). Керамика представлена фрагментами 9–10 плоскодонных толстостенных сосудов грубой ручной лепки, имеют преимущественно прямые венчики, под ними украшены наклепными продольными и короткими поперечными валиками, сквозными отверстиями и резными линиями-желобками, масса сосудов различна, одни черепки имеют большую примесь речного песка, другие как будто зерен шамота, третьи – мелкой дресвы, толщина стенок 0,3–0,4 см (рис. 1. 1–4). Ряд фрагментов выделяется необычным орнаментом: 1) фрагмент с тонким линейным узором в виде двойного зигзага. А.П. Окладников отмечает сходство формы и орнамента с берестяной посудой типа «чабычах» – усеченный конус, но вместо косых крестов из конского волоса, узор упрощен до зигзага (рис. 1. 6); 2) фрагмент со штампом на стенке, сходство с прямоугольно-зубчатым штампом бронзы и раннего железного века, Окладников делает вывод об архаическом местном происхождении специфических форм венчиков и позднейших якутских сосудов (рис. 1. 7).

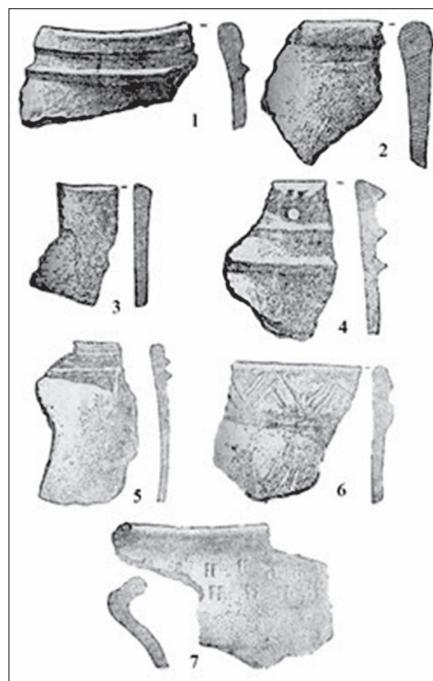

Рис 1. Керамика «малых домов». 1–4 – поселение Унгайы, 5–7 – находки южнее поселения (по: [Окладников, 1945, рис. 4, табл. V, VI])

Аналогией орнамента из налепных валиков служат сосуды из курумчинской культуры Прибайкалья [Окладников, 1945: 51–83].

Таким образом, в керамике поселений «малых домов», обнаруженных А.П. Окладниковым, присутствуют черты, сближающие как с архаической керамикой раннего железного века (тонкостенность, однослойность, фигурный штамп), так и с поздней якутской керамикой (налепные валики, плоскодонность).

В 1970-х гг. И.В. Константинов провел исследования «малых домов» в районе п. Сангар (Кобяйский район) и пункта вблизи пос. Хара-Алдан (Таттинский район). Керамика представлена фрагментами 8 сосудов, это тонкостенные горшки (0,3–0,5 см), украшенные налепными валиками и сквозными отверстиями, но орнаментальный ряд дополнен ногтевыми вдавлениями на продольном валике и налепными кружочками-«жемчужинами» (рис. 2. 1), также, по мнению И.В. Константинова, округлые стенки находок и обнаруженный фрагмент дна указывают на круглодонность сосудов культуры «малых домов» (рис. 2. 8, 9) [Константинов, 1978: 46–49].

Поселение Айыы-Тайбыт (ГО «город Якутск»). Обнаружены фрагменты 6 сосудов, из них 2 тонкостенных и 4 толстостенных (0,4–0,8 см), все – с прямым венчиком, в пяти случаях венчик утолщен. Под венчиками украшены продольными налепными валиками, сквозными отверстиями и резными линиями-желобками [Кирьянов и др., 2016: 273–274].

В целом можно отметить, что керамический комплекс «малых домов» представлен фрагментами округлых сосудов с плоским и круглым дном грубой лепной работы, венчики сосудов прямые, иногда с утолщением в виде налепного валика, ниже под венчиком проходит ряд горизонтальных налепных валиков, треугольных в сечении. Валики украшались сечениями и вдавлениями разнофигурного штампа. Отличием от поздней якутской керамики являются тонкостенность (0,3–0,4 см), косые насечки на венчике и фигурный штамп на валиках, что сближает ее с предшествующей «малым домам» культурой раннего железного века, для которой характерны тонкостенные сосуды с разнофигурным штампом.

Из этнографических источников известна техника производства поздних якутских сосудов,

сходство в формах и орнаменте позволяет считать, что горшки «малых домов» делали по той же технике. Вместе с тем архаичные элементы указывают на то, что в их производстве также могла применяться другая, более древняя техника.

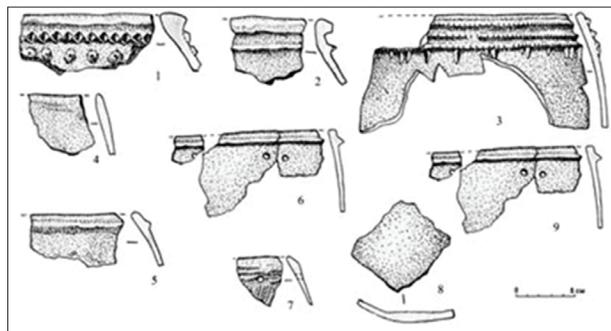

Рис. 2. Керамика «малых домов». Поселения Сангар (1, 2) и Хара-Алдан (3–9) (по: [Константинов, 1978, табл. XX, XXI])

Керамика кулун-атахской культуры (XIV–XVI вв.)

В 1976–1985 гг. в ходе работ археолого-этнографической экспедиции под руководством А.И. Гоголева в бассейне Средней Лены была открыта кулун-атахская культура. Найденные поселения скотоводческих племен открыли новый, средневековый этап в истории Якутии – переход от присваивающего хозяйства охотников и собирателей к производящему хозяйству. В керамике можно выделить следующие характерные черты:

1. Форма сосуда и венчика. Сосуды имеют четыре формы по степени распространенности – баночные, бочонковидные, горшковидные и пиалобразные. Венчики прямые, иногда утолщены валиком и слегка скошены наружу. Сосуды среднестенные и толстостенные в среднем примерно 0,5–0,8 см в толщину. Встречаются как плоскодонные, так и круглодонные сосуды (рис. 3).

2. Технический декор. Кулун-атахцы украшают сосуды сочетанием горизонтальных валиков, а также резных и точечных узоров, есть ещё отдельный тип орнамента, когда стенки украшены только резными узорами (рис. 4. Тип орнамента 4, 5).

3. Орнаментация сосудов. Главным орнаментальным приемом по-прежнему остаются налепные горизонтальные и вертикальные валики, стало больше фигурных арочных и круглых валиков. Венчики и валики украшаются разными насечками (рис. 3. Тип орнамента 1–3).

Далее рассмотрен керамический комплекс раннего этапа кулун–атахской культуры (кулун–атахский этап XIV–XV вв.) из 4 поселений: Кулун–Атах (Мегино–Кангаласский район), Уганья (Усть–Алданский район), Куоладыма и Кытанах Маллата (Чурапчинский район). Находки состоят из среднестенных и толстостенных сосудов; из тех, чьи формы хорошо видны, преобладают баночные и бочонковидные. Встречаются фрагменты, указывающие на круглодонность. Венчики прямые, редко скошены наружу и утолщены налепным валиком. Ниже идут ряды острореберных налепных валиков. Бортики и валики украшаются косыми насечками в «елочку». Толщина стенок равна 0,5–0,8 см. Масса сосудов составлена из хорошо отмученной глины с примесью шамота и крупнозернистого речного песка. Стенки гладкие и черного цвета, обжиг равномерный [Гоголев, 1990: 10–23].

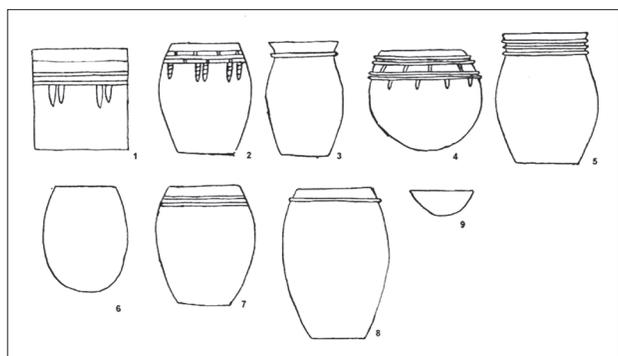

Рис. 3. Типы глиняных сосудов кулун–атахской культуры (по: [Гоголев, 1990, табл. LX])

Из общего ряда можно выделить некоторые украшения, которые также встречались в орнаменте керамики «малых домов»: 1) широкие налепные валики на венчике, разделенные на части линиями–желобками; 2) короткие поперечные валики, свисающие с продольных валиков; 3) налепные кружочки – «жемчужины».

В поселении Кулун–Атах найден фигурный орнамент – вертикальный валик в форме якоря и фигурки в виде буквы V. Похожий фрагмент сложноустроенного орнамента был обнаружен А.П. Окладниковым на стоянке XVIII века в районе Областной больницы [Окладников, 1950: 95].

Сырдыкский этап кулун–атахской культуры XV–XVI вв. Поселения Сырдык Сулус (Амгинский район), Лонху (Мегино–Кангаласский рай-

он) и Тумул (Усть–Алданский район). Керамический материал во многом повторяет предыдущий этап, среди сосудов стало больше толстостенных (0,8 см), встречаются как плоскодонные, так и круглодонные. Формы баночные и бочонковидные, дополнились яйцевидными и пиалообразными чашами. Орнамент, помимо горизонтальных и вертикальных налепных валиков, представлен арочными и зигзагообразными налепами. Некоторые сосуды украшались только резными и точечными узорами (крестообразные, арочные и «птичьи лапки») [Гоголев, 1990: 23–36].

В целом в керамическом комплексе кулун–атахской культуры преобладают среднестенные и толстостенные сосуды толщиной от 0,5 до 0,8 см. Преобладающие формы – баночные и бочонковидные. Сосуды имеют плоское и круглое дно. Венчики чаще всего прямые с округленным бортиком, из них некоторые украшаются резным узором (округлые вдавления, косые насечки). Под венчиком сосуды опоясаны рядами острореберных горизонтальных налепных валиков, иногда украшенных косыми «елочными» или прямыми «рубчатыми» насечками. Ряд сосудов имеют сочетание горизонтальных и вертикальных валиков. Масса сосудов состоит из хорошо отмученной глины и примеси шамота с вкраплениями речного песка.

А.И. Гоголев заключил, что глиняные сосуды кулун–атахцев находят аналогии в Прибайкалье, а также в Южной и Западной Сибири. Например, баночные и бочонковидные сосуды с прямыми венчиками, ниже украшенные рядами горизонтальных налепных валиков, в сочетании вертикальными валиками (между рядами и свисающие от нижнего ряда), встречаются на керамике из курыканских могильников у озера Нурэ в Прибайкалье и в шатровых могильниках в заливе Куркут. Аналогичные сосуды обнаружены в древнеуйгурских погребениях из Чааты у горы Бай–Даг, в курганах и поселениях по рекам Селенга, Сава, Чикой. Такая орнаментация распространена на Байкале с эпохи раннего железного века [Гоголев, 1993: 30].

В результате анализа имеющихся материалов можно считать, что керамика кулун–атахской культуры является эволюцией керамических форм «малых домов». По сравнению с предыдущим периодом стало больше плоскодонных и

толстостенных сосудов, а также выросло разнообразие форм и орнаментации сосудов.

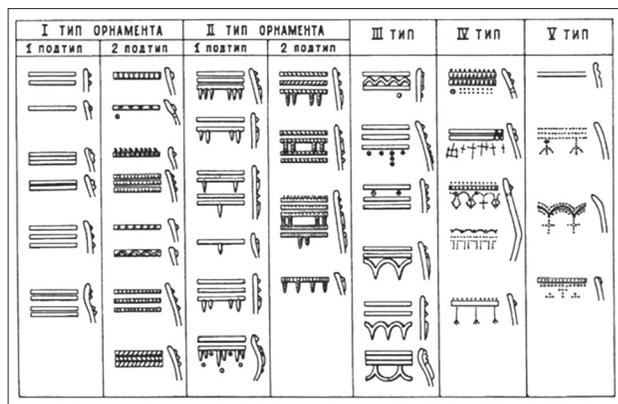

Рис. 4. Типы орнамента кулун-атахской культуры (по: [Гоголев, 1990, табл. LIX])

Традиционная якутская керамика (XVII–XVIII в.)

Формы сосудов находят аналогии в предыдущей эпохе. Орнамент данного периода показывает эволюционное развитие гончарного ремесла кулун-атахской культуры. Начиная с середины XVII в., происходит огрубление общего облика горшков. Выделяются следующие характерные черты:

1. Форма сосуда и венчика. Традиция кулун-атахской культуры отражается в сохранении бочонковидных сосудов. Венчики баночных сосудов прямые, иногда утолщены валиком и слегка скошены наружу, в остальных сосудах венчик преимущественно круто нависает карнизом. Получили распространение низкие широкие сосуды – «багарчах» (похож на деревянную миску кытыйа). Сосуды толстостенные, в среднем примерно 0,6–0,8 см в толщину. Дно, как правило, плоское, но все еще встречаются круглодонные сосуды (рис. 5).

2. Технический декор. Сосуды украшены большим разнообразием резных и точечных узоров, выделенные в пятый и шестой тип орнамента. Узоры наносятся на верхнюю часть сосуда: венчик, шея, часть плечика (рис. 7. Тип орнамента 4, 5).

3. Орнаментация сосудов. Самым распространенным способом украшения являются наклепные горизонтальные и фигурные валики, арочных, округлых и зигзагообразных форм. Традиция предыдущей эпохи отражена в сочетании горизонтальных и коротких вертикаль-

ных валиков, спускающихся от последнего ряда. Венчики и валики украшаются разными насечками (рис. 7. Тип орнамента 1–3).

В 1940-х гг. в долине р. Малая Марха А.П. Окладников раскопал поздние якутские поселения, получившие название культура «кыргыс-этехов» [Окладников, 1955: 371]. Керамика представлена фрагментами 6 сосудов, украшены налепными валиками и резными фигурами. А.П. Окладников отмечает богатство и разнообразие форм и орнамента керамики «кыргыс-этехов» XVIII в. по сравнению с поздней якутской керамикой, которую называет упадочной [Окладников, 1945: 13–15].

В якутских погребениях XVIII в., раскопанных И.В. Константиновым в 1960-х годах, было найдено всего 5 сосудов (из них 4 целых) и 1 фрагмент сломанного венчика. Последняя скорее всего иллюстрирует погребальный обряд «умерщвления» предмета [Бравина, 1996: 59]. В основном сосуды чашеобразной формы, с прямыми венчиками, утолщенные наружу налепными валиками. Стенки сосудов округлые, плавно сужаются к узкому плоскому дну. Под венчиками сосуды украшены рядами острорезберных налепных валиков, часть валиков украшена рассечениями прямых нарезок, штампом из фигур в виде развилки и «копытцами». Сосуд с «копытцами» богато украшен под валиками резным орнаментом типа «арки», ниже свисают крестообразные фигуры, образованные вдавливанием шести ямок. Два сосуда выбиваются из общей массы, один отличается баночной формой, второй – богатым орнаментом [Константинов, 1971: 88–93].

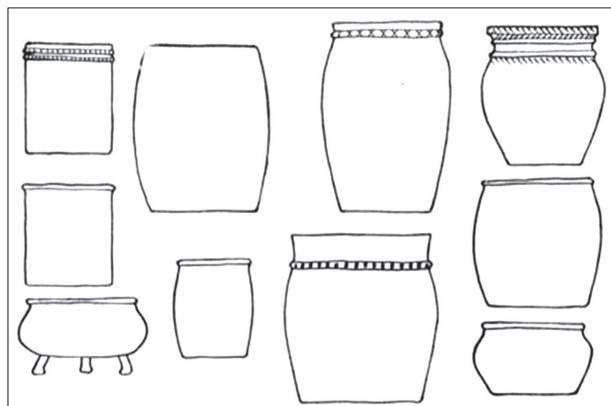

Рис. 5. Типы глиняных сосудов XVII–XIX вв. (по: [Гоголев, 1990, табл. XLV])

И.В. Константинов отмечает сходство сосудов из погребений с деревянными чашками, для которых характерны подобие налепных валиков и утолщенные бортики, украшенные рассеченными прямыми или косыми нарезками. Также на деревянных чашках и глиняных сосудах узкое плоское дно. Исследователь считает, что сходство обусловлено близким бытовым назначением предметов, и допускает, что древние мастера повторяли в деревянной посуде формы и орнамент глиняных горшков.

В 1970–1980-х гг. раскопки А.И. Гоголева существенно дополнили материальный облик якутской культуры XVII–XVIII вв. Большой объем керамического материала систематизирован в типологических таблицах на рисунках 4 и 5.

Поселения XVII в. Кюбэйи, Оргумай (Горный район), Чыбыда (Вилуйский район), Уганья (Усть-Алданский район) Ампаардах (Мегино-Кангаласский район). Керамический материал поселений представлен баночными толстостенными сосудами с налепными валиками, декор украшен фигурными, точечными и резными вдавлениями на верхней части сосудов. Чаще чем в кулун-атахском этапе встречаются утолщения венчика. Встречены два яйцевидных сосуда и венчики со сквозными отверстиями. Масса сосудов состоит из отмученной глины и шамота. Толщина стенок 0,6–0,8 см [Гоголев, 1990: 52–59].

Поселения XVIII века. Раскопано свыше десяти поселений в центральных и вилуйских районах. Керамика на поселениях по-прежнему остается толстостенной с налепными валиками, штампованным орнаментом и плоским дном. Преобладают баночные и бочонковидные формы сосудов с утолщенным венчиком, по внешнему облику похожи на поздние якутские горшки начала XX в. На поселении Кумахта Малтаны видно влияние русского гончарства – на сосудах, повторяющих облик русских горшков. Толщина стенок 0,6–0,8 см [Там же: 59–72].

В 1996 г. археологический отряд МАЭ ЯГУ выполнял хозработы и нашел ряд поселений с керамическими находками. Между с. Тюнгюлю и Матта в Усть-Алданском районе было обнаружено 4 поселения XVIII–XIX вв.: Бялиги, Тюсюлге, Етёх и Онгхойдоох. Керамический материал состоит из фрагментов толстостенных сосудов 0,8–1,1 см, украшены налепными валика-

ми и округлыми вдавлениями, венчики утолщены и скошены наружу, прямые стенки фрагментов скорее всего указывают на баночную форму и соответственно плоскодонность горшков. Обжиг красновато-коричневый снаружи и черный изнутри. Наиболее выразительны два фрагмента: 1) прямой венчик, утолщенный налепом, украшен сверху и по бортику рядом ямочных вдавлений (рис. 6. 1); 2) бортик венчика прямой, скошен наружу, под ним налепной валик, между венчиком и валиком, а также под валиком проходят ряды орнамента, сделанного ногтевым зацепом (рис. 6. 2) [Алексеев, 1996б: 7–17].

В Хангаласском районе открыто поселение Еланка XVIII в., рядом с одноименным селом. В поселении найден фрагмент сосуда с двумя продольными налепными валиками, между нижним валиком нанесены два ряда эллипсовых ногтевых вдавлений. Этот орнамент похож на фрагмент из поселения Харандаас XVIII в. в Вилуйском районе, обнаруженный А.И. Гоголевым [Гоголев, 1990: 68], что говорит об устойчивости керамических традиций в широком географическом диапазоне в указанное время (рис. 6. 3) [Алексеев, 1996в: 11].

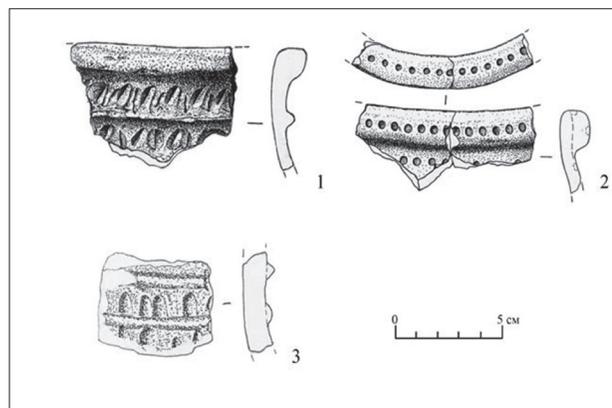

Рис. 6. Находки археологического отряда МАЭ ЯГУ в 1996 г.

В XVII–XVIII вв. происходят большие изменения в материальной и духовной культуре якутов в связи с вхождением Якутии в состав Российского государства в 1632 году, но якутское гончарство сохраняет традиции и по-прежнему не знает гончарного круга, художественной росписи и глазурования стенок сосудов. Форма сосудов по-прежнему баночная и бочонковидная, стало больше низких, широких в устье сосудов – багарчах. Архаичность проявляется в сохранении изготов-

ления больших яйцевидных сосудов – улахан күөс. Венчики сосудов стали утолщаться и нависать карнизом наружу. Выражены шейка и плечико горшков. Орнамент по-прежнему наносился на верхнюю часть сосудов, в основном представлен сочетанием налепных и фигурных валиков, но стало больше разнообразных резных узоров.

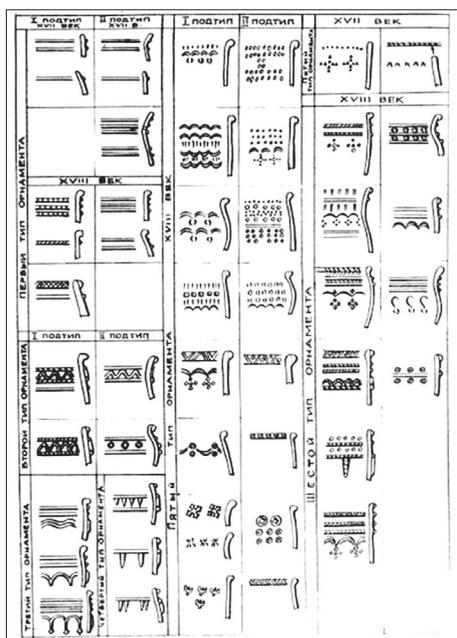

Рис. 7. Типы орнамента сосудов XVII–XVIII вв. (по: [Гоголев, 1990, табл. LXIII])

Техника изготовления

Исследователи-этнографы конца XIX в. описали технику производства сосудов. Русский этнограф Р.К. Маак (1883) написал, как делают горшки жители Вилюйского округа. Польский этнограф В.Л. Серошевский (1896) описал гончарное ремесло в Центральной Якутии (1896). В 1928 г. вышла статья В.И. Подгорбунского, который, опираясь на этнографические источники и личные наблюдения, написал первую научную работу, специально посвященную якутскому гончарству. В 1955 г. статья Н.Ф. Прытковой дополнила информацию о гончарстве.

Добыча глины. Горшечную глину (туой) добывали бедняки в долинах горных рек, на глубине 1,5–2 метра, летом копали лопатами и доставали руками, зимой в яме разжигали костер и откалывали глину мотыгой и топором. Добытую глину высушивали в виде кирпичей весом от 1 до 5 кг и продавали. Обычно якуты покупали глину и с остатками старых горшков отдавали

гончару (күөсчүт), чтобы он сделал новый сосуд. Лучшей глиной для горшков считается белая глина – үрүн туой, но больше распространена обычная черная глина – хара туой [Серошевский, 1993: 361–365]. Худшей глиной считается сероватая мутная глина – тунаархай туой [Подгорбунский, 1928: 128].

Подготовка глины. Комья глины разбивают и растирают камнем (эллиир таас) (рис. 8. 1) в деревянном долбленном корыте (хорууда) (рис. 8. 4) [Маак, 1883: 49], для уменьшения жирности глины в неё добавляют шамот – порошок от толчения черепков старого сосуда (харыадачы). Шамот делают, нагрев старый горшок в огне и опустив в холодную воду, горшок становится хрупким и с него сходит грязь, затем его толкут камнем в корыте или на каменной плите (күөс охсор таас) (рис. 8. 5) [Подгорбунский, 1928: 129].

Шамот смешивают с глиной в пропорции на треть или половину. Смесь толкут в сухом виде, затем добавляют воду и бьют деревянным молотком (чохоочу) (рис. 8. 3). Смесь бьют быстро и уверенно, чтобы не просохла и чтобы все комья глины и шамота разбились. Молоток тоже смачивают для предотвращения прилипания к глине. Кусок глины переворачивают смоченной лопаткой (былаайах) (рис. 8. 2) после каждого удара. Получившийся комок называется холбоммут туой – смешанная глина [Прыткова, 1955: 148, 149].

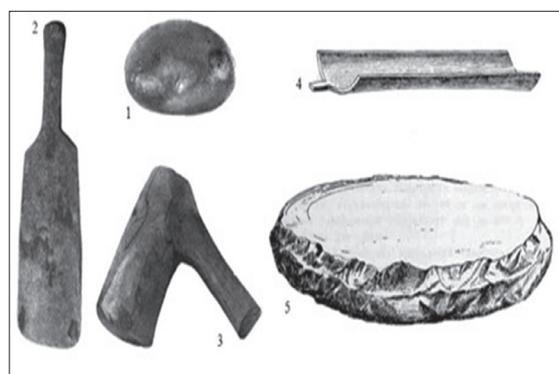

Рис. 8. Инструменты гончара (1–4 – по: [Прыткова, 1955, рис. 1–4],

5 – по: [Подгорбунский, 1928, табл. I])

По сырой поверхности горшка наносят налепной или штампованный орнамент. Для нанесения штампа используют небольшие деревянные палочки с надрезами на концах – күөс ойуулуур мас (рис. 9. 1).

Название самых распространённых орнаментов:

1. Ии ойуу – налепные валики (рис. 9. 2);
2. Сарбынньах ойуу – лист рябины, арочный узор (рис. 9. 3);
3. Төгүрүк ойуу – узор из вдавлений круглых ямок (рис. 9. 4);
4. Кымырдаҕас ойуу – узор муравья, ямочка, на которой выделяется крест (рис. 9. 5).
5. Дуобат ойуу – пешка узор, четырехугольные ямочки (рис. 9. 6).

После нанесения орнамента горшок сушат (куурдуу) в течение 1,5-2 суток. Обычно сушат в помещении у камелька. Обжиг горшка производят на шестке камелька либо на костре. Процесс обжига заключается в накаливании горшка до красна и вливании в него горячей воды с молоком или суоратом (заквашенное кипяченое молоко) для уменьшения пористости [Прыткова, 1955: 150, 151].

Исследователи отмечают, что в конце XIX – начале XX вв. якутское гончарство сокращается, местная глиняная посуда в быту заменяется привозной русской керамикой или берестяной и деревянной посудой. Якутские сосуды стали меньших размеров, основной формой стал күөс. Горшки служили для варки молока к чаю.

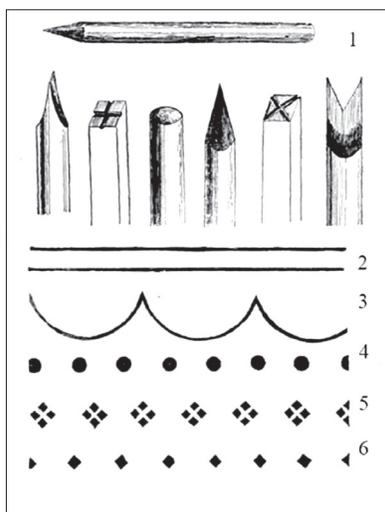

Рис. 9. Штампы для нанесения орнамента (по: Подгорбунский, 1928, табл. I, III)

Күөс – глиняный горшок, посуда для приготовления пищи [Саввин, 2005: 239, 240]. По размеру горшки распределяются на следующие категории (рис. 10):

1. Үүт күөс – большой горшок, вместимостью от 8 до 32 литров. При приготовлении пищи в нем варят молоко, а также вываривают лишний сок с древесной заболони и растений (рис. 10. 1).
2. Эрдэбэс күөс – горшок для варки пищи: рыбы, мяса, молочных и молочно-растительных супов. Вместимость от 4 до 10 литров (рис. 10. 2).
3. Баҕарчак – сосуд с низким и широким основанием (рис. 10. 3).
4. Болчук – небольшой сосуд для детей (рис. 10. 4).
5. Болчу – небольшой сосуд на ножках (рис. 10. 5).

Рис. 10. Типы горшков якутской керамики.

1–4 – фото из фонда МАЭиВШ СВФУ, 5 – рисунок из фонда МАЭ РАН (Кунсткамера) (по: [Прыткова, 1955, рис. 20])

IV. Обсуждение. Якутская керамика несет в себе следы южного происхождения, это характерные для курумчинской культуры Прибайкалья гладкостенные плоскодонные сосуды, украшенные рядами налепных валиков и фигурных налепов, но вместе с тем похожие приемы также прослеживаются в местных культурах эпохи неолита и раннего железа Якутии, где помимо гладкостенности и налепных валиков в украшении сосудов применялись ряды сквозных отверстий, фигурные налепы в виде кружочков с отверстием посередине и т.п. Для якутской керамической традиции можно выделить следующие устойчивые черты, сохраняющиеся на протяжении всего периода существования: гладкостенность, баночные, бочонковидные и яйцевидные формы сосудов, плоское дно, горизонтальные и вертикальные налепные валики, арочные и зигзагообраз-

ные фигуры, а также резной орнамент, изображающий крестообразные узоры.

Наиболее резкий «скачок» изменений зафиксирован, начиная с первой половины XVII в., когда происходит процесс огрубления и упрощения техники изготовления сосудов, прослеживается деградация качества формовочного материала и формовки. Преобладающей формой сосудов стали большие яйцевидные сосуды типа күөс, а также небольшие горшки болчук. Эти изменения в первую очередь связаны с появлением привозной русской посуды – благодаря своим лучшим качествам и массовости производства железная и медная посуда стала вытеснять местную гончарную продукцию, как это, например, случилось в Верхоянском и Колымском округах. Тем не менее бедные слои населения в Центральной Якутии продолжали пользоваться услугами гончаров-күөсчүт, которые за небольшие деньги делали классические яйцевидные горшки [Серошевский, 1993: 363]. Поскольку труд якутского гончара по-прежнему носил характер ручного кустарного, появление конкуренции в виде массового привозного товара сильно сказалось на данном виде ремесла, это привело к постепенному ухудшению качества техники производства, оскудению форм и оформления горшков.

V. Заключение. Анализ якутской керамики демонстрирует определенную устойчивость в преемственности традиции изготовления сосудов с XIII в. вплоть до XIX в. Формы и орнаментация поздних сосудов показывают, что методы гончарного производства у южных предков якутов постепенно менялись со времени прихода на Среднюю Лену, они перенимали местную технику производства сосудов и усваивали новые приемы орнаментации, дополняя свою гончарную традицию. Об этом говорит присутствие в морфологии и орнаментации сосудов таких черт, как тонкостенность и орнамент (разнофигурный штамп, сквозные отверстия под венчиком), присущий эпохе палеометаллов.

В результате изучения доступных источников представляется возможным сделать вывод о близости технологических керамических традиций на поселениях кулун-атахской культуры с территорией Прибайкалья. Прежде всего это касается курумчинской культуры, где зафиксированы общие черты в морфологии и орнамен-

тации сосудов: баночные и бочонковидные формы, ряды горизонтальных и вертикальных наклепных валиков, украшенные «елочными» и «рубчатыми» насечками на бортиках и наклепных валиках, и разнофигурный штамп.

Вместе с тем на фоне открытий, сделанных исследователями раннего железного века и средневековья в последние десятилетия, взгляды на время появления ранних скотоводов на территории Якутии имеют тенденции к переоценке, соответственно остается открытой проблема становления якутского керамического производства.

Список литературы:

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. Новосибирск: Издательство ИАЭ СО РАН, 1996а. 96 с.

Алексеев А.Н. Отчет по научно-исследовательской работе. Археологические охранно-спасательные раскопки в зоне строительства автодороги Борогонцы-Тюнгюлю (60–93 км) в Усть-Алданском улусе РС(Я) – 6 км. Якутск, 1996б. 72 с.

Алексеев А.Н. Отчет по научно-исследовательской работе. Археологические охранно-спасательные раскопки в зоне строительства автодороги Улахан-Ан-Еланка (6–12 км) в Хангаласском улусе РС(Я) в 1996 году. Якутск, 1996в. 71 с.

Бравина Р.И. Погребальный обряд якутов XVII–XIX вв. Якутск: Изд-во Якутского университета, 1996. 230 с.

Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII). Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1990. 192 с.

Гоголев А.И. Якуты. Якутск: Издательство ЯГУ, 1993. 200 с.

Кирьянов Н.С. К вопросу о месте культуры «малых домов» в периодизации средних веков Якутии (по материалам поселения Айбы-Тайбыт в г. Якутске) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 27. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 2019. С. 56–72.

Кирьянов Н.С., Сивцева В.П., Николаев Т.В., Курьянов Д.М. Материальный комплекс поселения позднего средневековья Айбы-Тайбыт в Центральной Якутии: в рамках дискуссии о месте культуры «малых домов» в периодизации средних веков Якутии // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 5. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 2016. С. 272–278.

Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). Якутск: Якутское книжное издательство, 1971. 212 с.

Константинов И.В. Ранний железный век Якутии. Новосибирск: Издательство Наука, 1978. 107 с.

Маак Р. Вилуйский округ Якутской области. Ч. III. СПб: Типография и Хромолитография, 1887. 188 с.

Окладников А.П. История Якутской ЯАССР. Т. I. М.: Издательство АН СССР, 1955. 429 с.

Окладников А.П. Ленские древности. В. III. М.: Издательство АН СССР, 1950. 242 с.

Окладников А.П. Ленские древности. Вып. 1. Якутск: Якутская государственная типография, 1945. 99 с.

Подгорбунский В.И. Заметки о гончарстве у якутов // Сибирская живая старина. Вып. 7. Иркутск: Тип. изд. «Власть Труда», 1928. С. 127–145.

Прыткова Н.Ф. Глиняная посуда якутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 16. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 147–164.

Саввин А.А. Пища якутов до развития земледелия. Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2005. 376 с.

Серошевский В. Якуты. Опыт этнографического исследования. Изд. 2. М., 1993. 736 с.

References:

Alekseev A.N. *Drevnjaja Jakutija: zheleznyj vek i jepoha srednevekov'ja* [Ancient Yakutia: the Iron Age and the Middle Ages]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996a. 96 p. (In Russian)

Alekseev A.N. *Otchet po nauchno-issledovatel'skoj rabote. Arheologicheskie ohranno-spasatel'nye raskopki v zone stroitel'stva avtodorogi Borogoncy-Tjungjulju (60–93 km) v Ust'-Aldanskom uluse RS(Ja) – 6 km.* [Report on research work archaeological security and rescue excavations in the construction zone of the road to the subject of Borogontsy-Tyungyulyu (60–93 km) in the Ust-Aldansky ulus of the Republic of Sakha (Yakutia) - 6 km]. Yakutsk, 1996b. 72 p. (In Russian)

Alekseev A.N. *Otchet po nauchno-issledovatel'skoj rabote. Arheologicheskie ohranno-spasatel'nye raskopki v zone stroitel'stva avtodorogi Ulahan-An-Elanka (6–12 km) v Hangalasskom uluse RS(Ja) v 1996 godu* [Research report. Archaeological security and rescue excavations in the construction zone of the Ulakhan-An-Elanka highway (6–12 km) in the Khangalassky ulus of the Republic of Sakha (Yakutia) in 1996]. Yakutsk, 1996c. 71 p. (In Russian)

Bravina R.I. *Pogrebal'nyj obrjad jakutov XVII–XIX vv.* [Funeral rite of the Yakuts of the 17th – 19th centuries]. Yakutsk: Yakutsk University Publ., 1996. 230 p. (In Russian)

Gogolev A.I. *Arheologicheskie pamjatniki Jakutii pozdnego srednevekov'ja (XIV–XVIII vv.)* [Archaeological monuments of Yakutia of the late Middle Ages (XIV–XVIII)]. Irkutsk: Irkutsk University Publ., 1990. 192 p. (In Russian)

Gogolev A.I. *Jakuty* [Yakuts]. Yakutsk: Yakutsk State University Publ., 1993. 200 p. (In Russian)

Kiryanov N.S., Sivtseva V.P., Nikolaev T.V., Kupriyanov D.M. Material'nyj kompleks poselenija pozdnego srednevekov'ja Ajyy-Tajbyt v Central'noj Jakutii: v ramkah diskussii o meste kul'tury «malyh domov» v periodizacii srednih vekov Jakutii [The material complex of the settlement of the Late Middle Ages Ajyy-Tajbyt in Central Yakutia: in the framework of the discussion about the place of the culture of “small houses” in the periodization of middle centuries of Yakutia]. *Evraziya v kaynozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury* [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, culture]. Issue 5. Irkutsk: Irkutsk University Publ., 2016. Pp. 272–278. (In Russian)

Kiryanov N.S. *K voprosu o meste kul'tury “malyh domov” v periodizacii srednih vekov Jakutii (po materialam poselenija Ajyy-Tajbyt v g. Jakutske)* [On the question of the place of culture of “small houses” in the periodization of the Middle Ages of Yakutia (based on the materials of the Ajyy-Taibyt settlement in Yakutsk)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Irkutsk State University Bulletin]. Series: *Geoarcheology. Ethnology. Anthropology*. Volume 27. Irkutsk: Irkutsk University Publishing House, 2019. Pp. 56–72. (In Russian)

Konstantinov I.V. *Material'naja kul'tura jakutov XVIII veka (po materialam pogrebenij)* [Material culture of the Yakuts of the 18th century (based on materials from burials)]. Yakutsk: Yakutsk book publ., 1971. 212 p. (In Russian)

Konstantinov I.V. *Rannij zheleznyj vek Jakutii* [Early Iron Age of Yakutia]. Novosibirsk: Science Publ., 1978. 107 p. (In Russian)

Maak R. *Viljujskij okrug Jakutskoj oblasti* [Vilyui district of the Yakutsk region]. Part III. St. Petersburg: Typography and Chromolithography, 1887. 188 p. (In Russian)

Okladnikov A.P. *Istorija Jakutskoj JaASSR* [History of the Yakut YaASSR]. Volume 1. Moscow: of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955. 429 p. (In Russian)

Okladnikov A.P. *Lenskie drevnosti* [Lena antiquities]. Issue 1. Yakutsk: Yakutsk State Publ., 1945. 99 p. (In Russian)

Okladnikov A.P. *Lenskie drevnosti* [Lena antiquities]. Issue 3. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950. 242 p. (In Russian)

Podgorbunsky V.I. Zametki o goncharstve u jakutov [Notes on pottery among the Yakuts]. *Sibirskaya zhivaya starina* [Siberian living antiquity]. Issue 7. Irkutsk: The power of labor Publ., 1928. Pp. 127-145. (In Russian)

Prytkova N.F. Glinjanaja posuda jakutov [Pottery of the Yakuts]. *Sbornik Muzeja antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Volume 16. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955. Pp. 147–164. (In Russian)

Savvin A.A. *Pishha jakutov do razvitija zemledelija* [Food of the Yakuts before the development of

agriculture]. Yakutsk: Institute for Humanitarian Research Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia) Publ., 2005. 376 p. (In Russian)

Seroshevsky V. *Jakuty. Opyt jetnograficheskogo issledovanija* [Yakuts. Ethnographic research experience]. Edition 2. Moscow, 1993. 736 p. (In Russian)

Voevodsky M.V. *K istorii goncharnoj tehniki narodov SSSR* [On the history of pottery technology of the peoples of the USSR]. Moscow: Ethnography Publ., 1930. №4. Pp. 55–70. (In Russian)

D.Z. Gavriliev

Comparative Typological Analysis of Yakut Ceramics from the XIV to XX Centuries

Scientific novelty. In the article, within the framework of one work, a comparative analysis of the Yakut ceramics for a wide period from the XIV to the beginning of the XX centuries is carried out.

The aim is to summarize knowledge about the Yakut ceramics which is scattered in the archaeological and ethnographic literature. In accordance with this, the following tasks were set: to give a general description of the state of the ceramic complex at each stage of the Yakut history; to reveal the peculiarities and constancy in the development of the Yakut pottery craft.

Research methods. Descriptive comparative analysis was used to achieve the set goal and objectives. *Results.* Based on a large historiographic material, information on Yakut ceramics has been summarized and systematized, characteristic features for each period, as well as constant elements that persist throughout all stages of the development of Yakut pottery, are highlighted. In general, a review of the literature revealed a large amount of information on this subject, but it should be noted that ceramics, as a rule, does not play a central role in work, it is given a place as one of the economic elements in the Yakut material culture. This, in turn, raises the question of the need to write a monographic work specifically dedicated to the Yakut pottery.

Keywords: ceramics, pottery, ornament, culture of “small houses”, Kulun-Atakh culture, traditional Yakut culture

Л.Н. Жукова

DOI: 10.25693/SVGV.2021.37.4.004

УДК 7.031.3(571.56)

Лосинная тема и культ личинок в монументальном и мобильном искусстве аборигенов Якутии (к постановке вопроса)*

Научная новизна. В статье рассматриваются древнейшие представления народов Сибири, в том числе лесных юкагиров, на Землю и Небо в связи с зооморфными анимистическими воззрениями.

*Автор выражает благодарность д.б.н. Г.Г. Боескорову за консультирование по вопросу распространенности подкожного и носоглоточного оводов на копытных животных в северной Евразии.

© Жукова Л.Н., 2021

Цель и задачи. Предполагается преемственность от позднего палеолита к современности культового отношения коренных народов Севера к основному промысловому копытному животному. В качестве гипотезы предлагается рассмотреть культ лося/оленя на материалах наскальных рисунков Якутии, традиционной культуры юкагиров и других коренных народов Севера. Задачей исследования является выявление гипотетической семантической цепочки понятий, где культ копытных исторически сопряжен с культом личинки-червя, выявленным у народов Северной Евразии, японцев, корейцев, китайцев.

Методы исследования. Исследование опирается на значительный блок изображений копытных животных в наскальном монументальном творчестве аборигенов центральной и южной Якутии и в современном обрядовом мобильном искусстве верхнеколымских юкагиров (или лесных, самоназвание *одул*). Анализ и реконструкции, сравнительно-исторический метод показали последовательную стадиальность трансформаций рассматриваемого раннеязыческого культа. Ретроспекции в палеоэтнографию местных племен в тесной связи с исследованиями биологов и энтомологов позволили высказаться относительно предполагаемого ареального источника распространения гипотетической рассматриваемой мифопоэтической цепочки в культурной памяти одулов.

Результаты. В историческом прошлом копытные лось/олень обеспечивали охотничьи коллективы всем необходимым, что способствовало сложению раннеязыческого образа Мать-Зверь. Зооморфизм мифопоэтической матери-прародительницы распространялся на космические силы – Землю и Небо. Предполагается, что ранее в космогонии лесных юкагиров верхней Колымы существовал мифопоэтический образ Земли/Неба как Матери-Зверья–лося/оленя, а исходящий из отверстий в шкуре благодатный «поток» личинок был наивно-рационалистическим объяснением происхождения человека. Опираясь на исследования ученых о том, что промысловый культ имел тесные связи с представлениями о зооморфном облики ранних языческих божеств, выступавших с функциями протодемиургов, предположителен источник древних натурфилософских знаний о происхождении человека у охотничьих племен северо-востока Азии в связи с личинками оводов, паразитировавшими на промысловых копытных.

Ключевые слова: Сибирь, Якутия, культ лося, личинка, антропогенез

I. Введение. Наскальное искусство Якутии насчитывает многие тысячи лет, самые ранние рисунки охрой датируются позднепалеолитическим временем и хронологически соответствуют дюктайской археологической культуре (35/25–10,5 тыс. кал. л. н.). Яркий образный мир представлен на писаницах неолита (6900–3000 кал. л. н.), завершающую стадию которого исследователи рассматривают как время становления раннеюкагирской культуры. Потомками носителей поздненеолитической ымыяхтахской культуры (5000–3000 кал. л. н.) являются лесные юкагиры верхней Колымы (самоназвание *одул*), в настоящее время компактно проживающие в многонациональном селе Нелемное Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия). Эта малочисленная группа коренного народа (в 2010 г. в селе проживало 177 юкагиров) сохраняет сложившийся в древности присваивающий охотничье-рыболовный тип хозяйства, единственное домашнее животное, как и в прошлом, собака. Традиционно основу охотпромысла мужской части населения составляет *толоу* «лось» (также «дикий олень»), добыча его

сопряжена с холодным временем года, однако не исключен отстрел в течение всего годового промыслового цикла. Табуированные названия – *чомолбэн* «как будто большой», *чуул* «мясо», *чомон чуул* «большое мясо», *пиэдьэ* «маленькая гора».

Несмотря на многие иноэтнические влияния и использование современных технических новаций (снегоходы, ружья, палатки, снаряжение и проч.), зимняя охота с собакой на лося и пушного зверя, наряду с рыболовством в теплое время года, составляют экономическую основу хозяйства одула. Лось в нем занимает особенное место. В прошлом прекращение охоты на животное и неудача в других видах промыслов означали бы голодовку, поэтому добыча и все, что связано с лосем, сопровождалось многими обрядами, запретами и оберегами. Культовое отношение к *толоу* закреплено в религиозных воззрениях, мифологии, фольклоре, первостепенная значимость в экономической жизни и мировоззрении указывают на хронологическую глубину и давность охотничьей традиции [Жукова, 2008; Иохельсон, 2005а, б; Спиридонов, 1996; Туголуков, 1979; Юкагиры, 1975]. Иссле-

Период или хронологическая культура	Адрес находки	ПЕТРОГЛИФЫ	ХАРАКТЕРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ЯКУТИИ
РАЙОН ЖЕЛЕЗНЫЙ БЕК 2,4 – 6,5 тыс. л. н.	Железные горы Ильинского муниципального района		
БРОНЗА 3,3 – 3,4 тыс. л. н.	Усть-Илимская культура		
ПОСЛЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ 4,1 – 3,3 тыс. л. н.	Выводяцкая культура		
СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ 5,2 – 4,1 тыс. л. н.	Беломысская культура		
РАЙОННЫЙ ПАЛЕОЛИТ 6,2 – 5,2 тыс. л. н.	Самарская культура		
ГОЛОЦЕНОВЫЙ ПАЛЕОЛИТ 6,0 – 4,2 тыс. л. н.	Суньинская культура		
ПАЛЕОЛИТ 20 – 25 тыс. л. н.	Палеолитская культура		

Рис. 1. Сводная таблица археологических культур Якутии [Кочмар, 1994]

дования показывают, что монументальные формы изобразительного искусства у одулов в конце XIX – начале XXI вв. отсутствуют, лосиная тема продолжает функционирование в пластике малых форм. Невыразителен и мало изучен в культурной памяти одулов культ личинки.

В качестве гипотезы предлагается рассмотреть культ копытных животных от верхнего палеолита к исторической современности на материалах первобытного искусства, традиционной культуры юкагиров и других коренных народов Севера. Предполагается также, что культ копытных биологически естественно сопряжен с культом личинки-червя, ранее выявленным исследователями у народов Северной Евразии, японцев, корейцев, китайцев [Алкин, 2003]. Древняя природная цепочка *лось/олень* – *многочисленные личинки овода* в процессе осмысления причинно-следственных связей экстраполирована мифопоэтическим сознанием на происхождение человека.

II. Материалы и методы. Крупные исследования наскального искусства Якутии впервые предприняты во второй половине XX в. [Кочмар, 1994; Окладников, Запорожская, 1972; Окладников, Мазин, 1976; Окладников, Мазин, 1979]. Н.Н. Кочмар сделал выборку основных сюжетов, характерных для писаниц конца плейстоцена, не-

олита и эпохи раннего металла (3900 кал. л. н. – V в. н. э.), которая позволяет сделать заключение, что на протяжении довольно длительного периода доминантной в наскальном творчестве являлась тема крупных копытных животных (рис. 1).

Для иллюстрирования предполагаемых многотысячелетних пролонгаций во времени мировоззренческих установок носителей аборигенных культур в отношении промысловых копытных приводятся примеры из этнографии, мифологии, охотничьей магии североазиатских народов. Разнообразные данные, характеризующие промысловый культ лося у одулов, собраны автором во время полевых работ в с. Нелемное (1986–2007 гг.) и обобщены в ряде статей [Жукова, 2008; Жукова, 2019], двух разделах «Общие доминантные темы в наскальном искусстве древней Якутии и мифологической модели мира юкагиров» и «Лось и дикий северный олень в картине мира по данным мифов и сказок» монографического исследования [Жукова, 2012]. Поиски почти выветренного в традиционной культуре верхнеколымских юкагиров образа древней матери-прародительницы в контексте *кэлидьэ* «червя-личинки» и растительной символики нашли отражение в статьях и разделах монографии [Там же, глава 2; Жукова, 2017; Жукова, 2019]. С опорой на опубликованные источники и с привлечением новых данных написана предлагаемая статья. Ранее исследования в отношении выявления биологической связи копытное животное – личинка-червь для определения глубины мифопоэтических корней юкагирской культуры не предпринимались. Работа опирается на сравнительно-исторический, ретроспективный методы, обосновываются аналитика и реконструкции раннеязыческих воззрений.

III. Результаты. После смены плейстоценовой фауны (мамонт, бизон) на голоценовую основным промысловым копытным животным лесотаяжной зоны становится лось (большой олень)/олень, мифопоэтический образ которого, полагаем, мог наследовать основные натурфилософские идеи, сложившиеся в предшествующую историческую эпоху у охотничьего населения. Со ссылкой на работу Н.К. Верещагина «Геологическая история лося и его освоение первобытным человеком» (1967) Н.Н. Кочмар пишет, что в раннем голоцене лось стал основой существования неолитических племен на

огромном пространстве таежной зоны Евразии. Его изображения стали обычными сюжетами писаниц Северной Европы, Урала, Средней, Южной Сибири и таежной зоны Северо-Восточной Азии [Кочмар, 1994: 136]. Н.Н. Кочмар составил сводную таблицу наиболее типичных зооморфных изображений, где показано, что лосиная тема доминирует в наскальном искусстве Якутии от раннего неолита до бронзового века включительно. На рис. 1 отсутствуют изображения раннеголоценовой сумнагинской археологической культуры (10700 – 6800 кал. л. н.), на наш взгляд, при условии обнаружения они представляли бы переходную к неолиту изобразительную стадию с той же символикой.

Промысловые копытные обеспечивали людей почти всем необходимым: мясом питались, из шкур изготовляли одежду, предметы быта, покрышки жилищ, из костей, рогов – орудия труда. Неудивительно, что животное стало «матерью» охотничьего коллектива, источником языческого мифопоэтического образа Мать-Зверь. Русский фольклор демонстрирует схожие воззрения, бытовавшие в прошлом у восточных славян в отношении медведя. В сказке зверь, лишившись одной лапы, взирает на женщину в избушке: «...одна баба не спит, на моей коже сидит, мою шерстку прядет, мое мясо варит, мою кожу сушит» [Народные русские..., 1983: 46]. Охотничьи народы Сибири мифологизацией лося/олени объясняли строение Вселенной и процессы космогенеза, магию плодородия. Лось выступал в качестве зооморфного символа трехуровневой Вселенной, маркером Верхней, Средней и Нижней Земли. «Этнография Сибири вместе с археологией свидетельствуют о глубокой древности представлений космического и космогонического характера, в которых образу лося – «живой Вселенной» – принадлежит основополагающая, центральная роль, по крайней мере, на протяжении 6–8 тысяч лет» [Окладников, Мазин, 1979: 82].

Согласно нганасанской мифологии, весной к Оленихе – Земле-матери, огромной важенке, подошла Солнце-мать, побежала вода, из шкуры мифической важенки «вылезли голые черви. Это и были люди» [Симченко, 1976: 269]. У аборигенов Севера отчетливо выступает тенденция «распространять представления о материнском начале на все объекты, в какой-либо степени

связанные с жизнью людей. Так наивно-рационалистический подход к объяснению природы вещей привел к созданию образа Земли-животного» [Там же: 265]. В цикле мифов о первоустройстве мира Земля-мать – прародительница людей – мыслилась гигантским существом, Матерью-оленихой/лосихой, на теле которой животные живут, словно насекомые в шкуре зверя.

В пантеоне эвенков-орочонов, кочевавших в конце XIX – начале XX вв. в юго-восточной Якутии и за ее пределами, высшее благодатное божество первоначально представлялось в образе дикого зверя – лося или оленя, и лишь с развитием шаманских представлений приобрело черты антропоморфизма. Немаловажна связь *Энекан Буга* «Бабушка Лось» – хозяйки тайги, зверей и рода человеческого – со скалами, имеющими рисунки, где лосиная тема присутствовала издавна [Мазин, 1984: 23]. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков показывает, что слово *буга* многозначно и объединяет следующие номинации: местность, страна, небо, земля, вселенная, бог; эвенки божество *Буга* представляют зооморфно в виде огромной лосихи или самки дикого оленя [Ушницкая, 2021: 110]. Впоследствии гендерные признаки божества были расширены, так, цитируя Г.И. Варламову, Н.Ю. Ушницкая пишет, что стали употребляться такие словосочетания, как *Эни-Буга* – мать *Буга*, *Ами-Буга* – отец *Буга*. *Буга* как родитель может одаривать человека, кормить, но имеет изменчивую природу, в случае несоблюдения правил поведения может забрать охотничье счастье, приплод домашних оленей [Там же: 111–112].

В эпоху неолита лось, «живая Вселенная», по А.П. Окладникову и А.И. Мазину, являлся главным сюжетом писаниц от Северной Европы до таежной зоны Северо-Восточной Азии. Его изображения в раннем и среднем неолите центральной и южной Якутии перспективно рассматривать как наследованные от позднепалеолитического охотничьего культа копытных (рис. 2а, б). Археологи и палеонтологи отмечают преобладание костей лося среди других костных материалов на стоянках неолитического человека. Так, на стоянке Белькачи (р. Алдан) 92,5% от общего количества определяемых костей принадлежало лосю [Боескоров, 2003]. В этот период фигуры животного на писаницах приобрели

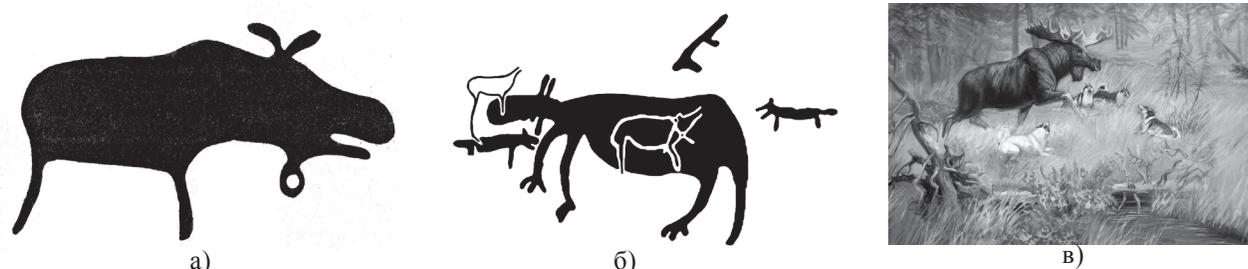

Рис. 2. Изображения лосей в искусстве древней и современной Якутии: а) лосиха с кольцом-эмбрионом в подбородочной части [Окладников, Мазин, 1979]; б) сцена охоты на трехпалую лосиху с собаками [Окладников, Запорожская, 1972]; в) худ. И.И. Корякин. Охота на сохатого. Холст, масло. 2009 г.

прорисовку частей тела и детализацию, динамику движений. Острые и напряженные моменты охоты питали творчество как древних (рис. 2б), так и современных художников Якутии (рис. 2в).

Следующий этап лосиной темы в петроглифах центральной Якутии связан с дальнейшим развитием у населения позднего неолита языческих религиозно-мифологических воззрений, формированием раннешаманских практик, утверждением новых натурфилософских взглядов [Жукова, 2012]. В позднем неолите – бронзовом веке (5000 – 1000 кал. л. н.) лось введен в сложные графические композиции космогонического содержания (рис. 3а, б). Под сложносоставными лучистыми дугами – знаками Неба и каплями «небесной благодати» на писанице Сурруктах-Хая (Средняя Лена) помещены фигуры лосих, имеющих смысловые связи с солярным культом и мифологическим образом Земли-Матери-лосихи [Окладников, Запорожская, 1972: 128–129; Жукова, 2012: 69]. Известно, что поздне-неолитическую ымыяхтахскую культуру исследователи соотносят с раннеюкагирской, вошедшей в себя как автохтонные, так и привнесенные элементы. Многие знаковые символы

неолитического наскального творчества находят убедительное продолжение в декоративно-прикладном искусстве и мифологии лесных юкагиров конца XIX – конца XX вв. Показателями наследования графических традиций прошлых эпох являются, например, характерные знаки солярного культа – лучистые нашивки на воротах распашной одежды одулов. Вероятно, в прошлом в космогонии лесных юкагиров существовала мифопоэтическая Матерь-Зверь в образе лосихи; образ прародительницы Матери-лосихи прослеживается в фольклоре [Иохельсон, 2005а, № 23; Жукова, 2012: 45–51].

Введение лосей/олений в космогонические графемы объясняется особой значимостью животного в структурировании мифопоэтической Вселенной и ее отдельных элементов. Примечательно запечатленное на рис. 3а-б ниспослание небом/солярным божеством капель/брызг «благодатного дождя» (возможно, л. юк. *пугэжэ-жэйм* «разбрызгать», от *пугэсь* «тепло» [Николаева, Шалугин, 2002: 63]), это один из распространенных знаковых элементов наскального искусства Якутии. Рисунки позднего неолита и бронзового века иллюстрируют принципиальные изменения в мировоззренческих взглядах

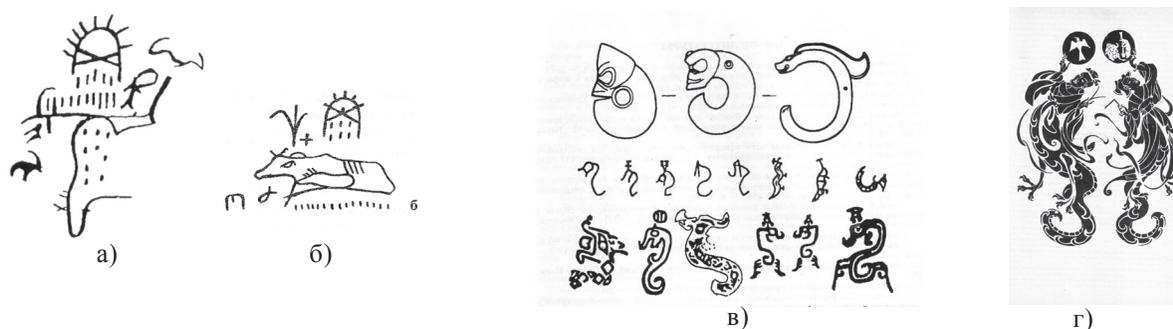

Рис. 3. Изображения мифопоэтических моделей вселенной (а, б) на писаницах Средней Лены [Окладников, Запорожская, 1972], в) С-образные нефриты культуры хуншань и ранние формы китайского иероглифа лун [Алкин, 2003], г) древнекитайские изображения предков Фуси и Нюйва в резьбе эпохи Хань [Юань Кэ, 1987].

на структуру Вселенной. Зооморфный образ Матери-предка переместился на второй уровень графем, верхние части композиций отведены графическому символу Неба-отца. Абрис верховного божества включает такие элементы, как небесный свод (радуга), лучистость (возможный древний символ копытного рогатого промыслового животного), косой крест. По В.И. Иохельсону, в пиктографических женских письмах юкагиров такой крест обычно означает любовь или печаль [Иохельсон, 2005б: 622–623, рис. 71]. Капли «благодатного дождя» являются важными знаковыми составляющими космологических графем, либо они нанесены на скалы хаотично вне композиций.

Многочисленные мазки краски на священных скалах в виде капель, запятых, мелких штрихов или колец (см. рис. 2а), полагаем, объединены общностью происхождения, семантически они читаются как абрис личинки-эмбриона, ниспосланного божеством. Исследования ученых показали, что представления древних о происхождении человека и животного мира были сопряжены не только с мифической Матерью-Зверем, гигантским копытным, но и личинкой-червем. С культом личинки происхождение человека связывали многие народы Северной и Юго-Восточной Азии. Комплекс идентичных воззрений обнаружен у тунгусо-маньчжур, палеоазиатов, алтайцев, сибирских угров, самодийцев, японцев и корейцев. «Оказалось, что с древности в мифопоэтических взглядах на окружающий мир представителей азиатских этнических культур существовала устойчивая семантически замкнутая цепочка понятий: личинка – зародыш – душа» [Алкин, 2003: 135]. В той или иной степени эти воззрения нашли отражение в традиционных народных представлениях, прикладном искусстве, фольклорных текстах. Мифы о червях-личинках носят этиологический характер и отсылают к временам первотворения, тесно переплетаясь с тотемическими зооморфными воззрениями. На древность этой серии фольклорных текстов указывают отсылки к языческим хозяйкам стихий, имеющим материнское начало, тотемным животным. Тема дарующего Неба известна в искусстве народов северной Евразии. Легенды о падающих с неба из «тучи великой» белках и оленятах записаны русским летописцем XI в. от новгородцев, хо-

дивших к Ледовитому океану «за Югру и за Самоядь» [Рыбаков, 1981: 56]. Изображения падающих с неба небольших головок оленей-лосей автор сравнивает с эмбрионами животных [Там же: 57–58].

Самые ранние свидетельства существования культа личинок известны на территории древнего Китая в неолитической культуре *хуншань* (V–III тыс. до н. э.). В погребениях этого времени на груди умерших археологи находят нефритовые скульптурные изображения специфической С-образной формы (рис. 3в). «С-образные артефакты, широко известные в восточноазиатской археологии под обобщающим японским наименованием *магатама*, восходят к стилизованным скульптурным изображениям насекомых в личиночной стадии их метаморфоза. Это позволило сформулировать гипотезу, что носители культуры *хуншань* могли связывать с изображениями личинок свои представления об идее рождения» [Алкин, 2003: 135]. В неолитическое время в Приморье, на севере Дальнего Востока грунтовые погребения мужчин и женщин сопровождалось скульптурными изображениями аналогичных специфических форм. Каменные предметы С-образной формы, обнаруженные археологами на севере Дальнего Востока, получили названия «лунницы», «серповидное», «эмбрионовидное изделие», «имеющее змеевидную форму» [Кирьяк, 2003: 79–80, рис. 29, 31]. Четыре изделия С-образной формы, тщательно выполненные из камня, найдены возле левой стопы женщины (возраст до 25 лет) в поздне-неолитическом Родинском захоронении в Нижне-колымском районе РС(Я) [Кистенев, 1980].

В многотысячелетней истории Китая культ личинки имел длительный путь развития. Мифопоэтические «личинки», в инвариантах известные как «червь», «змея», «дракон», на ранних этапах сложения китайского пантеона трансформировались в облики различных божеств. В древнекитайских философских и исторических сочинениях при описании добрых и злых сил Неба и Земли, стран света, созвездий, правителей, мифических героев обычны метафорические сравнения с животными. Дракон и змея – широко растиражированные облики китайских мифических персонажей как положительных, так и отрицательных. Основу иконографии этих звероподобных существ обычно

составляют крупная голова, иногда с чертами антропоморфизма, и змеевидное тело, исходными прообразами которых, можно полагать, послужили ранние изделия *магатама*. Отрицательная коннотация поздних по происхождению образов свидетельствует о размывании ранней семантики личинки, имевшей в древности связь с культом плодородия.

Культовое отношение к червю-зародышу, по видимому, заложено в основании фольклорных образов и иконографии древнекитайских предков, сестры и брата (жены и мужа) Нюйва и Фуси. Архаичные черты первой дуальной пары предков обнаружены в прикладном искусстве древнего Китая (рис. 3г), следы ранней зооморфной стадии различимы в рельефах ханьской эпохи (II в. до н. э. – II/III в. н. э.) [Юань Кэ, 1987].

Иконография предков на рис. 3г передана через синкретизм змеевидной личинки с антропо- и орнитоморфными признаками. По видимому, сложению образов прародительницы Нюйва и ее брата/мужа Фуси предшествовала длительная по времени череда мифопоэтических переосмыслений ранних натурфилософских представлений о червях-личинках как подателях жизни [Жукова, 2019]. В итоге метаморфозы образа женского предка завершились тем, что прародительница людей Нюйва заделала многочисленные дыры в небе цветными камнями и они стали называться звездами [Рифтин, 1987: 396].

Образ предка по женской линии в связи с червем-личинкой прослеживается в фольклоре лесных юкагиров. Оборотень Соломина-Червь *Ульэгэраа-Кэлидьэ* (*ульэгэраа* «травяное дерево», «соломина») единственный женский персонаж эпической сказки «Петр Бэрбэкин» [Жукова, Николаева, Демина, 1989: ч. 1, № 31]. Оборотень обитает в нижнем ярусе Нижней земли/Мира теней наряду с Одноглазым Великаном – возможным сказочным эквивалентом мифического Остроголового предка *Йоодичиньул хаха*. Одноглазый Великан называет *Ульэгэраа-Кэлидьэ* своей сестрой, что является отсылкой к мифической дуальной паре сирот-предков. Мужской и женский образы предков в сказке о Бэрбэкине имеют хтонический облик и не могут вновь реинкарнировать на Среднюю землю, что предполагает их древний возраст, они уже «заперты» в Мире теней.

Представление о черве как носителе души человека сохранялось до недавнего времени в лечебной магии одулов верхней Колымы. От бесплодия женщины лечились следующим способом: «На высоких деревьях растут иногда целые копны сучьев с одного места, которые образуют веерообразный навес. Нужно подняться на дерево и срубить их, и если в основании их женщина найдет белого червя и съест его, то тогда может получиться внеполовое зачатие и ребенок» [Спиридонов (Тэки Одулок), 1996: 45]. Выстраивается семантическая цепочка: женщина – дерево – червь – ребенок. В сюжетах мирового фольклора дерево, в особенности Мировое Древо, рассматривается как проводник-посредник небесного дара; у лесных юкагиров дерево (обычно лиственница) ассоциировано с человеком и включено в мифологизированную цепочку реинкарнации души умершего.

Таким образом, искусство неолита и следующих за ним эпох (наскальные рисунки, рельефы на камне, артефакты из захоронений, мифотворчество, обряды и фольклор) обнаруживают в североазиатских культурах наличие двух значимых образов: промыслового копытного животного и личинки-зародыша. Мифопоэтическое сознание древних причисляло каждого к прародителям человека, формировало представления о Матери-Звере и личинке-зародыше.

IV. Обсуждение. Если оставить в стороне мифологическую составляющую, то окажется, что семантические связи лося/олени и личинки-червя находят объяснение в наблюдениях древнего человека за реальными природными процессами, происходившими в окружающем мире. Овод откладывает яйца в шкуру/ноздрях животного, личинки развиваются, дырявят шкуру, падают и появляется взрослая особь насекомого.

Для лучшего понимания этого явления обратимся к материалам охотничьей культуры одулов. В конце XIX – начале XX вв. в годовом календаре зимние месяцы январь и февраль лесные юкагиры соотносили с большой и малой бабочками – разного вида оводами. Об этом странном сочетании исследователь юкагирской культуры В.И. Иохельсон писал: «Здесь имеются в виду личинки двух видов слепней [правильно: оводов. – Л. Ж.], из которых один откладывает свои яйца в шкуру оленя, а другой – в его

ноздрях. В течение зимы яйца превращаются в личинки» [Иохельсон, 2005б: 84–85]. Один вид оводов называется *тодиндъаха* «кусающий» (от *тодии* «зуб»), другой – *моллэ* (в ином значении *моллэ* «дикий олень»), личинки их называются *кодъэ*. У юкагиров тундры *кодъэ* «червь»; *кодъэ(η)* «общее название разного рода насекомых, личинок, гусениц и т.п.» [Курилов, 2001: 157]. Подкожный и носоглоточный оводы паразитируют на диких животных, слепни – кровососущие насекомые, сходные с мухами и комарами, личинки их выводятся в сырой земле [Брэм, 1992: 261]. На территории современного расселения верхнеколымских юкагиров-охотников на лося энтомологами не засвидетельствован паразитирующий на лосях овод подкожный, а носоглоточный овод встречается крайне редко. Зато, как известно, оводы являются настоящим бедствием для оленьих стад.

Натуралистические наблюдения одулов имеют солидный возраст: естественная природная цепочка с участием копытных и личинок отряда двукрылых, безусловно, сформировалась в древнейший период биоценоза с возникновением семейства этой группы насекомых задолго до появления наблюдательного *homo sapiens*, способного к установлению причинно-следственных связей и их мифологизации. Г.Г. Боесков со ссылкой на ряд исследователей пишет, что лоси (или большой олень) как вид распространены в северном полушарии. На Северо-Востоке Сибири (Колымская низменность) наиболее древние лоси найдены в олерской фауне (примерно 1,2–0,5 млн. лет назад). Не менее древние остатки широколобых лосей найдены на р. Адыча на обнажениях Улахан Суллар и Осхордох, в Северной Америке (бассейн р. Юкон), датируемых ранним плейстоценом [Боесков, 2001: 56]. Численность этого вида копытных животных значительно уступала мамонтовой фауне. Что же касается насекомых, то, по мнению ученых, носоглоточный овод, по-видимому, паразитирует на лосях в Евразии на всем пространстве их ареала: в Калининградской области и Прибалтике, на Урале, в Западной Сибири, Забайкалье, Приморье. Личинки носоглоточных оводов обнаружены у лосей в Южной Якутии, а также у лосей в бассейне р. Омолон (Магаданская область). В некоторых частях Евразии,

преимущественно в ее западных (Прибалтика) и восточных районах (юг Восточной Сибири и Дальнего Востока, Приморье), на лосях паразитируют подкожные оводы. Их личинки локалируются на спине под кожей, где образуют гнойные капсулы. Личинок подкожного овода на лосях на территории Якутии и Магаданской области не обнаружено [Филонов, 1983; Чернявский, Домнич, 1989].

Обнаруживаются различия ареального обитания двух видов оводов на лосях. В современных природно-климатических условиях северной Азии носоглоточный встречается значительно севернее подкожного, следовательно, наблюдения за биологическим циклом двух видов оводов происходили в южных регионах, либо при более мягком климате граница обитания обоих видов могла отодвигаться к северу. По всей вероятности, в северной Евразии на оленях оба вида оводов паразитируют повсеместно, включая тундровую зону, что предполагает сложение мифопоэтического образа Мать-Зверь-олениха в связке с личиночной темой. Приведенный выше нганасанский миф о появлении людей из червей-личинок, вылезших из шкуры гигантской оленихи, иллюстрирует пронесенную через тысячелетия мифологему плейстоценового – раннеголоценового времени. Нельзя исключить того, что вариации «лосиной темы» в рассматриваемой мифологеме существовали у прауральских носителей охотничьей раннеголоценовой сумнагинской археологической культуры, распространившейся на территории Якутии из западного Енисейского региона.

В языческих представлениях лесных юкагиров небо материально и мыслится в виде гигантского конического жилища *нумэ* с покрытием из множества шкур-облаков. В небесном покрытии имеются множественные отверстия, это звезды [Спиридонов (Тэки Одулок), 1996: 52] (ср. материально плотное небо в представлении древних китайцев, отверстия в котором камнями-звездами заделывала прародительница Нюйва). В прошлом свои летние жилища одулы традиционно покрывали корой лиственницы, дерном, а кожаные покрывки изготавливали из шкур лосей/оленей. Логично предположить, что мифопоэтическому образу неба как жилища, покрытого многими шкурами,

Рис. 4. Лосиная тема в современной культуре лесных юкагиров (кон. XX – нач. XXI вв.): а) лось. Игрушка-мишень. Жесть [Жукова, 2008]; б) охранитель промысла *нумө йэкльиэ йуөйа* [Там же]; в) амулет из копыта лося. Музей музыки и фольклора народов Якутии. Сборы Л.Н. Жуковой; г) охранитель ребенка *уөн йуөйа*. Дерево [Жукова, 2012]

предшествовал ранний зооморфный код, известный народам Сибири, – Мать-Зверь. Из многочисленных отверстий-звезд в небесной шкуре Матери-Зверя на землю падали мелкие частицы *кодьэ/кэлидьэ* «черви-личинки», эмбрионы живых существ, в том числе человека. О соотносительности червей-личинок с небом косвенно сообщает рассказ о кочевке юкагиров весной: «Когда хорошо греть начинается, с неба когда черви падают [курсив наш. – Л. Ж.], тогда рыба удочку хватает» [Иохельсон, 2005а, № 70]. На весеннее время в традиционном календаре народов Восточной Азии выпадает сезон «пробуждения насекомых» [Алкин, 2003: 139].

Мифопоэтическое сознание в поисках ответов на вопрос о появлении животного мира и человека натуралистические наблюдения обрамляло в мифологическую оболочку и в таком виде экстраполировало на причинно-следственные связи. Так, по-видимому, возникла мифологема о происхождении всего живого из мелких частиц – личинок, ниспосылаемых небесным божеством. Полагаем, что у носителей дюктайской (или еще ранее) культуры охотников на плейстоценовых животных, в том числе копытных (бизон, лось, олень, лошадь) мог сформироваться образ Матери-Зверя в контексте с двукрылыми насекомыми. Исторически сложившийся мифопоэтический образ исходящего из отверстий в шкуре зверя благодатного «потока» личинок, наиболее ярко запечатленный в неолитических петроглифах, был наивно-рационалистическим объяснением появления человека и животного мира. Обнаруживается один из ис-

токов древних натурфилософских знаний о происхождении человека из личинки-зародыша, также находят объяснение наскальные сюжеты «испрашивания небесной благодати» в виде капель, кружков, штрихов охры.

«Лосиная» тема затухает в искусстве бронзового – раннего железного века вместе с расселением пришлых племен и упадком наскальной живописи, однако она продолжает бытовать в других сферах культуры коренного народа – в промысловой и обрядовой жизни одулов верхней Колымы, фольклоре, запретах и оберегах [Жукова и др., 1989; Иохельсон, 2005а, б; Прокопьева, 2018], пластике малых форм.

В конце XX в. в культурной памяти лесных юкагиров находим следы преемственности неолитических традиций. Детская игрушка-мишень «лось» из жести для стрельбы из лука (рис. 4а) служит раннему приобщению мальчиков к традициям предков. Мишень имеет отношение к промысловой магии. Охотники в случае крайней необходимости (долгое отсутствие добычи) перед промыслом изготавливали плоскостной макет животного и стреляли в него для добывания охотничьей удачи [Жукова, 2008]. Возможно, подобным обрядовым целям служили отдельные изображения лосей на скалах.

К мобильным предметам мелкой пластики относится увенчанный лосиными рогами покровитель промысла. *Нумө йэкльиэ йуөйа* «за домом смотрящий» с антропоморфной личиной и аморфно вырезанными ногами изготовлен из дерева (рис. 4б). Вся поверхность покрыта резными рисунками таежных животных, птиц, орудий охоты. *Нумө йэкльиэ йуөйа* стави-

ли позади дома на охотничьей тропе перед выходом на промысел. По словам мастера В.Г. Шалугина, «за домом смотрящий» приобрел очертания тела и конечностей того животного, на которого намечалась охота [Жукова, 2008]. К амулетам промысловой магии относится тщательно вычищенное копыто лося (рис. 4в).

В культурной памяти одулов фрагментарно сохраняются отдельные древние элементы, так называемые культурные окаменелости. К предметам специфической червеобразной формы относится изделие из дерева, изображающее покровителя ребенка *уөн йуёйа* (рис. 4г). На одном конце короткого столбика (до 15 см) вырезана круглая улыбающаяся голова, другой конец заострен, его втыкают в землю у изголовья ребенка. Заостренный конец изделия имеет семантические связи с остроконечной формой головы, землей и подземным миром предков. В мифопоэтике предок юкагиров обитает в нижнем ярусе подземного мира и именуется *Йоодичиньул хаха* «Дедушка с Остроконечной Головой» [Иохельсон, 2005б: 222]. Умершие предки или убитые люди, собаки, копытные животные изображены в наскальных рисунках Якутии (см. рис. 3а) и пиктографических письмах юкагиров [Иохельсон, 2005б: 614, 623, рис. 69з, 71д] в перевернутом виде с головой, ориентированной вниз. Противоположный конец охранителя круглоголовый, улыбка на лице ребенка говорит о том, что «он сыт, здоров и все у него хорошо». В одульском охранителе *уөн йуёйа* заключена синкретическая определенная связь поколений: круглоголовый – остроголовый, потомок – предок, живой – мертвый, молодой – старый. В абрисе изделия червеобразной формы воплощена идея цикличности и возобновляемости родовых поколений людей, это отсылка к древнему реконструируемому сюжету личинка–душа.

V. Заключение. Присваивающее охотничье-промысловое хозяйство лесных юкагиров сохраняет в культурной памяти многие заархивированные элементы прошлых эпох. Хронологическая глубина их различна. Анализ собранных материалов и ретроспекции в прошлые эпохи позволяют с долей вероятности реконструировать древнейшие мифопоэтические представления о происхождении человека.

Список литературы:

Алкин С.В. Археологические свидетельства существования культа насекомых в неолите Северо-Восточной Азии // Древние культуры Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеоинформатика. Новосибирск: Наука, 2003. С. 134–143.

Боескоров Г.Г. Систематика и происхождение современных лосей. Новосибирск: Наука, 2001. 120 с.

Боескоров Г.Г. Состав териофауны Якутии в позднем плейстоцене и голоцене (по археологическим материалам) // Древние культуры Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеоинформатика. Новосибирск: Наука, 2003. С. 27–43.

Брэм А.Э. Жизнь животных. Т. 3: Пресмыкающиеся. Земноводные. Рыбы. Беспозвоночные. М., 1992. 496 с.

Жукова Л.Н. Древнекитайский и юкагирский мифы о сотворении человека: сюжетное и структурное сходство // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 2. С. 28–39.

Жукова Л.Н. Лось в древнем и современном искусстве аборигенов Якутии (этнографический аспект) // Якутский архив. 2008. № 3. С. 97–102.

Жукова Л.Н. Мифы о зооморфном образе Неба и появлении человека в сибирской и древнекитайской традиции // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 2. С. 17–28.

Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. Ч. 2: Мифологическая модель мира. Новосибирск: Наука, 2012. 360 с.

Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н. Фольклор юкагиров верхней Колымы. Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1989. Ч. 1. 161 с.; Ч. 2. 89 с.

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005а. 270 с.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы [Пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой]. Новосибирск: Наука, 2005б. 675 с.

Кирьяк М.А. Древнее искусство севера Дальнего Востока (Каменный век). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2003. 278 с.

Кистенев С.П. Новые археологические памятники бассейна Колымы // Новое в археологии Якутии. Якутск, 1980. С. 74–87.

Кочмар Н.Н. Писаницы Якутии. Новосибирск, 1994. 263 с.

Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск: Наука, 1984. 200 с.

Народные русские сказки (из сборника А.Н. Афанасьева) [Сост. В.П. Аникин]. М.: Худож. лит., 1983. 319 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Средней Лены. Ленинград, 1972. 271 с.

Окладников А.П., Мазин А.И. Петроглифы бассейна реки Алдан. Новосибирск: Наука, 1979. 152 с.

Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск: Наука, 1976. 190 с.

Прокопьева П.Е. Устная несказочная традиция юкагиров. Новосибирск: Наука, 2018. 308 с.

Рифтин Б.Л. О китайской мифологии в связи с книгой профессора Юань Кэ // Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1987. С. 378–477.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.

Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.: Наука, 1976. 311 с.

Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок). Одулы (юкагиры) Колымского округа. Изд. 2. Якутск: Северовед, 1996. 80 с.

Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979. 152 с.

Ушницкая Н.Ю. Лингвокультурный концепт «буга/мир» в языковой картине мира эвенков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 1. С. 107–114.

Филонов К.П. Лось. М.: Лесная промышленность, 1983. 246 с.

Чернявский Ф.Б., Домнич В.И. Лось на Северо-Востоке Сибири. М.: Наука, 1989. 125 с.

Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1987. С. 5–377, 478–527.

Юкагиры: историко-этнографический очерк [Ответственный редактор А.П. Окладников]. Новосибирск: Наука, 1975. 244 с.

Словари:

1. Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 607 с.

2. Николаева И.А., Шалугин В.Г. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхнеколымский диалект). СПб.: Дрофа, 2002. 191 с.

References:

Alkin S.V. Arheologicheskie svidetel'stva sushchestvovaniya kul'ta nasekomyh v neolite Severo-Vostochnoj Azii [Archaeological evidence of the existence of an insect cult in the Neolithic of Northeast Asia]. *Drevniekul'tury Severo-Vostochnoj Azii: Astroarheologiya. Paleoinformatika* [Ancient cultures of Northeast Asia: Astroarchaeology. Paleoinformatics]. Novosibirsk: Science Publ., 2003. Pp. 134–143. (In Russian)

Boeskorov G.G. *Sistematika i proiskhozhdenie sovremennyh losej* [Systematics and origin of modern elks.]. Novosibirsk: Science Publ., 2001. 120 p. (In Russian)

Boeskorov G.G. Sostav teriofauny Yakutii v pozdnem plejstocene i golocene (po arheologicheskim materialam) [Composition of the teriofauna of Yakutia in the Late Pleistocene and Holocene (according to archaeological materials)]. *Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoj Azii: Astroarheologiya. Paleoinformatika* [Ancient cultures of Northeast Asia: Astroarchaeology. Paleoinformatics]. Novosibirsk: Science Publ., 2003. Pp. 27–43. (In Russian)

Brem A.E. *Zhizn' zhivotnyh* [Animal life]. Volume 3: Reptiles. Amphibians. Fish. Invertebrates. Moscow: TERRA Publ., 1992. 496 p. (In Russian)

Chernyavskij F.B., Domnich V.I. *Los' na Severo-Vostoke Sibiri* [Elk in the North-East of Siberia]. Moscow: Science Publ., 1989. 125 p. (In Russian)

Filonov K.P. *Los'* [Elk]. Moscow: Lesnaya promyshlennost' Publ., 1983. 246 p. (In Russian)

Johel'son V.I. *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge* [Materials on the study of the Yukagir language and folklore collected in the Kolyma district]. Yakutsk: Bichik Publ., 2005a. 270 p. (In Russian)

Johel'son V.I. *Yukagiry i yukagirizirovannye tungusy* [Yukagirs and yukagirized Tunguses]. Translate from English V.H. Ivanova i Z.I. Ivanovoj-Unarovoj. Novosibirsk: Science Publ., 2005b. 675 p. (In Russian)

Kir'yak M.A. *Drevnee iskusstvo severa Dal'nego Vostoka (Kamennyj vek)* [Ancient art of the North of the Far East (Stone Age)]. Magadan: North-Eastern Complex Scientific Research Institute named after V.I. ON. Shilo of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2003. 278 p. (In Russian)

Kistenev S.P. Novye arheologicheskie pamyatniki bassejna Kolymy [New archaeological sites of the Kolyma basin]. *Novoe v arheologii Yakutii* [New in the archeology of Yakutia] Yakutsk, 1980. Pp. 74–87. (In Russian)

Kochmar N.N. *Pisanicy Yakutii* [Petroglyphs of Yakutia]. Novosibirsk, 1994. 263 p. (In Russian)

Kurilov G.N. *Yukagirsko-russkiy slovar'* [Yukaghir-Russian dictionary]. Novosibirsk: Science Publ., 2001. 607 p. (In Russian)

Mazin A.I. *Tradicionnye verovaniya i obryady evenkov-orochonov (konec XIX – nachalo XX vv.)* [Traditional beliefs and rituals of the Evenks-Orochons (late XIX – early XX centuries)]. Novosibirsk: Science Publ., 1984. 200 p. (In Russian)

Narodnye russkie skazki (iz sbornika A.N. Afanas'eva) [Folk Russian fairy tales (from the collection of A. N. Afanasyev)]. Compiled by V. P. Anikin. Moscow: Imaginative literature Publ., 1983. 319 p. (In Russian)

Nikolaeva I.A., Shalugin V.G. *Slovar' yukagirsko-russkij i russko-yukagirskij (verhnekolymskij dialekt)* [Dictionary of Yukagir-Russian and Russian-Yukagir (Verhnekolymsky dialect)]. St. Petersburg: Drofa Publ., 2002. 191 p. (In Russian)

Okladnikov A.P., Mazin A.I. *Petroglify bassejna reki Aldan* [Petroglyphs of the Aldan River basin]. Novosibirsk: Science Publ., 1979. 152 p. (In Russian)

Okladnikov A.P., Mazin A.I. *Pisanicy reki Olekmy i Verhnego Priamur'ya* [Petroglyphs of the Olekma River and the Upper Amur region]. Novosibirsk: Science Publ., 1976. 190 p. (In Russian)

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. *Petroglify Srednej Leny* [Petroglyphs of the Middle Lena]. Leningrad: Science Publ., 1972. 271 p. (In Russian)

Prokop'eva P.E. *Ustnaya neskazochnaya tradiciya yukagirov* [The oral untold tradition of the Yukagirs]. Novosibirsk: Science Publ., 2018. 308 p. (In Russian)

Riftin B.L. O kitajskoj mifologii v svyazi s knigoy professora Yuan' Ke [About Chinese mythology in connection with the book of Professor Yuan Ke]. *Yuan' Ke. Mify drevnego Kitaya* [Myths of ancient China]. Moscow, 1987. Pp. 378–477. (In Russian)

Rybakov B.A. *Yazychestvo drevnih slavyan* [Paganism of the ancient Slavs]. Moscow: Science Publ., 1981. 608 p. (In Russian)

Simchenko Yu.B. *Kul'tura ohotnikov na oleney Severnoj Evrazii* [Culture of deer hunters of Northern Eurasia]. Moscow: Science Publ., 1976. 311 p. (In Russian)

Spiridonov N.I. (Teki Odulok). *Oduly (yukagiry) Kolym'skogo okruga* [Oduls (Yukagirs) of the Kolyma district]. Issue 2. Yakutsk: Severoved Publ., 1996. 80 p. (In Russian)

Tugolukov V.A. *Kto vy, yukagiry?* [Who are you, Yukagirs?]. Moscow: Science Publ., 1979. 152 p. (In Russian)

Ushnickaya N.Yu. Lingvokul'turnyj koncept "buga/mir" v yazykovoj kartine mira evenkov [Linguocultural

concept "buga/world" in the language picture of the world of Evenks]. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern humanitarian journal]. 2021. Volume 1. Pp. 107–114. (In Russian)

Yuan' Ke. *Mify drevnego Kitaya* [Myths of ancient China]. Moscow, 1987. Pp. 5–377, 478–527. (In Russian)

Yukagiry: istoriko-etnograficheskij ocherk [Yukagirs: a historical and ethnographic essay]. Responsible editor by A.P. Okladnikov. Novosibirsk: Science Publ., 1975. 244 p. (In Russian)

Zhukova L.N. Drevnekitajskij i yukagirskij mify o sotvorenii cheloveka: syuzhetnoe i strukturnoe skhodstvo [Ancient Chinese and Yukaghir myths about the creation of man: plot and structural similarity]. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern humanitarian journal]. 2017. Volume 2. Pp. 28–39. (In Russian)

Zhukova L.N. Los' v drevnem i sovremennom iskusstve aborigenov Yakutii (etnograficheskij aspekt) [Elk in the ancient and modern art of the aborigines of Yakutia (ethnographic aspect)]. *Yakutskij arhiv* [Yakut Archive]. 2008. Volume 3. Pp. 97–102. (In Russian)

Zhukova L.N. Mify o zoomorfnom obraze Neba i poyavlenii cheloveka v sibirskoj i drevnekitajskoj tradicii [Myths about the zoomorphic image of the Heaven and the appearance of man in the Siberian and ancient Chinese traditions]. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern humanitarian journal]. 2019. Volume 2. Pp. 17–28. (In Russian)

Zhukova L.N. Ocherki po yukagirskoj kul'ture [Essays on the Yukaghir culture]. Part 2: The mythological model of the world. Novosibirsk: Science Publ., 2012. 360 p. (In Russian)

Zhukova L.N., Nikolaeva I.A., Demina L.N. *Fol'klor yukagirov verhnej Kolymy* [Folklore of the Yukagirs of the Upper Kolyma]. Yakutsk: Yakutsk State University Publ., 1989. Part 1. 161 p.; Part 2. 89 p. (In Russian)

L.N. Zhukova

Elk Theme and the Cult of Larvae in the Monumental and Mobile Art of the Yakutia Aborigines

Scientific novelty. The article discusses the most ancient ideas of the Siberian peoples, including the forest Yukagirs, about the mythopoetic images of the Earth and the Heaven in connection with zoomorphic animistic views. *The aim and tasks.* The continuity of the cult attitude of the indigenous peoples of the North to the main commercial ungulate animal from the Upper Paleolithic to the present is assumed. As a hypothesis, it is proposed to consider the cult of the elk/deer on the materials of rock paintings of Yakutia, the traditional culture of the Yukagirs and other indigenous peoples of the North. The aim of the study is to identify a hypothetical semantic chain of concepts, where the cult of ungulates is historically associated with the cult of the larva-worm, identified among the peoples of Northern Eurasia, the Japanese, Koreans, and Chinese.

Materials and Methods. Examples of the hypothetical prolongation of the ideological attitudes of the carriers of the most ancient aboriginal hunting and fishing culture in modern times are given. That the tradition of depicting ungulate animals in rock monumental and modern ceremonial mobile art will continue.

Results. Ungulate elk/deer provided hunting groups with everything they needed, which contributed to the formation of the early pagan image of the Mother-Beast. The zoomorphism of the mythopoetic mother-progenitor extended to the cosmic forces and elements – the Earth and the Heaven. It is assumed that earlier in the cosmogony of the forest Yukagirs of the Upper Kolyma there was a mythopoetic image of Earth/Heaven as like the Mother-Beast-Elk/Deer, and the blessed “larval flow” coming from holes in the skin was a naively rationalistic explanation of the origin of man. Based on the research of scientists that the fishing cult had close ties with the ideas of the zoomorphic appearance of early pagan deities who performed the functions of protodemiurges, the source of ancient natural philosophical knowledge about the origin of man among the hunting tribes of Northeast Asia in connection with the larvae of gadflies that parasitized commercial ungulates is suggested.

Keywords: Siberia, Yakutia, elk cult, larva, anthropogenesis

Л.И. Винокурова

DOI: 10.25693/SVGV.2021.37.4.005

УДК 396.5(571.56)

Зимний труд женщин в сельской Якутии 1920-х – 1970-х гг.*

Научная новизна. Исследования по антропологии холода приобретают большую значимость в свете масштабных стратегических проектов по освоению ресурсов Арктики на фоне текущих природно-климатических процессов. В статье продолжены авторские пионерные изыскания по изучению в гендерном разрезе воздействия холода на повседневную жизнедеятельность в сельской Якутии. Предложена гендерная интерпретация зимних хозяйственных практик коренных народов Якутии в советский период на примере женщин-саха.

Целью исследования является изучение места сельских женщин в функционировании зимних хозяйственных занятий якутов-саха в период социализма. Поставлены задачи освещения гендерного разделения труда в зимней повседневности сельской Якутии и адаптации женщин к условиям естественных низких температур на территории центральных районов Якутии.

Методы исследования. Исследование осуществлено на основе архивных и опубликованных источников, полевых материалов автора, часть которых впервые вводится в научный оборот. При анализе мобилизованных источников и литературы применен метод историзма, востребованы историко-сравнительный метод наравне с гендерным и методом историко-культурной реконструкции.

Результаты. Установлена продолжительная устойчивость содержания зимних хозяйственных практик женщин-саха как в первые годы Советской власти, так и в поздний период социализма. Показано, что вовлечение сельских женщин в государственный сектор экономики увеличило их трудовые нагрузки в зимний период. В целом объем и последовательность зимних хозяйственных занятий в традиционном и модернизированном мире Якутии напрямую детерминированы холодом, необходимостью паритетного участия женщин и мужчин в обеспечении безопасности жизнедеятельности.

Ключевые слова: Якутия, сельская повседневность, антропология холода, гендер, женский труд

*Исследование выполнено за счет средств Российского научного фонда, проект № 19-78-10088 «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)».

© Винокурова Л.И., 2021

I. Введение. Территория Республики Саха (Якутия) практически вся находится в зоне мерзлых грунтов и продолжительных отрицательных температур воздуха, что обусловило фундаментальные исследования по геофизиологии, физико-техническим и биологическим проблемам Севера. Но гуманитарное осмысление воздействия естественных низких температур на повседневную жизнедеятельность человека в поликультурном пространстве Якутии является новым направлением в региональной науке. Растущий интерес к освоению арктических широт с учетом текущих природно-климатических процессов актуализировали тематику антропологии холода. Исследователи обращаются к различным аспектам присутствия и отражения холода в культуре, в окружающей среде, в повседневной жизни населения. Наибольший интерес для нас представляет интерпретация «ресурсов холода», его воздействия на жизнедеятельность различных социальных групп в ретроспективе и в настоящее время.

Основные научные направления антропологии холода, связанные с хозяйственной деятельностью человека в Якутии XIX–XXI вв., обозначены А.А. Сулеймановым [Сулейманов, 2018; Сулейманов, 2019; Сулейманов, 2020]. Он осветил историю научного изучения фактора холода в регионе, систематизировал этапы использования низких температур в экономике края. Принципиально важно обобщение им исторического опыта эксплуатации «ресурсов холода», где ценным является выявление двойственности проявления фактора холода в сельской жизнедеятельности. Как подчеркнуто, холод выступает не только как жестко ограничивающий и негативный социальный фактор, но и как позитивный уникальный «сервис», обслуживающий коммуникационные, экономические, бытовые потребности населения [Сулейманов, 2018: 1604–1606].

В настоящее время продвигаются исследования в принципиально новом направлении, инспирированном последствиями глобального потепления и климатическими изменениями последних десятилетий по всему Российскому Северу и в мировой Арктике. Климатические и мерзлотные процессы на территории республики достаточно активно изучаются отечественными и зарубежными специалистами. В целом

опасения по поводу деградации мерзлоты и повышения средних зимних температур в Якутии формируют научный дискурс уже «дефицита холода», чреватого вызовами для существующих производственных и социальных систем [Lytkin and all, 2021].

Нужно признать, что в исследовании социальных аспектов воздействия меняющегося естественного холода на сельскую повседневность Якутии есть историографические пробелы. Требуют самой разносторонней разработки и осмысления историко-культурные характеристики взаимоотношений человека с холодом в целом, и гендерные аспекты зимней жизнедеятельности сельского населения, в частности. В этом направлении данная статья является продолжением пионерных авторских разработок по вопросам «холодового» гендера в Якутии [Винокурова, 2020]. Для достижения цели исследования – реконструкции места сельских женщин в функционировании зимних хозяйственных занятий якутов-саха в период социализма – поставлены вопросы изучения гендерного разделения зимнего повседневного труда; на основе анализа мобилизованных материалов освещены хозяйственные практики сельских женщин в условиях адаптации к естественным низким температурам на территории центральных районов Якутии.

II. Материалы и методы. Базой исследования послужил анализ архивных и опубликованных источников, а также полевых материалов, собранных автором в сельской местности Якутии; востребованы также близкие по теме научные публикации. Мобилизованные в рамках проекта РНФ документы из фондов Национального архива Республики Саха (Якутия), Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук позволяют реконструировать общую картину гендерного разделения зимнего труда в сельской местности. Основным выступил метод историзма, с помощью которого рассматривалось состояние хозяйственных занятий в зимний период в сельских поселениях. Также был востребован историко-сравнительный метод наравне с гендерным и методом историко-культурной реконструкции. В ходе полевых исследований использовался метод наблюдения, было проведено интервьюирование жителей сел в свободной форме. Методы сочетались с

теоретическими положениями, существующими в новейшей литературе по антропологии холода.

III. Результаты. В рамках статьи предпринято дальнейшее заполнение существующей историографической ниши по освещению повседневных хозяйственных практик в сельской Якутии в их гендерном разделении. В историографии традиционных занятий сельского коренного населения задача изучения гендерного измерения воздействия холода практически не ставилась. Нужно подчеркнуть при этом, что так и не преодолена в целом слабая освещенность проблем регионального гендера. Хронологические рамки наблюдений охватывают период с 1920-х по 1970-е гг. Границы исследования обусловлены наличием документальных свидетельств и полевых материалов по гендерной составляющей зимних занятий коренного населения. Достаточно длительный промежуток обследованного времени позволяет считать обоснованными выводы об устойчивости обнаруженных нами «зимних» гендерных норм в меняющихся социально-экономических условиях.

В проводимых в рамках проекта РНФ исследованиях по выявлению и анализу данных, отражающих роль и место холода в сельской повседневности, многое из социальной истории сельской Якутии открылось по-новому. Так, интересным оказалось переосмысление ранее накопленного полевого материала с точки зрения присутствия фактора холода. Открылась возможность различных интерпретаций опубликованных результатов исследований по вопросам женского труда в Якутии, в которых ранее не акцентировались вопросы гендерного разделения труда, включая повседневность в условиях длительного зимнего сезона [Томский, 1979; Томский, 1993].

Специфика сурового климата, комплексно влияющего на жизнедеятельность человека, с государственной позиции органов управления и власти признавалась еще в период социализма. Сохранился сформированный тогда законодательный пакет, регулирующий компенсации за работу в условиях Крайнего Севера, сроки выхода на государственную пенсию и т.д. В годы социализма приоритетной группой в «климатической» политике всегда выступали занятые в промышленных и транспортных структурах, в которых создавались привлекательные матери-

альные и финансовые условия для рекрутирования рабочей силы извне.

До настоящего времени холодовые вызовы в сельской местности в научной литературе больше упоминаются в устоявшемся русле понимания холода как препятствия для интенсификации аграрных отраслей. В общенациональном медийном пространстве республика позиционируется как регион экстремально низких зимних температур, препятствующих бесперебойному функционированию транспорта. Показательно, что одним из престижных видов российского или международного туризма считается пересечение ее территории в зимнее время. Бесспорна внешняя привлекательность визуального имиджа зимней Якутии, но ошеломляющая красота сковывающего все живое Холода, эстетика пространства снега и льда заслоняют вопросы содержания и цены повседневной человеческой деятельности в условиях длительных низких температур.

В частности, зима 2020–2021 гг. с крайне низкими температурами показала, что даже при всех свидетельствах «смягчения» последних зим и ускорившегося таяния вечномерзлых грунтов под влиянием глобальных природно-климатических процессов холод в регионе был и остается серьезным фактором. Системы жизнеобеспечения, все производственные и социальные процессы подверглись испытаниям традиционных для прошлого века низких температур. В районах наших полевых работ предыдущих лет в некоторых населенных пунктах температура опускалась до минус 60 градусов и ниже [Рекордные морозы..., 2021].

Ранее автором рассматривались традиционные зимние практики в сельской местности на примере этнической группы якутов-саха, но в гендерном разрезе были реконструированы хозяйственные занятия сельских мужчин. Тема зимних практик женщин была упомянута в случаях их участия в «мужских» работах [Винокурова, 2020: 67–69]. Содержание и рамки повседневной жизни в сельской местности в выбранный нами зимний период диктуются низкими температурами и коротким световым днем, обусловленным малой высотой солнца на всей территории. В центральных районах нет полярной зимы, минимальные показатели января, например, в Таттинском улусе могут достигать минус 66 градусов по Цельсию в отдельных се-

лах (например, в селе Харбалах), средняя же температура января составляла около минус 43°C. Это не так критично, как в Верхоянском и Оймяконском районах с зимними показателями до минус 67–70°C градусов, но все же серьезно ограничивает времяпровождение женщин вне теплых помещений [Иванова, 2006: 91].

Здесь рассматривается присутствие холодого фактора в жизнедеятельности женщин, проживавших в центральных районах республики. Отопительный сезон, требующий обогрева жилых помещений, длится около восьми месяцев; на Крайнем Севере республики этот период длится дольше. Сельские женщины-саха, как и мужчины, в течение года включены в традиционный хозяйственный календарь семьи. В досоветское время для якутской семьи смена сезонов подразумевала перекочевки с одной усадьбы на другую: в традиционном мире зимой проживали на ином участке, чем летом. В старину была еще осенняя усадьба, где до заморозков на осенней отаве кормился скот перед долгой зимовкой. Такие сезонные кочевки были обусловлены осознанием экологической необходимости: дать возможность регенерации локальным ресурсам [Борисов, 2003: 63–64]. В советский период в связи с переустройством всего уклада жизни стали практиковаться переезды в основном с летних усадеб на зимние и обратно.

Каждый переезд подразумевал активное паритетное участие мужчин и женщин: так, переезд с летней усадьбы на зимнюю для женщины означал работы по подготовке зимнего жилья и помещений для домашнего скота. Традиционно в первые же дни переезда на зимние усадьбы начинались хлопоты по обновлению, ремонту или капитальной обмазке смесью глины с коровьим навозом жилых юрт и коровников. В якутских селах такая практика существовала (особенно в малых поселениях) весь период социализма, кое-где встречается и в наши дни. Работу выполняли женщины, иногда при помощи подростков или стариков, т.к. она считалась легкой¹. Обязанностью женщин длительное время также была снежно-ледовая обмазка жилых и хозяй-

ственных помещений. В якутских селах часто прибегали к такой обмазке как домов, так и коровников, особенно если по разным причинам не удалось их утеплить капитальным способом. Из-за доступности и дешевизны этого традиционного вида утепления с использованием холода его можно встретить даже в XXI веке².

До 1970-х гг. значительную часть времени сельских женщин после утепления и уборки зимних жилых и хозяйственных помещений занимала работа по пошиву и ремонту зимней одежды, необходимой для бытовых работ и промыслов. Данное занятие диктовалось как общим товарным дефицитом, так и отсутствием приспособленных к якутскому климату фабричных элементов зимней одежды. Взрослые женщины повседневную одежду такого назначения шили в одиночку, вручную, сами же готовили материал для шитья. Например, повседневная обувь для членов семьи шилась из шкур коровы или лосиных камусов, оба вида сырья требуют немало времени и сил для обработки до пригодного для ручного шитья состояния [Неустроев, 2002: 25].

В первую очередь женщины шили одежду взрослым мужчинам для работ на холоде – в зависимости от благосостояния семьи, готовилось несколько сменных меховых и кожаных комплектов. Наличие качественно сшитой теплой одежды было мерилем не только достатка семьи, но и трудолюбия женщин в ней. Много времени в течение зимы, по воспоминаниям информантов, занимал ремонт рабочих рукавиц и обуви как наиболее эксплуатируемых частей зимнего гардероба. Во вторую очередь (после вещей для взрослых мужчин) шились и ремонтировались повседневные вещи для взрослых женщин, потом из остатков или некондиционного сырья отшивалась одежда для младших членов семьи, которые меньше контактировали с холодом³.

Нужно подчеркнуть, что сельскими женщинами шитье осуществлялось вне основных занятий, считалось дополнительным, почти досуговым занятием, несмотря на объем и физические нагрузки трудоемкого ручного шитья из обработанных самой мастерицей меха и кожи⁴.

¹Полевые материалы автора (ПМА). Амгинский улус Республики Саха (Якутия). 2019.

²ПМА. Таттинский улус РС (Я). 2020.

³ПМА. Мегино-Кангаласский улус РС (Я). 2016; Амгинский улус РС (Я). 2019.

⁴ПМА. Чурапчинский улус РС (Я). 2018; Амгинский улус РС (Я). 2019.

Основной зимней работой для женщин был уход за крупным рогатым скотом, находящимся на их обслуживании весь холодный период. Ручная очистка и уборка навоза из коровника, дойка, становящаяся однократной только в самый пик зимы, уход за молодняком и рабочей скотиной – непрерывный тяжелый физический труд. График зимнего труда женщины-саха в течение всего рассматриваемого периода был столь плотным, что вызывает уважение: ранний подъем с растопкой печи, уборка жилья и готовка еды, работа в примыкающем к жилью или, позже, в отделенном от жилья коровнике, уход за многочисленными малолетними и престарелыми домочадцами, участие в текущих работах в пределах усадьбы, шитье. Еще по необходимости предпринимались выходы на общие и «мужские» зимние занятия: помощь в зимнем забое скота, в коллективной загонной охоте и рыбалке, выгон на водопой и многое другое.

Для начала периода показателен в этом плане архивный документ, относящийся ко второй половине 1920-х: российский этнограф И.П. Сойконен, наблюдавший непосредственно за повседневной жизнью якутской женщины в центральной Якутии, был потрясен тяжелыми условиями зимнего трудового дня¹. Из исследователей региональной женской истории к данной рукописи обращалась Л.Т. Иванова – в советское время как к документу о социальном угнетении женщин-саха, впоследствии как к свидетельству тяжелых будней [Иванова, 1974; Иванова, 2015]. Бесспорно, что после 1920-х гг. в сельской Якутии произошли значительные социально-экономические, культурные преобразования. Сплошная коллективизация 1930-х гг., изменение системы расселения, в последующем реформирование колхозов в совхозы полностью изменили организацию труда и в ведущей отрасли края – в животноводстве.

Многое ли изменилось в распорядке дня и содержании зимнего труда женщин за это время? Сезонные перекочевки прекратились после колхозного поселкования и мероприятий по концентрации сельского хозяйства. Но работы

по подготовке к зимнему периоду государственных и частных животноводческих помещений остались обязанностью женщин и подростков. Для вовлеченных в общественное производство «освобожденных» женщин Якутии неизменными остались ранний подъем и тяжелый ручной труд. Отметим, что на животноводческих фермах якутских колхозов и совхозов подавляющее большинство занятых составляли именно женщины². Сохранялись высокие зимние физические нагрузки, потому что семьи были вынуждены держать личные подсобные хозяйства для самоснабжения. Как результат – напряженный зимний труд в замкнутых пространствах коровников удлинялся за счет двойных нагрузок колхозниц и работниц совхозов в общественном и частном секторах экономики. Данный вопрос заслуживает отдельного исследования, тем более, что в современной историографии существует целый пласт работ по тематике «пространство, время и гендер», а также рассматривается влияние этих факторов на физическую трудоспособность в аспекте гендера [Wrede, 2015]. В нашем случае, за исключением показательных образцовых совхозов, условия зимнего труда и быта женщин, составлявших большинство занятых на фермах, оставались крайне тяжелыми вплоть до 1970-х гг.³

IV. Обсуждение. По каждому пункту рассмотренных повседневных зимних занятий женщин есть возможность расширенного анализа. В рамках статьи можно обратиться к малозаметным, кажущимся даже второстепенными, аспектам «холодовой» занятости. Несмотря на то, что советская государственная и кооперативная торговля качественно улучшила ассортимент снабжения по сравнению с началом XX столетия, товарный дефицит был постоянным явлением. В сельской повседневности Якутии не хватало предметов первой необходимости, включая бытовую технику и утварь, верхнюю и домашнюю одежду⁴. Как следствие, зимний женский день продолжал оставаться заполненным шитьем и ремонтом. Зимнего шитья в период социализма, особенно до 1970-х гг., требова-

¹Петербургский филиал архива РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156.

²Статистический сборник №27/3811. Якутск: Стат. управление ЯАССР. 1986. С. 4, 12.

³Национальный архив РС (Я) (НА РС (Я)). Ф.50. Оп. 59. Д. 144. Л. 5, 8, 10–20.

⁴НА РС (Я). Ф.50. Оп.59. Д.107. Л.6; Д.144. Л.70-72.

лось даже больше, т.к. возникла необходимость одевать детей, охваченных обязательным школьным образованием. Зачастую дети учились в другом селе, т.к. в малых селах существовали в основном начальные или, в лучшем случае, восьмилетние школы. Требовалась дополнительная одежда и обувь для длительных переходов (переездов) в период выходных или каникул.

V. Заключение. Анализ аккумулированных источников позволяет сделать заключение о высокой устойчивости содержания зимних хозяйственных практик женщин в период 1920–1970-х гг. Объем и последовательность зимних работ в традиционном и модернизированном мире социализма были напрямую детерминированы холодом, необходимостью паритетного участия женщин и мужчин в обеспечении безопасности жизнедеятельности. В постсоветский период произошли большие изменения в экономике и социальных отношениях, что повлекло бесспорные гендерные сдвиги, включая пространство повседневности сельской Якутии. В существующих гендерных исследованиях на материалах республики очень редко освещается «холодовая» специфика региона. Затронув здесь отдельные аспекты темы, следует признать необходимость дальнейших исследований по антропологии холода. Весьма перспективными видятся, кроме углубленного изучения гендерных аспектов взаимоотношений человека с холодом, междисциплинарные коллаборации гуманитариев с медиками, с психологами по остро актуальным вопросам адаптации к длительной зиме Севера и Арктики, специфически суживающей современное пространство жизнедеятельности.

Список литературы:

Борисов А.А. Старинное якутское хозяйство и общество // Народ саха от века к веку: Очерки истории. Новосибирск: Наука, 2003. С. 62–73.

Винокурова Л.И. Зимние хозяйственные занятия мужчин в сельской Якутии 1920–1960-х гг. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. №4(33). С. 65–72.

Иванова Л.Т. История повседневности: один зимний день якутской женщины в 20-е гг. XX в. // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-povsednevnosti-odin-zimniy-den-yakutskoy-](https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-povsednevnosti-odin-zimniy-den-yakutskoy)

[zhenschiny-v-20-e-gg-xx-v](https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-povsednevnosti-odin-zimniy-den-yakutskoy-zhenschiny-v-20-e-gg-xx-v) (дата обращения: 2.10.2021).

Иванова Л.Т. Раскрепощение женщин Якутии и их роль в социалистическом строительстве (1917–1937 гг.). Якутск, 1974. 184 с.

Иванова Р.Н. Якутия полюс холода Северного полушария // Наука и техника в Якутии. 2006. №1(10). С. 91–97.

Неустроев Б.Ф.–Мандар. Узоры шитья. Якутск: Бичик, 2002. 100 с.

Рекордные морозы установились в Якутии. URL: <https://iz.ru/1111349/2021-01-14/rekordnye-morozy-ustanovilis-na-territorii-iakutii> (дата обращения: 20.01.2021).

Сулейманов А.А. «Ресурсы холода» в экономике сельских сообществ Якутии: разработка научных основ использования в 40–60-е годы XX века // Научный диалог. 2019. № 2. С. 311–325.

Сулейманов А.А. Антропология холода: использование естественных низких температур в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (эволюция традиционных практик и вызовы современности) // Кунсткамера. 2020. №1(7). С. 9–17.

Сулейманов А.А. Ресурсы холода в хозяйственных и социокультурных практиках сельских сообществ Якутии. Вторая половина XIX – начало XX вв. // Былые годы. 2018. Т. 50. Вып. 4. С. 1601–1611.

Томский И.Е. Социально-экономические проблемы женского труда (на материалах Якутской АССР). Новосибирск: Наука, 1979. 205 с.

Томский И.Е. Труд женщин в семье и обществе. Якутск, 1993. 192 с.

Lytkin V., Suleymanov A., Vinokurova L., Grigorev S., Golomareva V., Fedorov S., Kuzmina A., Syromyatnikov I. Influence of Permafrost Landscapes Degradation on Livelihoods of Sakha Republic (Yakutia) Rural Communities // Land. 2021. №10(2). URL: <https://doi.org/10.3390/land10020101> (дата обращения: 27. 09. 2021).

Wrede T. Introduction to Special Issue “Theorizing Space and Gender in the 21st Century” // Rocky Mountain Review. Vol. 69. №1. Rocky Mountain Modern Language Association, 2015. Pp. 10–17. URL: <http://www.jstor.org/stable/24372860> (дата обращения: 27. 09. 2021).

References:

Borisov A.A. Starinnoye yakutskoye khozyaystvo i obshchestvo [Old Yakut economy and society]. *Narod sakha ot veka k veku: Ocherki istorii [Sakha people from century to century: Essays on history]*. Novosibirsk: Science Publ., 2003. Pp. 62–73. (In Russian)

Ivanova L.T. Istoriya povsednevnosti: odin zimniy den' yakutskoy zhenschiny v 20-ye gg. XX v. [Everyday history: one winter day of a Yakut woman in the

1920s. XX century]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture]. 2015. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-povsednevnosti-odin-zimniy-den-yakutskoy-zhenschiny-v-20-e-gg-xx-v> (date of the application: 2.10.2021). (In Russian)

Ivanova L.T. *Raskrepostcheniye zhenshchin Yakutii i ikh rol' v sotsialisticheskoy stroitel'stve (1917-1937 gg.)* [Emancipation of women in Yakutia and their role in socialist construction (1917-1937)]. Yakutsk, 1974. 184 p. (In Russian)

Ivanova R.N. Yakutiya polyus kholoda Severnogo polushariya [Yakutia is Pole of Cold in the Northern Hemisphere]. *Nauka i tekhnika v Yakutii* [Science and Technology in Yakutia]. 2006. №. 1 (10). Pp. 91–97. (In Russian)

Lytkin V., Suleymanov A., Vinokurova L., Grigorev S., Golomareva V., Fedorov S., Kuzmina A., Syromyatnikov I. Influence of Permafrost Landscapes Degradation on Livelihoods of Sakha Republic (Yakutia) Rural Communities. *Land*. 2021. №10(2). URL: <https://doi.org/10.3390/land10020101> (date of the application: 27.09.2021). (In English)

Neustroev B.F.–Mandar. *Uzory shit'ya* [Sewing patterns]. Yakutsk: Bichik Publ., 2002. 100 p. (In Yakut).

Rekordnyye morozy ustanovilis' v Yakutii [Record frosts were set in Yakutia]. URL: <https://iz.ru/1111349/2021-01-14/rekordnye-morozy-ustanovilis-na-territorii-iyakutii> (date of the application: 20.01.2021). (In Russian)

Suleymanov A.A. “Resursy kholoda” v ekonomike sel'skikh soobshchestv Yakutii: razrabotka nauchnykh osnov ispol'zovaniya v 40–60-ye gody XX v. [“Resources of cold” in the economy of rural communities of Yakutia: development of scientific foundations for use in the 40-60s of the XX century]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue]. 2019. №2. Pp. 311–325. (In Russian)

Suleymanov A.A. Antropologiya kholoda: ispol'zovaniye yestestvennykh nizkikh temperatur v sisteme zhizneobespecheniya sel'skikh soobshchestv Yakutii (evolyutsiya traditsionnykh praktik i vyzovy sovremenности) [Cryoanthropology: the use of natural low temperatures in the life support system of rural communities in Yakutia (evolution of traditional practices and modern challenges)]. *Kunstkamera*. 2020. №1(7). Pp. 9-17. (In Russian)

Suleymanov A.A. Resursy kholoda v khozyaystvennykh i sotsiokul'turnykh praktikakh sel'skikh soobshchestv Yakutii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv. [Cold resources in economic and socio-cultural practices of rural communities in Yakutia. Second half of the 19th – early 20th centuries]. *Bylye Gody*. Volume 50. Issue 4. Pp.1601-1611. (In Russian)

Tomskiy I.E. *Sotsial'no-ekonomicheskiye problemy zhenskogo truda (na materialakh Yakutskoy ASSR)* [Socio-economic problems of female labor (based on the materials of the Yakut ASSR)]. Novosibirsk: Science Publ., 1979. 205 p. (In Russian)

Tomskiy I.E. *Trud zhenshchin v sem'ye i obshchestve* [Women's labor in the family and public space]. Yakutsk, 1993. 192 p. (In Russian)

Vinokurova L.I. Zimniye khozyaystvennyye zanyatiya muzhchin v sel'skoy Yakutii 1920-1960-kh gg. [Winter economic activities of men in rural Yakutia in 1920-1960s]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Humanitarian Bulletin]. 2020. №4(33). Pp. 65-72. (In Russian)

Wrede Theda. Introduction to Special Issue “Theorizing Space and Gender in the 21st Century”. *Rocky Mountain Review*. Volume 69. №1. Rocky Mountain Modern Language Association, 2015. Pp. 10–17. URL: <http://www.js-tor.org/stable/24372860> (date of the application: 27. 09. 2021). (In English)

L.I. Vinokurova

Winter Labor of Women in Rural Yakutia in the 1920s - 1970s

Scientific novelty. The article continues the author's pioneering studies on the gender issues of the impact of cold on daily life in rural Yakutia. A gender interpretation of the winter economic practices of the indigenous peoples of Yakutia in the Soviet period is proposed on the case of the Sakha women. The *tasks* of covering the gender division of labor in the winter everyday life of rural Yakutia and the experience of women's adaptation to the conditions of natural low temperatures in the territory of the central regions of Yakutia are set.

Research methods. The research was carried out on archival and published sources, on the author's field materials, including those introduced into scientific circulation for the first time. When analyzing the mobilized sources and literature, the method of historicism was applied, the historical-comparative method is in demand along with the gender and the method of historical and cultural reconstruction.

Results. The long-term stability of the winter economic practices content of Sakha women has been proven both in the first years of Soviet power and in the late period of socialism. It is shown that the involvement of rural women in

the public sector of the economy has increased their workload in the winter. In general, the volume and sequence of winter economic activities in the traditional and modernized world of Yakutia are directly determined by the cold, the need for equal participation of women and men in ensuring the safety of livelihood.

Keywords: Yakutia, rural everyday life, cryoanthropology, gender, female labor

И.С. Астахова

DOI: 10.25693/SVGV.2021.37.4.006

УДК 316.334.56(571.56–37)

Из истории городских поселений якутской Арктики (на примере Усть-Янского района Республики Саха (Якутия))

Научная новизна. В статье впервые предметом специального научного исследования выступает история городских поселений Усть-Янского района Республики Саха (Якутия).

Цель – дать характеристику городских поселений Усть-Янского района в контексте социально-экономических преобразований в России второй половины XX – начала XXI вв.

Методы исследования. В данной статье представлено исследование, в основу которого положен анализ материалов полевых исследований и архивных источников, впервые вводимых в научный оборот. При анализе применялись методы исторического исследования: проблемно-хронологический, историко-типологический, ретроспективный анализ и метод устной истории.

Результаты. На основе анализа разноплановых источников в статье обобщён исторический опыт промышленного освоения арктического региона в советский период, составной частью которого являлись урбанизационные процессы. На примере поселков городского типа Усть-Янского района РС (Я) воссозданы основные характеристики и параметры жизнедеятельности различных типов арктических поселений, предпринята реконструкция повседневной жизни их населения. Выделены основные этапы развития поселений, в том числе в постсоветский период, проанализированы особенности формирования городского населения района, обозначены возможные аспекты продолжения темы.

Ключевые слова: Арктика, урбанизация, городские поселения, Усть-Янский район, промышленное освоение, приезжее население

I. Введение. Усть-Янский район расположен на севере республики за Северным полярным кругом и занимает площадь 120,3 тыс. кв. км. Прибрежная территория района омывается морем Лаптевых. Для природных зон района, тундры и лесотундры, характерны суровые продолжительные зимы. Несмотря на экстремальные климатические условия, численность городского населения в советский период в этом районе возростала: если в 1959 г. насчитывалось 2684 чел., то в 1989 г. уже 35852 чел. На первое янва-

ря 2021 г. в районе проживает лишь 3862 чел. городского населения¹. Усть-Янский район относится к арктическим районам РФ и обладает всеми преференциями специальной экономической зоны. Республиканские власти возлагают надежду на возрождение района, включив одним из инвестиционных проектов в «Стратегию социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 г.»² развитие Усть-Янского горнопромышленного кластера, связанного с разработ-

¹Численность постоянного населения по муниципальным районам РС (Я). URL: <https://sakha.gks.ru> (дата обращения: 20.10.2021).

²Стратегия социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 г. URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3204989> (дата обращения: 20.10.2021).

кой месторождений рудного золота и олова. Поселки могут стать опорными пунктами возрождения добывающей промышленности района.

История урбанизации этого обширного региона остается малоизученной. Обстоятельного научного исследования, посвященного истории городских поселений и промышленного освоения Усть-Янского района, не представлено, хотя процессу урбанизации посвящено достаточное количество исследований. Для теоретической части настоящей работы выделим некоторые из них. Например, Ю.Л. Пивоваров определяет несколько особенностей советской урбанизации, в частности, он указывает на побочный характер урбанизации по отношению к индустриализации. Итогом подобного процесса, по его мнению, стало пренебрежение потребностями человека в городе: отсутствие многофункциональной занятости трудоспособного населения, должного уровня оказания услуг, организации досуга. К особенностям советской урбанизации были отнесены также высокие темпы роста городского населения и крупно-городской характер урбанизации [Пивоваров, 1976: 89]. Поддерживая Ю.Л. Пивоварова, исследователи также указывали, что одной из особенностей советской урбанизации являлось низкое качество городской среды, обусловленное недостаточным развитием социальной сферы, уровня благоустройства городов и поселков [Перцик, 1990: 186–195].

Ведущими специалистами в области социально-экономической географии, в частности в вопросах концептуального и прикладного осмысления феномена арктической урбанизации, являются А.Н. Пилясов [Пилясов, 2001; 2016] и Н.Ю. Замятина [Замятина, 2020; 2021]. Следует отметить, в своих исследованиях Н.Ю. Замятина выделяет типы арктических населенных пунктов России, а также отмечает, что городам-приместорождениям характерны циклы взлетов и падений [Гончаров, Данькин, Замятина, 2020].

Интересным направлением исследования является влияние урбанизации на коренное население. Так, в 2016 г. в журнале «Этнографическое обозрение» вышел специальный выпуск «Урбанизация и аборигенные культуры на циркумполярном Севере и в Сибири». Авторы статей рассматривают типы городских поселений коренного населения, особенности миграции,

трансформацию социальных структур, воздействие транспортной инфраструктуры на этнокультурный состав индигенных групп. Петер Швайцер в своей работе отмечает, что сельские поселения Арктики испытывают на себе колоссальное влияние урбанизации, следовательно «село-город» должны рассматриваться в рамках единой парадигмы [Швайцер, 2016: 19].

Урбанизация якутской Арктики также попала в фокус внимания исследователей. Так, в работе Е.Н. Федоровой [Федорова, 1982] дается историко-географическое описание городских поселений Якутии, рассматриваются основные этапы их формирования и перспективы развития. В поле зрения автора из поселков Усть-Янского района попал лишь Депутатский. В своих современных исследованиях она рассматривает перспективы развития городских поселений Якутии [Федорова, 2009]. Близка к исследованиям Е.Н. Федоровой работа А.С. Бреславского, в которой он подчеркивает, что наиболее пострадали в кризисные 1990-е гг. поселки, выполняющие одну-две хозяйственные задачи [Бреславский, 2000]. Интересна работа социологов, посвященная повседневной жизни населения Усть-Янского района в настоящее время [Маклашова, Осипова, 2014].

II. Материалы и методы. Исследование опирается на архивные источники, данные официальной статистики и источники личного происхождения. Архивные материалы представлены Национальным архивом РС (Я) и Муниципальным архивом Усть-Янского района. Наиболее информативными источниками для исследования являются отчеты предприятий, документы партийных и профсоюзных организаций. Они не только содержат фактические данные, но и показывают реальные условия труда и повседневной жизни населения. В работе задействованы источники личного происхождения – это опубликованные воспоминания [Аристакесян, 2008] и интервью, собранные автором в 2019 г. во время полевых исследований в пос. Депутатский. В ходе проведения исследования применялись проблемно-хронологический, историко-типологический, ретроспективный анализ и метод устной истории. Историко-типологический метод задействован для теоретического обобщения источникового материала и соотнесения получен-

ных данных по населенным пунктам с уже разработанной типологией.

III. Результаты. В советский период основу промышленного развития Усть-Янского района составляли оловодобывающая и золотодобывающая промышленности, базирующиеся на сырьевых ресурсах Северо-Янского золото-оловоносного комплексного геологического района. Добыча олова началась в 1951 г. с прииска Депутатский. В 1963 г. был открыт Куларский золотоносный район, где был создан прииск Кулар. В непосредственной близости от месторождения появились поселки геологов и поселки-месторождения. На путях снабжения месторождений возникали поселки-базы и поселки-транспортные узлы. Не всем этим поселениям предоставлялось дальнейшее развитие. К концу советского периода официально получили статус «рабочий поселок» лишь семь поселений района, остальные, согласно действующему законодательству, считались сельскими поселениями¹ либо находились в подчинении поселкового совета более крупного рабочего поселка.

Поселки оловодобывающих

Добыча олова в советский период осуществлялась Депутатским горно-обогатительным комбинатом объединения «Якутзолото». Комбинат освоил оловоносные месторождения Омчикандя, Крайний, Тенкели, Суор, Озерный, россыпи Мамонт-Тасапа и имени Смольникова, рудопоявление Черпунья и месторождения золота Хатыннах-Сала.

Прииск Депутатский образован в 1951 г., и при нем стихийно возник населенный пункт-база с аналогичным названием. До 1957 г. население прииска состояло не только из вольнонаемных работников, но и заключенных. Лишь в 1958 г., когда Депутатский перевели в категорию «рабочий поселок», заключенные были отправлены в поселок Батагай. Первое время население поселка проживало в экстремальных условиях – в палатках и построенных из подручного материала домиках. Из социальных объектов были лишь самые необходимые: электростанция и небольшая баня.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. началась плановая застройка поселка, появились социальные объекты, построенные по типовым проектам: школа, больница, клуб, баня с прачечной, столовая, общежития. В 1960 г. построена новая дизельная электростанция, а с 1961 г. организовано подсобное хозяйство (молочная ферма, свиноферма). Однако анализ отчетов партийного комитета прииска показал, что жилья по-прежнему не хватало, вплоть до начала 1970-х гг. население поселка продолжало жить в круглогодичных палатках². Нехватка жилья, неразвитость социальной инфраструктуры и сферы досуга, сезонный характер работы вызывали непрерывную миграцию. В среднем более половины вновь прибывших не задерживались в поселке больше двух лет. Решение жилищной проблемы являлось первейшей задачей, так как советская политика была направлена на закрепление населения на Севере.

В 1979 г. принимается решение о строительстве Депутатского горно-обогатительного комбината (ГОК). Социальные объекты и жилые дома поселка к этому времени были изношены. Проверки органов власти показывали необустроенность поселка, наличие социальных болезней общества (особенно пьянства)³. Потребность нового комбината в квалифицированных работниках требовала строительства жилья для населения, социальных и культурных учреждений. Однако лишь с 1983 г. началось каменное крупнопанельное строительство жилых домов. Весь объем строительства осуществлялся из привозных материалов, что привело к удорожанию строительства в 2–2,5 раза по сравнению со строительством в среднем по Якутии. Например, стеновые панели доставлялись авиатранспортом прямым рейсом из Норильска. Строительство затягивалось, так как не хватало рабочих рук. Для того чтобы закончить строительство в срок, привлекались все жители поселка, со всей страны приезжали строительные отряды добровольцев⁴.

¹Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 сентября 1957 г. «О порядке отнесения населенных пунктов к категории городов, рабочих поселков и курортных поселков» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1957. № 1. Ст. 3.

²НА РС (Я). Ф. 3315. Оп. 1. Д. 2. Л. 26.

³НА РС (Я). Ф. 3315. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.

⁴Муниципальный архив Усть-Янского района. Ф. 72.

В 1950–1970-е гг. застройка поселка происходила участками и была привязана к производству и хозяйственным нуждам. В центральной части поселка располагались административные учреждения, социальные объекты, жилые дома. На некотором отдалении от микрорайона Центральный располагались микрорайоны Буревестник, Заводской, Мечта. Первый поселок геологов Чайка, находящийся в 5 км от центра Депутатского, где промышленные приборы подступили уже к домам, перестал существовать. Жители, на тот момент их было более 300 чел.¹, переселены, а Депутатское геологоразведочное предприятие перебазировалось в 1976 г. в поселок Усть-Куйга².

В 1960–1970-е гг. около аэропорта также образовалось поселение Аэропорт в 12 км от центральной части поселка Депутатский. В 1975 г. там проживало 137 чел. В поселке располагались администрация аэропорта, медицинское учреждение, магазины. Решением властей Якутии в октябре 1981 г. поселок Аэропорт объединён с поселком Депутатский³.

Территория под строительство новых кварталов поселка Депутатский располагалась между центральной частью поселка и аэропортом. Близкое расположение к аэропорту было важным, так как строительные материалы доставлялись самолетом. Квартал А (Параллель) и квартал Б (Арктика) были построены и заселены в 1989 г. к моменту введения в эксплуатацию рудника и Центральной обогатительной фабрики. С вводом Депутатского ГОКа путем невероятных человеческих усилий СССР прекратил импортировать олово.

Поселок преобразился, жители получили комфортное жилье, были построены социальные объекты: детские сады, школы, больница,

бассейн. Между микрорайонами курсировал рейсовый автобус⁴. К 1985 г. на полную мощность заработало тепличное хозяйство ГОКа площадью 320 кв. м, обеспечивая депутатов свежими овощами. В 1986 г. закончилось строительство круглогодичной дороги Депутатский – Усть-Куйга. Устроиться на работу в поселке Депутатский было очень сложно, людей привлекала высокая заработная плата, возможность карьерного роста. Квартиру в Депутатском обменивали на квартиру в любом городе страны, были случаи обмена на московскую квартиру⁵. И даже в начале 1990-х гг., когда начались первые проявления экономического кризиса, обмен квартир на города Якутии продолжался⁶. Население полагало, что кризис не будет затяжным⁷. Однако сворачивание оловодобычи, реорганизация и ликвидация предприятий привели к массовому выезду населения из поселка. Аварии систем тепло- и электроснабжения в 1993 и 2001 гг. усилили миграционные процессы. В результате все объекты Депутатского ГОКа были законсервированы, а по факту разрушены вандалами. Из всех микрорайонов поселка остался только квартал Арктика, остальные лежат в руинах.

Пик развития оловодобывающей промышленности в Якутии приходился на вторую половину 1960-1980-е гг. В этот период для увеличения добычи открывались новые карьеры и прииски на значительном расстоянии от Депутатского (Крайний, Суор, Глубокий, Тенкели). Появилась необходимость строительства нового поселка. Первоначально его предполагали строить на карьере Крайний⁸, но добыча олова там падала, и было принято решение закрыть карьер к 1976 г., а строить поселок на прииске Тенкели. Месторождение олова на карьере Тенкели раз-

¹НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 65. Д. 119. Л. 34.

²НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 64. Д. 292. Л. 1.

³НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 64. Д. 338. Л. 1.

⁴ПМА. Поселок Депутатский РС (Я). 2019. Информант женщина, 1962 г.р.

⁵ПМА. Поселок Депутатский РС (Я). 2019. Информант мужчина, 1957 г.р.

⁶Муниципальный архив Усть-Янского района. Ф. 72.

⁷ПМА. Поселок Депутатский РС (Я). 2019. Информант мужчина, 1951 г.р.

⁸Поселок карьера Крайний был расположен в Аллаиховском районе в 40 км от Тенкели, связан автозимниками с поселком Тенкели и оз. Багы, также располагал аэродромом и посадочной площадкой. Первоначально его предлагали включить в состав рабочего поселка Тенкели, но территория располагалась в другом районе (НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 65. Д. 119. Л. 53). Населенный пункт Крайний Берелехского наслега был исключен из учетных данных административно-территориального деления «Сельские населенные пункты Аллаиховского улуса (района)» Постановлением Президиума Верховного Совета РС (Я) от 8 октября 1993 г. № 1570-ХII.

рабатывалось с 1964 г. Решением исполкома Янского районного Совета депутатов от 25 февраля 1966 г. горнопромышленному управлению был произведен отвод земельного участка для строительства поселка при месторождении Тенкели площадью 45 га. Располагался поселок на правом берегу реки Тенкели, на расстоянии в 201 км наземным транспортом и 105 км воздушным путем от поселка Депутатский. Население поселения на 1 мая 1967 г. составляло 600 чел. Постановлением Президиума Верховного Совета ЯАССР от 27 июня 1967 г. населенному пункту на речке Тенкели, хозяйственно подчиненному Депутатскому ГОКу, присвоено наименование Тенкели¹. Населенный пункт находился в административном подчинении Депутатского поселкового совета. В 1967 г. в Тенкели произошло долгожданное событие – открыли почтовое отделение². К категории «рабочий поселок» Тенкели отнесен лишь в 1973 г., на тот период в нем проживало 1577 чел. В летний период численность возрастала до 1800 чел. В поселке располагались два предприятия: карьер Тенкели, подчиненный прииску Депутатский и Полоусненская геологоразведочная партия, подчиненная Янской геологоразведочной экспедиции³. В 1989 г. в поселке уже проживало 2877 чел. В социальную инфраструктуру поселка было вложено немало средств: построены школа, больница, два клуба на 150 мест, спортзал, дизельная электростанция, предприятие бытового обслуживания. Осуществлялось регулярное авиасообщение с районным центром и прииском Крайний. Поселок Тенкели был упразднен Постановлением Правительства РС(Я) от 10 июля 1998 года № 322, земли поселка переданы в состав Уяндинского национального наслега.

В карьере Омчикандя велась разработка россыпного олова и вольфрама. В перспективе его связывали с разработкой месторождения Одинокое, где предполагалось строительство рудника. Поселение Омчикандя располагалось в 210 км от поселка Депутатский и появилось в 1960–1970-е

гг. Населенный пункт также находился в административном подчинении Депутатского поселкового совета. В нем, как и в большинстве арктических поселков, располагались учреждения культуры, здравоохранения, торговли, транспорта. Население постоянно увеличивалось: если в 1973 г. в поселке проживало 80 чел., в 1975 г. – 370 чел., то в 1989 г. – уже 600 чел.⁴ В 1990-е гг. населенный пункт перевели в сельское поселение Уяндинского национального наслега, а в 1998 г. поселок ликвидирован.

С 1980 г. начато освоение месторождения карьера Мамонт, располагавшегося в 90 км от Депутатского. В 1980-е гг. здесь интенсивно шло строительство нового поселка со всеми удобствами, производственной базой и объектами социально-культурного назначения. Поселок на 500-600 жителей планировали построить в 30 км от села Сайылык, где располагалась Центральная усадьба совхоза «Силянняхский» и проживало более тысячи жителей. Кроме того, между Мамонтом и селом Сайылык было обнаружено Тиряхтахское месторождение россыпного олова. Тогда же началось строительство круглогодичной дороги между Мамонтом и автомобильной дорогой Усть-Куйга – Депутатский. В середине 1980-х гг. вводилось новое месторождение им. Смольникова, где началось строительство нового поселка Силир. Силир планировали соединить линией электропередачи и круглогодичной дорогой с месторождениями Озерное и Тенкели⁵. В 1990-е гг. добыча на отдаленных карьерах была свернута, часть жителей переселились в районный центр, остальные выехали за пределы Якутии.

Поселки-транспортные узлы

Поселок-транспортный узел Усть-Куйга располагается на реке Яне. На месте нынешнего поселка стояло зимовье с рацией Главсевморпути [Аристакесян, 2008: 30]. С 1950-х гг. Усть-Куйга стал перевалочной базой для прииска Депутатский. Здесь были построены большие склады, нефтебаза, автобазы и жилые дома для сотрудников и их семей. Поселок входил в со-

¹НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 65. Д. 119. Л. 15.

²НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 65. Д. 119. Л. 10.

³НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 65. Д. 119. Л. 35.

⁴НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 64. Д. 338. Л. 8.

⁵Научная схема перспективного развития оловодобывающей промышленности в ЯАССР. Научный отчет // Национальный архив РС (Я). Ф. 1530. Оп. 1 Д. 72.

став Куларского поселкового совета, расположенного в 160 км от Кулар и в 262 км от районного центра. В мае 1967 г. состоялось общее собрание жителей поселка, на котором принято решение создать свой поселковый совет. На этот период в поселке проживали 1200 чел., работавших в 15 предприятиях и учреждениях¹. Получение статуса «рабочий поселок» предоставляло много возможностей для развития населенного пункта, например, давало право открыть свое отделение милиции. Однако поступил отказ от республиканских органов власти. Тогда исполком Усть-Янского районного совета депутатов от 10 августа 1967 г. принял решение об образовании наслежного совета в населенном пункте Усть-Куйга², и лишь тогда Верховный Совет ЯАССР уступил и предоставил статус «рабочий поселок» Усть-Куйге Указом от 4 октября 1967 г.³ В период расцвета рабочий поселок состоял из нескольких частей: в 3-х км от Усть-Куйги располагался поселок Затон, на небольшом удалении жилой поселок Черемушки, в 3-х км находился аэропорт, поселок Джанки в 47 км вверх по течению реки Яны. Земельная площадь гослесфонда занимаемая Усть-Куйгой составляла 52 га⁴. В настоящее время поселок сохранил свою основную функцию транспортного узла. Будущее поселка также связывают с развитием рыбоперерабатывающей отрасли. На 1 января 2021 г. в поселке проживает 622 чел.⁵

Поселком-транспортным узлом также являлся Нижнеянск, расположенный в дельте реки Яны. Населенный пункт находится в 612 км к северу от поселка Депутатский. В 1936 г. на месте будущего поселка был устроен перевалочный пункт для грузов, завозимых в Якутию по Северному морскому пути. В годы Великой От-

чественной войны в нем проживало около 300 чел. В 1954 г. было начато строительство крупного речного порта. Поселок превратился в крупный транспортный узел для снабжения Усть-Янского и Верхоянского районов Якутии и материально-технического обеспечения Депутатского ГОКа. К категории рабочих поселков отнесен в 1958 г. В 1971 г. из населенного пункта Кресты в Нижнеянск перебазировался рыболовецкий участок вместе со всем населением и учреждениями⁶. В 1975 г. население поселка составляло 2840 чел., а в 1989 г. 3005 чел.⁷ На 1 января 2021 г. в поселке проживает всего 212 чел.⁸

Поселки золотодобытчиков

В 1960 г. были открыты промышленные запасы золота на ручье Бургуаат в северной части Яно-Омолойского междуречья. В 1961 г. организована Куларская поисково-разведочная партия. В поселке геологов тогда проживало около 30 чел. На следующий год численность работников была увеличена почти в пять раз, а кроме стандартных палаток появились первые деревянные домики. В 1963 г. создан прииск Кулар, а для населенного пункта выделены земли. Поселок располагался в 512 км от поселка Депутатского⁹. Кулар являлся самым крупным населенным пунктом золотодобывающей промышленности Усть-Янского района. В сентябре 1973 г. Кулар отнесен к категории «рабочий поселок». К Куларскому поселковому совету относились населенные пункты: рабочий поселок Кулар, поселок Энтузиастов¹⁰, а также населенные пункты карьера «Солуур», артели «Южная», аэропорта, поселка Геологов. Поселки Власово и Северный также ранее подчинялись Куларскому поселковому совету. В поселке Кулар располагались все управленческие структу-

¹НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 65. Д. 119. Л. 14-15.

²НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 65. Д. 119. Л. 18.

³НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 65. Д. 119. Л. 21-22.

⁴НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 65. Д. 119. Л. 19-20.

⁵Численность постоянного населения по муниципальным районам РС (Я). URL: <https://sakha.gks.ru> (дата обращения: 20.10.2021).

⁶НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 64. Д. 292. Л. 1, 34.

⁷НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 64. Д. 338. Л. 4.

⁸Численность постоянного населения по муниципальным районам РС (Я). URL: <https://sakha.gks.ru> (дата обращения: 20.10.2021).

⁹НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 64. Д. 338. Л. 7.

¹⁰Шахта Энтузиастов прииска Кулар возникла в 1969 г., первое население населенного пункта составило 12 чел. В 1975 г. здесь проживало 680 чел., в 1979 г. уже 1259 чел. (НА РС(Я). Ф. 50. Оп. 64. Д. 338. Л. 18.)

ры комбината «Куларзолото» (до 1980 г.), больница на 100 мест, средняя школа на 760 мест, дом культуры, детские сады, банки, молокозавод, бытовой комбинат, отделения почты и милиции, аэропорт¹. Жилой фонд поселка в основном был представлен двухэтажными благоустроенными домами. В 1985 г. построена золотоизвлекательная фабрика. В 1975 г. в поселке проживало 2500 чел., в 1985 г. 5100 чел.², а к 1989 г. население сократилось до 4820 чел.³ Экономический кризис начала 1990-х гг. и государственная политика в отношении золотодобывающих компаний с фиксированной государственной ценой на золото привели к упадку некогда рентабельные производства. В сентябре 1994 г. ГОК «Куларзолото» был объявлен банкротом. Население поселка стало покидать Кулар. Правительство Якутии и руководство предприятия добивалось ликвидации населенных пунктов и предоставления жителям государственных гарантий, связанных с выездом за пределы республики (предоставление жилья, оплата проезда и контейнера, полный расчет по заработной плате). Поддерживать инфраструктуру северных поселков республиканские власти были не в состоянии. Социальные объекты и жилые дома часто подвергались пожару, разрушалась система отопления. Постановлением Правительства РС (Я) от 10 июля 1998 г. № 322 поселок Кулар был официально признан ликвидированным, а оставшиеся его жители вывезены. В настоящее время в летний период в нежилом поселке временно проживают работники ООО «Омолой», организованного членами КРО эвенков «Омолой» в 1994 г., добывающие старательским способом золото⁴.

Населенный пункт Северный зарегистрирован Указом Президиума Верховного Совета ЯАССР 13 октября 1972 г. в составе Куларского поселкового совета. Находился поселок на левом берегу реки Яны. Площадь его была 600 кв. км, численность населения в 1979 г. составляла уже более 2000 чел. Поселок строился по гене-

ральному плану, разработанному институтом «Якутниипроалмаз». На 1979 г. общее количество жилых домов 120, из них 15 двухэтажных и 95 балков. Жилая площадь – 7688 кв. м. В 1978 г. введено в эксплуатацию здание средней школы на 392 места, столовой на 100 мест, детский сад-ясли на 50 мест. В 1980 г. планировалось строительство Дома культуры на 400 мест. В поселке базировались крупные предприятия: Куларское СМУ, Куларская автобаза, контора материального снабжения комбината «Куларзолото», передвижные электростанции, цех ремонта горного оборудования комбината, кислородная станция, монтажные участки, база Куларского продснаба (столовая, магазины, торговые базы). К 1980 г. в поселок перебазированы контора комбината «Куларзолото», коллектив Куларской геологоразведочной партии, Янский отдел военизированной охраны. В поселке располагалось почтовое отделение, сберегательная касса и здравпункт. В конце 1979-х – начале 1980-х гг. в поселке велось большое производственное и культурно-бытовое строительство, в основном на средства комбината «Куларзолото»⁵.

С 1977 г. Усть-Янский районный совет активно занимался продвижением идеи о наделении населенного пункта Северный статусом «рабочий поселок» и административного отделения его от поселкового совета Кулара. Совет Министров ЯАССР полностью поддерживал районный совет в этой работе и в виде исключения просил удовлетворить ходатайство исполкома Усть-Янского районного совета народных депутатов, отнести поселок Северный к категории «рабочий поселок». Куларский поселковый совет находился от Северного в 27 км, и имелись большие трудности в руководстве и контроле за ним, учитывая, что население поселка ежегодно увеличивалось⁶. 24 октября 1979 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета об отнесении поселка к категории «рабочий поселок» с сохранением прежнего наименования Северный⁷. По воспоминаниям информантов, рабочий поселок

¹НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 65. Д. 119. Л. 6, 79.

²НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 64. Д. 292. Л. 10-11.

³Итоги Всесоюзной переписи населения: статистический сборник № 7. Якутск, 1990. С. 8.

⁴НА РС (Я). Ф. 1550. Оп. 1. Д. 258. Л. 117-118.

⁵НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 65. Д. 119. Л.

⁶НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 65. Д. 119. Л. 65-66.

⁷НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 65. Д. 119. Л. 87.

Северный был самым комфортабельным из арктических поселений, чистым и уютным. К 1989 г. в нем проживало 4094 чел.¹

Развал СССР, нарастание кризисных процессов и ликвидация золотодобывающих и обслуживающих их предприятий, способствовали массовой миграции населения. В 1999 г. в поселке оставалось 1200 чел., в том числе 260 детей, 297 пенсионеров, из них 107 неработающих. Отъезд специалистов в области энергетики и ЖКХ спровоцировали массовые аварии ДЭС. В школе занятия проводились в неотапливаемых помещениях при обогревателях. Котельную запустить не удавалось. Жилые помещения отапливались буржуйками, что провоцировало пожары. Правительство РС (Я) видело только один выход – переселить жителей², что и было сделано, однако переписью населения 2002 г. в Северном было зарегистрировано 77 чел.³, они продолжали ждать заветных сертификатов на получение жилья либо отказывались уезжать. Тем не менее Постановлением Правительства РС (Я) от 4 марта 2005 года № 112 поселок Северный исключен из учетных данных административного деления.

Для строительства поселка имени Власова⁴ решением исполкома районного Совета от 6 октября 1965 г. отведен земельный участок Янскому горнопромышленному управлению на землях долгосрочного пользования совхоза «Усть-Янский» площадью 45 га, в период возникновения населенного пункта в нем проживало 70 чел.⁵ На 1 января 1967 г. население поселка составляло 200 чел. Располагался поселок на Яна-Омолонском водоразделе на западных отрогах Куларского хребта в 33 км от поселения Кулар и в 552 км наземным, 270 км воздушным транспортом от районного центра поселка Депутатский⁶. Поселок получил свое наименование на

основании решения исполкома Янского районного Совета депутатов в честь памяти умершего в 1966 г. Г.Н. Власова, бывшего начальника Янской геологоразведочной экспедиции, ветерана освоения Крайнего Севера. Постановлением Президиума Верховного Совета ЯАССР от 27 июня 1967 г. поселку прииска имени Власова, подчиненному Куларскому поселковому Совету Усть-Янского района, присвоено наименование Власовский⁷. С 1971 по 1973 гг. Куларский поселковый совет неоднократно ходатайствовал об образовании самостоятельного поселкового совета в поселке Власовский. Значительная удаленность от Кулара не давала возможности постоянно осуществлять контроль и руководство над социально-культурными учреждениями и предприятиями. Из года в год добыча золота в самой отдаленной шахте Омолой увеличивалась. Число жителей поселка Власовский возрастало и к 1973 г. достигло 1377 чел. В поселке базировались управление шахты, Куларское строительно-монтажное управление, социально-культурные учреждения (школа, больница с профилакторием, детский комбинат, пекарня, столовая, отделение связи со сберкассой, клуб с широкоэкранным киноустановкой, библиотека, дизельная электростанция, аэропорт)⁸. И только в марте 1973 г. исполком Усть-Янского совета поддержал образование поселкового совета и предложил именовать поселок им. Власова – Власово, а поселковый совет – Власовским. Предполагалось, что в перспективе выросшие на базе новых месторождений Кристалл (н.п. Кюсюнтэй в 7 км) и Аленка (н.п. Аленка в 10 км) новые поселения войдут в состав Власовского поселкового совета⁹. Итак, 13 сентября 1973 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета об отнесении поселка Власово к категории рабочих поселков¹⁰. В 1975 г. население поселка

¹Итоги Всесоюзной переписи населения: статистический сборник № 7. Якутск, 1990. С. 8.

²НА РС (Я). Ф. 1550. Оп. 1. Д. 130. Л. 95.

³Численность постоянного населения по муниципальным районам РС (Я). URL: <https://sakha.gks.ru> (дата обращения: 20.10.2021).

⁴Бытовало второе название поселка – Омолой.

⁵НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 64. Д. 292. Л. 8.

⁶НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 65. Д. 119. Л. 58; НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 64. Д. 292. Л. 8.

⁷НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 65. Д. 119. Л. 15.

⁸НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 65. Д. 119. Л. 29.

⁹НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 65. Д. 119. Л. 42-44.

¹⁰НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 65. Д. 119. Л. 56.

насчитывало 2000 чел.¹, а к 1989 г. проживало 2087 чел.² В начале 1990-х в связи с кризисом в золотодобывающей промышленности шахта была законсервирована, а население поселка было вывезено. Постановлением Правительства РС(Я) от 10 июля 1998 года № 322 поселок Власово перестал официально существовать как жилой населенный пункт. Занимаемые поселком земли переданы в состав территории Омолойского национального наслега.

IV. Обсуждение. История городских поселений Усть-Янского района непосредственно связана с развитием добывающей промышленности. Согласимся с утверждением Ю.Л. Пивоварова, что советская урбанизация является побочным продуктом индустриализации, а основной функцией поселений стало лишь размещение персонала для производства. Отсюда это стремление государства минимизировать затраты на человека в городских поселениях, не учитывая высокие темпы роста городского населения. Это порождало острую нехватку жилья, социальных объектов, низкий уровень ЖКХ и снабжения.

По типологизации арктических поселений, представленной в работе Р.В. Гончарова и Н.Ю. Замятиной, на основе косвенных индикаторов выделяются восемь типов населенных пунктов. Авторами рассматривались как городские, так и сельские поселения численностью свыше 500 чел. Из поселков Усть-Янского района в исследование попали: районный центр – Депутатский, отнесен к шестому типу «удаленные субрегиональные центры»; транспортный узел – Усть-Куйга, отнесен к восьмому типу «автономные поселки-изоляты»; нежилой поселок Власово также был по каким-то причинам рассмотрен и отнесен к восьмому типу. В исследование закралась ошибка, либо авторы владеют сведениями о возрождении поселка Власово.

Закрытие добывающих предприятий в постсоветский период в якутской Арктике привело и к исчезновению ряда населенных пунктов. На карте Усть-Янского района из семи рабочих поселков и сети населенных пунктов, окружающих их, остались лишь три. Это административный центр района – поселок Депутатский, в

котором, кроме административных и социальных учреждений района, были сосредоточены предприятия оловодобывающей промышленности. Отток населения из Депутатского немого компенсировался миграцией сельского населения в поселок. Часть жителей, оставшихся в поселке, надеются на возобновление оловодобычи.

Сохранились поселки, расположенные на р. Яна, это Усть-Куйга и Нижнеянк. Безусловно, со сворачиванием олово- и золотодобычи объемы перевозки грузов резко упали, но через данные транспортные узлы продолжало осуществляться снабжение сельских населенных пунктов и поселка Депутатский. Поселки, выполняющие лишь одну функцию, по мнению А.С. Бреславского, практически не имели шансов на сохранение, но тем не менее они продолжают существовать. С развитием Северного морского пути порты могут получить второе рождение. Такую стойкость данных населенных пунктов можно объяснить рядом причин: во-первых, участием в снабжении сел, а также миграцией населения из сельской местности. В связи с этим актуализируется перспективное направление для исследования, обозначенное П. Швайцером, рассматривать «село-город» в рамках единой парадигмы, в том числе изучить место и роль сельских поселений в истории промышленного освоения якутской Арктики.

V. Заключение. Таким образом, городские поселения Усть-Янского района поделены на три типа по характеру хозяйственной деятельности: поселки оловодобывчиков, поселки-транспортные узлы и поселки золотодобывчиков. Поселения при месторождении развивались по схожему сценарию: при месторождении обустроивалось поселение-база, затем, если в месторождении прогнозировались крупные запасы на несколько десятилетий добычи, неподалеку строился поселок. Исторически сложившаяся система расселения и транспортная доступность играли при выборе места для строительства будущего поселения второстепенную роль. В индустриальной модели освоения советского Севера приоритет отдавался местоположению месторождения.

¹НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 64. Д. 338. Л. 2.

²Итоги Всесоюзной переписи населения: статистический сборник № 7. Якутск, 1990. С. 8.

В 1950-х – начале 1960-х гг. государственная установка на строительство постоянных поселений при месторождениях отсутствовала, исходили из того, что месторождения истощались и рано или поздно приходилось осваивать новые. Это ярко демонстрируют бытовые условия, в которых приходилось жить рабочим и служащим в этот период. Однако отказ от системы принудительного труда вынуждал государство искать возможность привлечения вольнонаемного населения на Крайний Север. Вместе с разработанной системой льгот для жителей Крайнего Севера уделялось внимание и поселениям. Они стали получать официальный статус поселка, началось строительство социальных объектов и жилья.

Во второй половине 1960-х гг. политика государства была направлена на строительство полноценных городов и поселков при месторождениях, на закреплении постоянного населения на Севере. Реализацию приоритетной на тот момент концепции группового размещения населенных пунктов можно рассмотреть на примере Усть-Янского района. В основу концепции заложено сочетание размещения населения как в постоянном поселении с развитой социальной инфраструктурой, так и во временных вахтовых поселках при месторождениях. При отработке месторождения население должно было без особых затруднений мигрировать в основной поселок либо в новое вахтовое поселение. В Усть-Янском районе сложилось два очага промышленного освоения – поселения оловодобытчиков вокруг поселка Депутатский и поселения золотодобытчиков вокруг поселка Кулар. Как видно из вышепредставленного материала, даже внутри очагов транспортные связи между поселениями были развиты слабо. Миграция населения происходила в большинстве случаев в административном порядке, при закрытии добычи или переводе структур в другой населенный пункт. Однако постоянный дефицит жилищного фонда в крупных поселках вынуждал население закрепляться во временных поселениях. Проблема усиливалась, т.к. вплоть до развала советской системы численность населения поселков постоянно возрастала.

История городских поселений Усть-Янского района демонстрирует, сколько человеческих усилий, невероятных материальных вложений

потребовалось для создания городских поселений в арктической зоне. Возникает вопрос, была ли верной государственная политика, направленная на создание постоянных поселений и закрепление населения в местах индустриального освоения? Огромные затраты, связанные с этим процессом, не смогли сделать жизнь жителей промышленных поселков по-настоящему достойной. Экстенсивные методы освоения в советский период и, как следствие, постоянный рост населения вызывали острую нехватку жилищного фонда. Вплоть до начала 1970-х гг. нормой было проживание в брезентовых палатках, а затем в бараках. Несмотря на строительство социальных объектов, постоянно наблюдалась необходимость их ремонта и реконструкции, прежде всего это было связано с качеством строительных материалов, доставляемых в поселки. Однако, невзирая на бытовые трудности, многие приезжие оставались жить в поселках и не планировали уезжать, для них Усть-Янский район стал второй родиной. Для коренного населения наличие рабочих поселков предоставляло возможность получать социальные услуги и сбывать сельскохозяйственную продукцию. Ликвидация предприятий и закрытие рабочих поселков привели к социальной катастрофе, последствия которой ощущаются и в настоящее время.

Список литературы:

Аристакесян Г.Д. Депутатская параллель: 1951–2007. Якутск: Якутский край, 2008. 306 с.

Бреславский А.С. Процессы урбанизации в Республике Саха (Якутия): динамика ключевых параметров (1989–2018) // Урбанистика. 2000. № 1. С. 68–81.

Гончаров Р.В., Данькин М.А., Замятина Н.Ю., Молодцова В.А. Соборы в пустыне или опорные базы? Типология населенных пунктов Российской Арктики по характеру взаимосвязи с окружающей территорией // Городские исследования и практики. Т. 5. № 1 (2020): Города Российской Арктики. URL: <https://usp.hse.ru/article/view/12797> (дата обращения: 20.07.2021).

Замятина Н.Ю. Арктическая урбанизация: феномен и сравнительный анализ // Вестник Московского университета. Серия 5: география. 2020. № 4. С. 69–82.

Замятина Н.Ю. Развилка судьбы фронтального города: уроки Игарки // ЭКО. 2021. № 1 (559). С. 67–92.

Маклашова Е.Г., Осипова О.В. Арктика в многообразии: повседневная жизнь населения (по материалам экспедиции в Усть-Янский улус Республики Саха (Якутия)) // Региональные проблемы. 2014. Т. 17. №1. С. 74–79.

Перцик Е.Н. Среда человека: предвидимое будущее. М.: Мысль, 1990. 367 с.

Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация. Основные тенденции расселения. М.: Статистика, 1976. 191 с.

Пилясов А.Н. Города Российской Арктики: сравнение по экономическим индикаторам // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2011. № 4. С. 64–69.

Пилясов А.Н. Города-базы Арктического фронта // Вопросы географии. № 141. Проблемы регионального развития России. М.: Издательский дом «Кодекс», 2016. С. 503–529.

Федорова Е.Н. Города и рабочие поселки – районные центры Якутской АССР. Якутск: Якутское книжное издательство, 1982. 96 с.

Федорова Е.Н. Пути развития малых городов и поселков городского типа в Республике Саха (Якутия) // Региональная экономика: теория и практика. 2009. Т. 7. Вып. 14. С. 52–56.

Швайцер П. Коренные народы и урбанизация на Аляске и на канадском Севере [Пер. с англ. О.А. Поворознюк] // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 10–22.

References:

Aristakesyan G.D. *Deputatskaya parallel': 1951–2007* [Deputy parallel': 1951–2007]. Yakutsk: Yakutsk Territory Publ., 2008. 306 p. (In Russian)

Breslavskiy A.S. *Protsessyi urbanizatsii v Respublike Saha (Yakutiya): dinamika klyuchevyih parametrov (1989–2018)* [Urbanization Processes in the Republic of Sakha (Yakutia): Dynamics of Key Parameters]. *Urbanistika* [Urban studies]. 2000. № 1. Pp. 68–81. (In Russian)

Fedorova E.N. *Goroda i rabochie poselki – rayonnyie tsentryi Yakutskoy Avtonomnoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki* [Towns and workers' settlements are the regional centers of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic]. Yakutsk: Yakutsk book Publ., 1982. 96 p. (In Russian)

Fedorova E.N. *Puti razvitiya malyyh gorodov i poselkov gorodskogo tipa v Respublike Saha (Yakutiya)* [Development ways of small towns and urban-type settlements in the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice]. 2009. Volume 7. Issue 14. Pp. 52–56. (In Russian)

Goncharov R.V., Dan'kin M.A., Zamyatina N.YU., Molodtcova V.A. *Sobory v pustyne ili opornye bazy? Tipologiya naselennykh punktov Rossijskoj Arktiki po harakteru vzaimosvyazi s okruzhayushchej territoriej* [Cathedrals in the desert or strongholds? The typology of the settlements in the Russian Arctic by Their interconnections with the surrounding territory] // *Gorodskie issledovaniya i praktiki*. [Urban Studies and Practices] Volume 5. № 1 (2020): Urban Russian Arctic. URL: <https://usp.hse.ru/article/view/12797> (date of the application: 20.07.2021). (In Russian)

Maklashova E.G., Osipova O.V. *Arktika v mnogoobrazii: povsednevnyaya zhizn' naseleniya (po materialam ekspedicii v Ust'-Yanskij ulus Respubliki Saha (Yakutiya))* [Life of the people in Arctic (Ust-Yansky ulus of the Republic of Sakha in Yakutia)]. *Regional'nye problem* [Regional problems]. 2014. Volume 17. № 1. Pp. 74–79. (In Russian)

Pertsik E.N. *Sreda cheloveka: predvidimoe budushee* [The human environment: the foreseeable future]. Moscow: Thought Publ., 1990. 367 p. (In Russian)

Pivovarov Yu.L. *Sovremennaya urbanizatsiya. Osnovnyie tendentsii rasseleniya* [Modern urbanization. The main tendencies of resettlement]. Moscow: Statistics Publ., 1976. 191 p. (In Russian)

Pilyasov A.N. *Goroda Rossiyskoy Arktiki: sravnenie po ekonomicheskim indikatoram* [Russian Arctic Cities: Comparison by Economic Indicators]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University]. Series 5: geography. 2011. № 4. Pp. 64–69. (In Russian)

Pilyasov A.N. *Goroda-bazyi Arkticheskogo frontira* [Arctic frontier base cities]. *Voprosy geografii. № 141. Problemy regionalnogo razvitiya Rossii* [Geography issues. №141. Problems of regional development of Russia]. Moscow: Codex Publ., 2016. Pp. 503–529. (In Russian)

Schweitzer P. *Korennyie narody i urbanizatsiia na Aliaske i na kanadskom Severe* [Indigenous peoples and urbanization in Alaska and the Canadian North]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2016. Pp. 10–22. (In Russian)

Zamyatina N.Yu. *Razvilka sudbyi frontirnogo goroda: uroki Igarki* [Fork in the fate of the frontier town: lessons from Igarka]. *EKO* [EKO] 2021. № 1 (559). Pp. 67–92. (In Russian)

Zamyatina N.Yu. *Arkticheskaya urbanizatsiya: fenomen i sravnitelnyiy analiz* [Arctic urbanization: phenomenon and comparative analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin]. Series 5: geography. 2020. № 4. Pp. 69–82. (In Russian)

I.S. Astakhova

From the History of Urban Settlements of the Yakut Arctic (by the Example of the Ust-Yansky District of the Republic of Sakha (Yakutia))

Scientific novelty. In the article, for the first time, the subject of a special scientific study is the history of urban settlements in the Ust-Yansky region of the Republic of Sakha (Yakutia). *The aim* is to consider the history of urban settlements in the Ust-Yansky region in the context of socio-economic transformations in Russia in the second half of the XX – early XIX centuries.

Research methods. This article presents a study based on the analysis of statistical data, field research materials and archival sources introduced into scientific circulation for the first time. *The methods* of historical research were used in the analysis: problem-chronological, historical-comparative, statistical methods, retrospective analysis and the method of oral history.

Results. Based on the analysis of diverse sources, the article summarizes the historical experience of industrial development of the Arctic region in the Soviet period, which included urbanization processes. Using the example of urban-type settlements in the Ust-Yansky District of the Republic of Sakha (Yakutia), the main characteristics and parameters of the life of various types of Arctic settlements have been recreated, and the daily life of their population has been reconstructed. The main stages of the development of settlements, including in the post-Soviet period, are highlighted, the features of the formation of the urban population of the district are analyzed, and possible aspects of the continuation of the topic are indicated.

Keywords: Arctic, urbanization, urban settlements, Ust-Yansky district, industrial development, newcomers.

Н.И. Данилова, Н.И. Попова

DOI: 10.25693/SVGV.2021.37.4.007

УДК 811.512.157'373

Ландшафтная лексика в якутском языке

Научная новизна. В статье впервые предпринимается попытка сравнительно-исторической характеристики орографической лексики якутского языка с базовым значением 'открытое место, поле, равнина, долина'. На основе ряда сравнительно-исторических, диалектологических, лексикографических и топонимических работ проведена систематизация ландшафтной лексики: установлен определенный объем лексических единиц якутского языка, отражающих сухопутный ландшафт, и некоторое количество лексических единиц, обозначающих водный ландшафт. Дано подробное лексикографическое, этимологическое описание выбранной тематической группы ландшафтной лексики современного якутского языка.

Цель и задачи. Целью статьи является выявление и описание ландшафтной лексики с базовым значением 'открытое место, поле, равнина, долина' современного якутского языка с решением следующих задач: систематизация ландшафтной лексики, ее классификация по тематическим группам и обсуждение проблемы происхождения группы слов, отражающих равнинный ландшафт.

Методы исследования. В статье использовались метод сплошной выборки, методы и приемы синхронно-описательного, сравнительно-исторического, лексикографического, количественного анализа.

Результаты. На конкретном материале, отражающем равнинный ландшафт, а именно орографической лексики с базовым значением 'открытое место, поле, равнина, долина', установлено, что каждая из номинаций характеризует местность по признаку ее расположения относительно поверхности земли или водоема как низменную или возвышенную, либо по характеру ее растительного покрова. Подтвердилось предположение о том, что ландшафтная лексика в якутском языке представлена как исконно тюркскими, так и монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, а также общими алтайскими основами, связанными с обозначением обширных открытых пространств, пригодных для ведения скотоводческой деятельности. Это является свидетельством того, что различные группы кочевников, в силу тех или иных исторических обстоятельств оказывавшиеся на территории Якутии и осваивавшие ее, вносили свой вклад в палитру разноязычных обозначений сходных географических объектов. Данный языковой материал может служить дополнительным источником в изучении проблемы этнической истории якутов.

Ключевые слова: якутский язык, говоры, ландшафтная лексика, равнинный ландшафт, семантика, тематическая группа, лексикографический анализ, сравнительно-исторический анализ

I. Введение. Лексика любого языка представляет собой открытую систему, подверженную различным влияниям, проникновениям, внутренним семантическим сдвигам, отслеживание которых предполагает ее изучение с разных сторон. Как один из наиболее древних и устойчивых пластов словарного состава языка интерес представляет ландшафтная лексика. Ее изучение на материале якутского языка необходимо, как нам представляется, и для определения естественных исторических условий возникновения географической терминологии в языках тюрко-монгольских народов Сибири.

Целью настоящей статьи является выявление и описание ландшафтной лексики современного якутского языка – орографической лексики с базовым значением ‘открытое место, поле, равнина, долина’ с решением следующих задач: систематизация ландшафтной лексики, ее классификация по тематическим группам и обсуждение проблемы происхождения группы слов, отражающих равнинный ландшафт. Дробное описание лексики, относящейся к понятию «равнина», может быть полезным при освещении вопросов этнической истории якутов, которые не считаются автохтонными на территории проживания, так как заселились сюда в IX–XI вв. и постепенно освоили этот край путем разведения лошадей и крупного рогатого скота, а начиная с XVII в. – занятием земледелием и различными домашними ремеслами.

Исследование предпринято с использованием метода сплошной выборки, лексикографического, синхронно-описательного и сравнительно-исторического, количественного методов и приемов исследования на основе лексикографических источников по тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам.

II. Материалы и методы. Ландшафтная лексика широко отражена в словарях разной типологии и сравнительно-исторических исследованиях по тюркским языкам. Первым в истории востоковедения фундаментальным трудом, в котором на материале всех современных тюркских языков, их диалектов, а также письменных памятников рассмотрено происхождение общетюркского лексикона, является «Этимологический словарь тюркских языков», изданный Институтом языкознания РАН под редакцией

Э.В. Севортяна. Особое значение для развития методов сравнительно-исторического и этимологического исследования материала тюркских языков представляет дополнительный девятый том названного словаря, где с применением нового для тюркологии лексико-статистического метода была предложена глоттохронология тюркских языков. Содержательную основу тома составил список слов базовой лексики тюркских языков [ЭСТЯ, 2013: 5], включающий в том числе и географические названия.

Интересующая нас тематическая группа лексики тюркских языков богато представлена и в томах «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков», в том числе в части, посвященной словарному составу. В томе «Лексика», изданном в 2001 году, с использованием сравнительно-исторического, историко-типологического, лингвогеографического и ареального методов, а также методов реконструкции была восстановлена лексика праязыка тюрков. Значительным в методологическом плане является один из постулатов творческого коллектива, согласно которому словарный состав языка является надежным и достоверным источником получения знаний о культурном и историческом прошлом народа [СИГТЯ, 2001: 6].

Том второй данного фундаментального исследования интересен тем, что в нем на обширном систематизированном материале получила подтверждение высказанная ранее идея об обособленном положении якутского языка среди типологически родственных языков. Так, было выдвинуто предположение о раннем отмежевании якутской ветви от остальных тюркских языков и ее изоляции после перемещения носителей на Лену [СИГТЯ, 2002: 661]. Действительно, данное положение о раннем обособлении якутского языка от родственных тюркских языков и его длительных тесных контактах с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими получило подтверждение в ряде исследований.

Теоретической и методологической новизной последнего к настоящему времени шестого тома сравнительно-исторической грамматики явилось восстановление языковой картины мира пратюрков [СИГТЯ, 2006: 3]. В томе была обоснована необходимость междисциплинарного подхода к исследованию проблемы истории развития языков и этносов тюркского происхождения с при-

влечением широкого круга как собственно лингвистических, так и исторических, этнографических, археологических данных.

Лексика тюркских языков Сибири, в том числе ландшафтная, также является предметом активного анализа и обсуждения современных сравнительно-исторических исследований. Ученые предполагают, что в результате длительных контактов и взаимодействия на территории Сибири сформировался собственный базовый лексический фонд [Широбокова, 2014: 4], который демонстрирует общность как в пределах собственно тюркских языков Сибири, так и монгольских и тунгусо-маньчжурских.

Интерес к якутско-монгольским лексическим соответствиям, в том числе в области ландшафтной лексики объясняется тем, что в якутском языке выявилось наибольшее количество монголизмов (около 2500 лексем), хотя последние присутствуют в разной степени насыщенности во всех тюркских языках, независимо от современного расселения их носителей [Рассадин, 1980: 92].

Тюркская ландшафтная лексика рассматривается также в связи с исследованием бурятской ономастики в работах Л.В. Шулуновой, Е.В. Сундуевой, Р.Г. Жамсарановой и других. Авторы отмечают параллельное бытование общих тюрко-монгольских географических терминов на территории Байкальского региона [Шулунова, 1995: 23], что служит основанием для предположения о былых тесных контактах монгольских и тюркских племен в данном регионе. Труды сибирских языковедов в целом служат методологической основой для дальнейших исследований в целях выявления как региональных межтюркских, так и тюрко-иноязычных языковых связей.

Обширная система специальной лексики, отражающей особенности и характерные черты природных объектов естественного происхождения, обнаруживается и в якутском языке. В той или иной степени полноты ландшафтная лексика содержится в сравнительно-исторических, диалектологических, лексикографических, топонимических, этнологических, культурологических работах, в общих чертах установлено происхождение [Антонов, 1966; Габышева, 2019; Калужинский, 1978; Иванов, 2001; Иванов, 2017 и др.]

Материал для данной статьи извлечен из известных академических переводных, толково-переводных и диалектологических словарей якутского языка [Пекарский, 1958–1959; ЯРС 1972; ДСЯЯ 1976; Бетлингк, 1990; ДСЯС 1995; БТСЯЯ 2004; 2012; 2013; 2016], где представлен эквивалент слова или толкование его значения на русском языке. Кроме того, в толково-переводных словарях якутского языка, как правило, приводится сравнительный материал, подтверждающий то или иное происхождение слова. Обширный материал по ландшафтной лексике якутского языка с параллелями из тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков представлен в «Словаре топонимной лексики Республики Саха» [СТЛ, 2019]. Диалектологические словари якутского языка представляют богатый материал, иллюстрирующий фонетические, морфологические и семантические различия слова в территориальных говорах. В статье использованы также доступные монгольско-русские словари [БАРМС, 2011; БРС, 1973], из которых извлечен сравнительный материал. Значительным источником сопоставления послужил «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» [ССТМЯ, 1975], а также этимологические словари алтайских и тюркских языков [EDAL, 2003; ЭСТЯ, 1974; ЭСТЯ, 1978; ЭСТЯ, 1989; ЭСТЯ, 2013].

III. Результаты. Методом сплошной выборки из названных лексикографических источников в якутском языке обнаружено более семидесяти лексических единиц, отражающих ландшафт естественного природного происхождения, в том числе обозначающие сухопутные и водные объекты.

Лексика, обозначающая природный сухопутный ландшафт, легко распределяется по трем тематическим группам, ориентированным на особенности форм рельефа относительно поверхности земли при ее горизонтальном и вертикальном членении, а именно:

– лексика, обозначающая положительную форму рельефа, т.е. различные возвышения: бугры, холмы, горы и т.д., например: *быраан* (*мыраан*) ‘гора, холм’, *дабаан* ‘возвышенность’, *кырдал* ‘возвышенность’, *сыыр* ‘горка’, *томтор* ‘пригорок’, *хайа* ‘гора’ и др.;

– лексика, обозначающая отрицательную форму рельефа, т.е. различные понижения, впа-

дины, ложбины, ущелья и т.д.: *анхай* ‘яма’, *аппа* ‘овраг’, *куоһах* ‘ложбина’, *кэнкэмэ* ‘впадина, промоина’, *хаспах* ‘яма, рывина’ и др.;

– лексика, обозначающая равнинный рельеф, куда входят степи, поля, луга, долины и т.д., например: *алаас* ‘алас’, *сыһыы* ‘луг’, *толоон* ‘поляна’, *таала* ‘равнина’ и др.

Группа слов, охватывающая лексику, отражающую особенности грунта по степени его увлажненности, распадается на две группы. Для обозначения сухого грунта используются слова типа *буор* ‘земля, почва’, *кумах* ‘песок’, *элэһин* ‘песчаный берег’ и т.д., а для обозначения увлажненного грунта – *бадараан* ‘болото’, *кута* ‘трясина’, *маар* ‘марь’, *тумара* ‘марь’ и др.

В отдельную группу мы выделяем лексику, отражающую местоположение объекта относительно другого, каковым может являться либо водный, либо лесной массив: *арыы* ‘остров’, *кытыл* ‘берег, побережье’, *ойоос* ‘островок’, *ой* ‘лес-колок’. В данном случае ландшафтная лексика обозначает особенность географического объекта по сравнению с остальным окружением.

В самостоятельную группу мы также объединили лексику, отражающую особенности растительного покрова ландшафта. Это *ойуур* ‘лес, лесная чаща’, *тайба* ‘густой дикий лес, тайга’, *тыя* ‘лес’, *чагда* ‘сосновый бор’, *чаран* ‘роща’ и др. Как видно из перечисленного, в эту группу включены слова, обозначающие какие-либо виды леса.

Лексику, воссоздающую водный ландшафт, мы распределили по двум тематическим подгруппам:

– лексика, обозначающая изолированные водоемы: *байбал* ‘море’, *көлүэ* ‘озерко’, *күөл* ‘озеро’, *элгээн* ‘озеро в долине реки’ и др.;

– лексика, отражающая водный поток: *курулгэн* ‘водопад’, *өрүс* ‘река’, *сыккыс* ‘ручеек’, *үрэх* ‘речка’ и др.

Очевидно, что значительное количество ландшафтной лексики номинирует объекты сухопутного ландшафта. Как показывает материал этимологического словаря алтайских языков [EDAL, 2003], во многих из них произошли семантические изменения.

Для лексикографического и сравнительно-исторического анализа в рамках статьи выбрана тематическая группа лексики с базовым значе-

нием ‘открытое место, поле, равнина, долина, луг’, куда входят лексические единицы: *алаас* ‘алас’, *алыы* ‘речная долина’, *бабарах/бабарчах/бабалчах* ‘круглая обширная низменность’, *налыы* ‘низменное место, заливаемое водой, покосное угодье’, *сыһыы* ‘луг’, *толоон* ‘поляна’, *таала* ‘равнина’, *хонуу* ‘поле’, *хочо* ‘долина’, связанные с определенной хозяйственной деятельностью человека. Интерес к данной группе слов обусловлен тем, что предки современных якутов, предположительно тюркоязычные и монголоязычные, оказавшись на территории современной Якутии, заселили и освоили прежде всего равнинные местности, наиболее удобные для продолжения традиционного занятия скотоводческой деятельностью. На основе анализа текстов якутского эпоса подчеркивается, что «описание полей, долин, аласов и т.п. как счастливого места *дьоллоох сир* обусловлено факторами этнокультурного и хозяйственно-экономического порядка. Эти земли являются единственно пригодными в качестве природной среды обитания для якутов, коневодов и скотоводов» [Габышева, 2019: 286]. Это обусловило сохранение единиц, обозначающих виды равнинного ландшафта, в составе активной лексики, которая составляет ядро лексической системы языка и используется для обозначения наиболее существенных для носителей языка предметов и явлений внешнего мира.

Алаас – место, площадка, окруженная лесом [Бетлингк, 1990: 434]. Материал словарей якутского языка показывает, что *алаас* понимается как чистый луг, окруженный лесом, с озером посередине и сенокосными угодьями [Пекарский, 1958-1959: 67; ЯРС, 1972: 37; БТСЯЯ, 2004: 391]. Это слово в качестве народного географического термина объясняется также как ‘поляна, луг, открытая небольшая равнина, открытое поле в лесу’ [Мурзаев, 1984: 46]. Якутское *алаас* сравнивается в источниках также с древнетюркским словом *Ала* – местность с летними пастбищами вблизи Ферганской долины [ДТС, 1969: 33]. В «Словаре географических названий» Э.М. Мурзаева имеется алан, аланг ‘открытое место, поляна, какая-то ровная площадка (тюрк.)’ [Мурзаев, 1984: 45]. В параллелях, приводимых Э.М. Мурзаевым вслед за Э.В. Севорьяном [ЭСТЯ, 1974: 135], смешано

несколько алтайских основ, в т. ч. ПТю *jalaj ‘голый’ > ‘открытое место в лесу’ [ЭСТЯ, 1989: 135]. Об этом же свидетельствует и материал EDAL, где представлена общеалтайская основа r’âlâ ‘поле’, которая в пратунгусском *râla-n: имеет значение ‘поляна, ровное место’, в тюркском *ala-n / *ala-ŋ и праяпонском *râgâ – ‘равнина’ [EDAL, 2003: 1120].

Очевидно, что в словарном определении лексемы сконцентрирована характеристика, согласно которой *алас* воспринимается и интерпретируется как ландшафтное явление — чистая, гладкая местность (поле, луг, поляна), покрытая луговой растительностью, окруженная лесом и пригодная для освоения хозяйственной деятельностью. Это значение слова *алаас*, как нам представляется, является первичным и актуальным для всех носителей якутской культуры [Дьячковский, Попова, 2014: 59 – 60]. Данный географический объект характерен в основном для Центральной Якутии, поэтому слово *алаас* «не имеет диалектного эквивалента» [Иванов, 2017: 182].

Алыы – в противоположность *аласу* непригодная для хозяйственной деятельности местность, поросшая кустарником [Пекарский, 1958–1959: 84; ЯРС, 1972: 40; БТСЯЯ, 2004: 441], мелкой растительностью [СТЛ, 2019: 49; БТСЯЯ, 2004: 441]. В словаре О.Н. Бетлингга слово не зафиксировано. Обращаясь к диалектным характеристикам (а диалект зачастую рассматривается как исторический источник), обнаруживаем, что *алыы* в говорах имеет определенные семантические различия: а) поляна, долина посреди леса, заросшая кустарником и мхом; б) поляна, иногда с водоемом, покрытая травой и мхом; в) ровное поле [ДСЯЯ, 1976: 44], которые, вероятно, обусловлены локальными особенностями ландшафта. В долганско-немецком словаре М. Стаховского представлены значения ‘чистое место в тундре, болото’ [Stachovsky, 1993: 33], которые также демонстрируют самобытную географическую среду обитания тундренного народа.

На основании материалов словарей якутские *алас* и *алыы* как по сходству внешнего фонетического облика, так и по семантическому содержанию легко возводятся к тюркскому *ала*, *алан*, *аланг* в значении ‘плоский, ровный’, ‘ровная, открытая и обширная местность’; ‘поле, доли-

на, равнина’ [ДТС, 1969: 33; ЭСТЯ, 1974: 135; Мурзаев, 1984: 44–45]. Это подтверждается и данными Этимологического словаря алтайских языков, где *алаас* и *алыы* представлены как однокоренные [EDAL, 2003: 1120].

Баҕарах / *баҕарчах* / *баҕалчах* – основное значение слова, согласно всем привлекаемым лексикографическим источникам якутского языка сводится к предметной номинации: плоский низкий (обычно из глины) сосуд для хранения, кипячения или варки молока, мяса или рыбы [Бетлингк, 1990: 585; Пекарский, 1958–1959: 327–328; ЯРС, 1972: 58; ДСЯС, 1995: 46; БТСЯЯ, 2005: 153]. Большой толковый словарь якутского языка в качестве второго переносного в современном якутском языке дает значение ‘округлая низменность’ [БТСЯЯ, 2005: 153], а в говорах вилюйских якутов фиксирует значение ‘часть луга, вклинившаяся в лес в форме круглого плоского кувшина’ [ДСЯС, 1995: 46]. Близкое к этому значение приводит Багдарьин Сүлбэ, а именно ‘низменность, поле, луг округлой формы; место расширения луговины (когда принимает округлую форму) в травянистых речках’ [СТЛ, 2019: 61], которое автор соотносит с монгольским *бага* и бурятским *бага* со значением ‘малый, небольшой’ [Там же]. В [ЭСТЯ, 1978: 46] находим слово *бакыреч* со значением ‘медь, медный котел, ковш, кастрюля, ведро’, которое со ссылкой на М. Ряснену под вопросом соотносено с якутским *баҕарах*. В EDAL слово *baҕарах* в значении ‘кастрюля для кипячения молока’ представлено как фонетический вариант пратюркской основы *bakir* ‘1 медь 2 налет, патина’ [EDAL, 2003: 349]. Можно предположить, что в данном случае представлена «семантическая модель ‘материал → предмет из материала’, которая распространена в тюркских языках и часто реализуется при помощи прибавления к основе уменьшительных аффиксов» [ЭСТЯ, 1978: 277], т.е. в данном случае произошло семантическое развитие слова по модели ‘медь → сосуд из меди’. При этом, как отмечают тюркологи, хотя «значение ‘медь’ составляет основу всего семантического состава бакыр, ... большее распространение получило значение разных сосудов» [ЭСТЯ, 1978: 46], которое в якутских реалиях перешло в ‘сосуд, кувшин из глины’. Далее метафорический перенос по форме предмета лег в основу якутской ланд-

шафтной номинации ‘часть луга в форме сосуда’. Тот факт, что основное значение слова *базарах* также сводится к обозначению предмета, сближает его с тюркским *бакыреч*. Надо отметить, что представленные формы содержат уменьшительно-ласкательный аффикс: *-ах* (*базарах*), *-чак/-чах* (*базарчак*), *-ач/еч* (*бақыреч*) [Щербак, 1977:100–101], что также может подтвердить их семантическую связь.

Налыы – мелководье (большее, чем подразумеваемое под словом *чычаас* (мелкий) водное пространство на побережье озера, мелкое и поросшее травой [Пекарский, 1959: 1670]; низменное место, заливаемое водой, покосное угодье [БТСЯЯ, 2009: 539]; низменное, заливаемое водой место, сенокосное угодье; водное пространство на побережье озера, мелкое и поросшее травой [СТЛ, 2019: 168–169]. В EDAL приводится основа *nālV* со значением ‘земля, страна’, от которой произошли тюрк. **jalaj* ‘поле, степь’ и монг. **nala-* ‘широкий, обширный’, которая со ссылкой на Ст. Калужинского и Е. Стаховского соотносится с якутскими и долганскими *palaj-*, *nelej-* [EDAL, 2003: 962]. В якутском языке глагольная основа *налай-* имеет значение ‘тянуться, простираться (напр., о долине)’ [БТСЯЯ, 2009: 445], *нэлэй-* ‘широко открываться, раскидываться, простираться (о местности)’ [БТСЯЯ, 2009: 510]. В современном монгольском языке имеется основа *налуу* со значениями 1. отлогий, покатый, пологий; наклонный, косой; 2. наклон, скат; [БАМРС, 2001а: 271], имеющая отношение к ландшафтной лексике. Очевидно, что якутское *налыы* имеет монгольское происхождение, являясь либо производным от глагольной основы *налай-* либо усвоенно якутским в именной форме *налуу*, подвергшись гармонизации в соответствии с характером гласного первого слога.

Сыһыы – плоская поверхность, равнина; поле, луг [Бетлингк, 1990: 634]. Более поздние словари якутского языка добавляют значения ‘поле, нива, луг, поляна’ [Пекарский, 1958–1959: 2496; ЯРС, 1972: 363]. В говорах якутского языка данное слово постоянного диалектного эквивалента не имеет [Иванов, 2017: 182]. Как видно из материала БТСЯЯ, в современном якутском языке это слово понимается как ‘широкая равнина, луг, долина’ [БТСЯЯ, 2012: 495].

В тюркских языках, преимущественно в диалектах, параллель якутского *сыһыы* имеет широкое распространение в разных фонетических вариантах в широком диапазоне значений, базовым из которых можно считать ‘пространная равнина, степь’ [ЭСТЯ, 1989: 73]. Тюркологи отмечают присутствие слова *jazy* уже в древнетюркских памятниках в значении ‘степь, равнина’ [ДТС, 1969: 251] и считают его производным от глагола *jaz-* ‘расстилать, стелить’, образованным с помощью суффикса *-у* [ЭСТЯ, 1989: 73]. Эти же значения приводит Этимологический словарь алтайских языков: здесь зафиксирована пратюркская основа в значениях ‘1 плоский, 2 степь, плоская почва, 3 расстилать, расправлять складки’ [EDAL, 2003: 473].

Активное употребление слова *сыһыы* в современном якутском языке может свидетельствовать о том, что тюркоязычная этническая группа, прибывшая некогда на территорию Якутии и участвовавшая в формировании якутского этноса, обозначила данным словом географический объект, напомиравший степную зону, знакомую ей по месту прежнего обитания.

Таала – равнина или возвышение, удобное для отдыха, место для отдыха скота [Пекарский 1958–1959: 2533]; высокий гористый берег, гористая местность, возвышенность [ЯРС, 1972: 371]; долина, поле [Мурзаев, 1984: 556]; равнина с твердой сухой поверхностью [БТСЯЯ, 2013: 77].

Установлено, что в северо-восточных говорах якутского языка *таала* также имеет значения: крутой, осыпающийся берег, обрыв; солончак; горка, высокий лес. Предположительно последние два значения могли возникнуть под влиянием тунгусских диалектов [Иванов, 2017: 183].

В древнетюркском языке *tala* имеет значение ‘степь’ [ДТС, 1969: 528], а в монгольско-русском словаре в 4-х томах [БАМРС, 2001б: 181] и Бурятско-русском словаре [БРС, 1973: 411] *тал*, *тала* зафиксированы в значении ‘поле, степь, равнина, открытое пространство’. Можно утверждать, что в якутском *таала* переплелись значения слов тюркского и монгольского происхождения, что следует расценивать как результат древнего взаимовлияния этих языков.

Вместе с тем исследователи отмечают озвончение анлаута в слове *tala* в современных тюркских языках Средней Азии и кыпчакских [СИГ-

ТЯ, 2001: 99]. Кроме того, В.Л. Шулунова слова *тала* и *дала* ‘степь’ включила в список общих тюрко-монгольских географических терминов [Шулунова, 1995: 23]. Здесь следует добавить, что анлаутное *д* в якутских основах с варьированием *д/т* предположительно возникло «вследствие длительного контактирования якутского языка с монгольскими, вероятнее всего монгольско-тюркского двуязычия какой-то группы предков якутов или же якутизации монгольских племен на территории, ныне занимаемой якутами» [Дьячковский, 1977: 107].

EDAL в данной основе устанавливает монгольско-тунгусскую изоглоссу: отмечены пратунгусская основа со значениями: 1 далеко от берега, в открытом море 2 залив 3 гладкая поверхность моря 4 стихать (о ветре) и прамонгольская в значениях: 1 степь, открытое место 2 мирный, спокойный [EDAL, 2003: 1396].

Толоон – долина, широкое поле, луг. Эти значения зафиксированы во всех словарях якутского языка [Бетлингк, 1990: 549; Пекарский, 1958–1959: 2716; ЯРС, 1972: 388; БТСЯЯ, 2013: 434]. Э.К. Пекарский зафиксировал также диалектный вариант *талаан* со значением ‘поле’ [Пекарский, 1958–1959: 2535]. Такое вариативное употребление *толоон/талаан* дает основание С.А. Иванову предположить, что когда-то в якутском языке употреблялось слово *таала* в значении ‘степь’ [Иванов, 2017: 183]. Примечательно, что ни в ЭСТЯ, ни в ДТС, ни в СИГТЯ, ни в современных словарях тюркских языков слово, сколько-нибудь сходное с якутским *толоон*, не зафиксировано. В то же время современный монгольский язык обнаруживает слово *дөлөөн*, относящееся к разряду ландшафтной лексики со значением ‘высокий и ровный скат, спуск, отлогий скат’ [БАМРС, 2001а: 61]. Учитывая наличие в ряде говоров якутского языка варианта *долоон*, а также закономерного чередования *ө-о* и *т-д* в языке, можно допустить, что именно монгольское *дөлөөн* присутствует в якутском языке в форме *толоон* со значительным семантическим сдвигом ‘высокий и ровный скат → ровная поверхность на высоком месте’.

Кроме того, одним из свидетельств монгольского происхождения слова *толоон* может выступать его использование в современном языке в составе парного слова *сыһыы-толоон*, имеющего одно обобщенное значение ‘равнина, поле’.

Так как компонентами парных слов в якутском языке довольно часто выступают слова разного происхождения, типа *иһит-хомуос* с общим значением ‘посуда’, где *иһит* – якутское ‘посуда’, а *хомуос* – фонетизированное русское ‘ковш’ или *дьүһүн-бодо*, где *дьүһүн* монгольское ‘внешний вид, наружность’, а *бодо* тюркское ‘тело, туловище, стан, фигура’ и др., можно предположить, что в парном слове *сыһыы-толоон* представлены изначально тюркское *сыһыы* ‘поле, равнина’ и монгольское *толоон* ‘возвышенное место’.

Интересно отметить, что в некоторых диалектных зонах вместо *толоон* встречается также монголизм *элэһин*, который в отдельных говорах имеет значение ‘песок и песчаная без растительного покрова гора’ [Иванов, 2001: 85]. Для сравнения приведем бурятское «элсэн ‘песок’ калмыцкое, монгольское *элс*, *элсэн манхан* ‘дюна’, ‘бархан’. Нередки формы *элисун*, *элесун* [Мурзаев, 1984: 637].

Хонуу – поле, поляна, луг [ЯРС, 1972: 497; БТСЯЯ, 2016: 576–577]. В словарях О.Н. Бетлингк и Э.К. Пекарского уточняется местоположение *хонуу* как возвышенное [Бетлингк, 1990: 534; Пекарский, 1958–1959: 3482–3483]. При этом Э.К. Пекарский квалифицирует слово *хонуу* предположительно как отглагольное существительное со значением ‘ночевка, место ночевки’ – производное от глагола *хон-* ‘проводить ночь, ночевать, переночевать, остановиться на ночёвку’ [БТСЯЯ, 2016: 677]. При этом собственно глагольную основу *хон-* он соотносит с тюрко-монгольской глагольной основой *хон-*, *хону-* со значением ‘остановиться и переночевать’ [Пекарский, 1958–1959: 3478]. С.А. Иванов предполагает, что исходной основой якутского *хонуу* является тюркское *қонау* со значением ‘место отдыха, остановки’ [Иванов, 2017: 184]. Близкое значение ‘место пребывания, жительства; жилище’ находим также в основе древнетюркского слова *қонуи* [ДТС, 1969: 483]. Ст. Калужинский ставит знак равенства между якутским *хонуу* и приведенным древнетюркским словом *қонуи*, которое в свою очередь могло произойти от *қон-* со значением ‘опускаться, садиться, оседать, поселиться’. Данная глагольная основа сопоставляется с якутским *хон-* ‘ночевать’ и монгольским *қоно-* ‘провести ночь’ [Калужинский, 1978: 73]. Такое предположение дало основание С.А. Ива-

нову утверждать, что значение слова *хонуу* ‘поле, пастбище’ в современном якутском языке является результатом метафорического переноса от значения ‘место отдыха, ночевки’ [Иванов, 2017: 184], что находит подтверждение в [EDAL, 2003: 760]. Примечательно, что и в современном монгольском языке ХОНД II означает 1) ровная местность; 2) небольшое стойбище в ровных низменных местах [БАМРС, 2002: 105].

Хочо – долина, широкий луг, поле, поляна. Во всех привлеченных источниках при всем разнообразии значений присутствует значение ‘долина’ [Пекарский, 1958–1959: 3541; ЯРС, 1972: 504; БТСЯЯ, 2016: 634]. Большой толковый словарь якутского языка сравнивает его с древнетюркским *хол* [БТСЯЯ, 2016: 634], которое в ДТС приведено в значении ‘долина, вадь’ [ДТС, 1969: 453]. В современном монгольском языке *хошуу(н) III* определяется как 1) выступ, мыс, заостренная часть *чего-л.*; клин; б) мыс *хадан хошуу* каменный мыс [БАМРС, 2002: 123]. Близкое к этому значение зафиксировано в Этимологическом словаре алтайских языков, где приводится общеалтайская основа *kōše* со значением ‘кромка, выступ’: пратунгусская ‘излучина реки, мыс, угол’, прамонгольская ‘выступ, клюв’. В пратюркском ‘1 боковые части груди 2 козырек’, в прапюнском ‘берег, край’, в пракорейском ‘выступ, край крыши’ [EDAL: 726–727]. В данной же словарной статье со ссылкой на ССТМЯ отмечено, что имеется также маньчжурское *qо᠑о*, которое представляет собой сложный для объяснения случай и возможное заимствование из какого-то амурского языка [EDAL, 2003: 726]. Действительно, можно говорить о широком распространении этого слова в тунгусо-маньчжурских языках: эвенкийском, эвенском, негидальском, ульчском и других – в значении ‘излучина (реки)’ [ССТМЯ, 1975: 419–420].

Имеющийся материал дает основание предположить, что тунгусо-маньчжурское *кочо~қочо~чочу* по фонетическому составу близко к якутскому *хочо*, так как чередования *к~қ~х* и *о~у* представляются вполне закономерными. Из этого следует, что якутское *хочо* может рассматриваться как заимствование из тунгусо-маньчжурских языков.

IV. Обсуждение. Ландшафтная лексика, входящая в базовый лексический фонд тюркских

языков, отражена в словарях разной типологии, обсуждается в сравнительно-исторических исследованиях. Разнообразие в якутском языке ландшафтной лексики по ее происхождению – тюркская, монгольская, в редких случаях тунгусо-маньчжурская – интерпретируется так, что этнические группы, прибывавшие на территорию Якутии в разное время разными волнами, оставляли свои следы и в виде разноязычных обозначений сходных географических объектов. Со временем те или иные названия закреплялись за определенными видами ландшафта, приобретая свои отличительные семантические признаки. Многообразие лексических единиц со значением ‘поле, равнина, долина, широкое открытое место’ в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языках обусловлено наличием у каждой из них отдельного отличительного признака. Так, якутское *алаас* в первую очередь равнинный объект, но отличается от всех подобных объектов по способу формирования. Это термокарстовое образование, представляющее собой впадину или котловину, окаймленную холмами, поросшими лесом, имеющую посередине озеро, которое характерно лишь для территории центральной части Якутии. При этом *алаас* служит в качестве сенокосного угодья и места выпаса скота, тем самым играет важную роль в хозяйственной деятельности якутского народа.

Остальные объекты можно сгруппировать в зависимости от их расположения относительно поверхности земли или водоема как низменные или возвышенные, а также в зависимости от разности характера их растительного покрова. По свидетельству носителей языка, зафиксированных в источниках, на низменных местах в долине реки располагаются: *алыы* ‘долина’, *налыы* ‘низменность, ровное место в низине’, *хочо* ‘речная долина’. На некотором возвышении в сухом месте находятся *баҕарах* ‘небольшой луг, небольшая поляна’, *хонуу* ‘поле’, *сыһыы* ‘луг’, *таала* ‘равнина’, *толоон* ‘поляна’. *Алыы* определяется как непригодная для хозяйственной деятельности местность, поросшая кустарником. Для остальных объектов характерна травянистая растительность, что делает их пригодными для использования в качестве места выпаса скота и покосного угодья.

V. Заключение. Исследование в рамках статьи позволило установить следующее.

1. Якутский язык обладает значительным объемом лексики, характеризующей все особенности ландшафта местности.

2. Как показывает лексикографический анализ, с середины XIX в. в интерпретации ландшафтных объектов в якутском языке заметных изменений не произошло.

3. Сведения, полученные из диалектологических работ, а именно отсутствие эквивалентов рассматриваемых слов в говорах якутского языка, свидетельствуют об их распространении по всей территории Якутии.

4. Ландшафтная лексика равнинного рельефа представлена как исконно тюркскими, так и монгольскими, а также общими тюрко-монгольскими основами, связанными с обозначением обширных открытых пространств и свидетельствующими о том, что тюркоязычные и монгольские предки якутов традиционно проживали в степных широких открытых зонах, пригодных для ведения скотоводческой деятельности и до своего появления на современной территории проживания. На этом основании ландшафтная лексика может рассматриваться как дополнительный источник в разработке проблемы этнической истории народа саха-якутов.

Список литературы:

Антонов Н.К. Основные ландшафтные названия в якутском языке // Доклады на XIV научной сессии. Язык, литература и история. Якутск, 1966. С. 11–23.

Бетлингк О.Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука, 1990. 646 с.

Габышева Л.Л. Культурные коннотации ландшафтных терминов в якутском языке // Литера. 2019. № 6. С. 284–290.

Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. Ч. 2. Консонантизм. Якутск: Якутское книжное издательство, 1977. 256 с.

Дьячковский Ф.Н., Попова Н.И. Алаас как концепт якутской лингвокультуры // Урало-алтайские исследования. 2014. № 1 (12). С. 58–66.

Иванов Н.М. Монголизмы в топонимах якутского языка. Якутск, 2001. 204 с.

Иванов С.А. Лексические особенности говоров якутского языка. Новосибирск: Наука, 2017. 392 с.

Калужинский Ст. Этимологические исследования по якутскому языку. Двусложные основы (II) // Rocznik orientalistyczny. 1978. Т. 40. Z. 1. Pp. 71–82.

Рассадин В.И. Монголизмы в якутском языке // Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. С. 67–90.

Широбокова Н.Н. Отражение языковых контактов в лексике тюркских языков Сибири // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Выпуск 14. Новосибирск, 2014. С. 4–21.

Шулунова Л.В. Бурятская ономастика. АДД. Улан-Удэ, 1995. 30 с.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Имя. Ленинград, 1977. 176 с.

Stachovsky Marek. Dolganischer Wortschatz. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellorskiego, 1993. 264 p.

Словари:

БАМРС 2001a – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. Т.2: Д–О. М.: Academia, 2001. 485 с.

БАМРС 2001б – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. Т.3: О–Ф. М.: Academia, 2001. 437 с.

БАМРС 2002 – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. Т.4: Х–Я. М.: Academia, 2002. 501 с.

БРС 1973 – Бурятско-русский словарь. М.: Наука, 1973. 803 с.

БТСЯЯ 2004 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 1. Буква А. Новосибирск: Наука, 2004. 688 с.

БТСЯЯ 2005 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 2. Буква Б. Новосибирск: Наука, 2005. 912 с.

БТСЯЯ 2009 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 6. Буквы Л–Н. Новосибирск: Наука, 2009. 519 с.

БТСЯЯ 2012 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 9. Буква С (сөллөй-сээн, буква h). Новосибирск: Наука, 2012. 640 с.

БТСЯЯ 2013 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 10. Буква Т. Новосибирск: Наука, 2013. 584 с.

БТСЯЯ 2016 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 13. Буква Х. Новосибирск: Наука, 2016. 648 с.

ДСЯС 1995 – Воронкин М.С., Алексеев М.П., Васильев Ю.И. Диалектологический словарь языка саха (дополнительный том) // Саха түүлбэ тылын тылдыта (эбии том). Новосибирск: ВО «Наука», 1995. 294 с.

- ДСЯЯ 1976 – Афанасьев П.С., Воронкин М.С., Алексеев М.П. Дialeктологический словарь якутского языка. М.: Наука, 1976. 392 с.
- ДТС 1969 – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.
- Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 656 с.
- Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е издание. М., 1958–1959. 3858 стлб.
- СИГТЯ 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
- СИГТЯ 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М.: Наука, 2002. 767 с.
- СИГТЯ 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. 908 с.
- ССТМЯ 1975 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I. А-Н. Л.: Наука, 1975. 672 с.
- СТЛ 2019 – Багдарыын Сүлбэ. Словарь топонимной лексики Республики Саха. Местные географические термины и понятия. Якутск, 2019, 324 с.
- ЭСТЯ 1974 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.
- ЭСТЯ 1978 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 348 с.
- ЭСТЯ 1989 – Севортян Э.В., Левитская Л.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М.: Наука, 1989. 291 с.
- ЭСТЯ 2013 – Этимологический словарь тюркских языков. Т. 9 (дополнительный). Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков [Составитель А.В. Дыбо]. Астана: Prosper Print, 2013. 616 с.
- ЯРС 1972 – Якутско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1972. 608 с.
- EDAL 2003 – Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages (with the assistance of I. Gruntov and V. Glumov). Leiden, 2003. Pp. 1556.
- References:**
- Afanas'ev P.S., Voronkin M.S., Alekseev M.P. *Dialektologicheskij slovar' jakutskogo jazyka* [Dialectological dictionary of the Yakut language]. Moscow: Science Publ., 1976. 392 p. (In Yakut)
- Antonov N.K. *Osnovnye landshaftnye nazvaniya v jakutskom jazyke* [The main landscape names in the Yakut language]. *Doklady na XIV nauchnoj sessii. Jazyk, literatura i istorija* [Reports at the 15th scientific session. Language, literature and history]. Jakutsk, 1966. Pp. 11-23 (In Russian)
- Bagdaryyn Sylbje. *Slovar' toponimnoj leksiki Respubliki Saha. Mestnye geograficheskie terminy i ponjatija* [Dictionary of Toponym Vocabulary of the Sakha Republic. Local geographical terms and concepts]. Jakutsk, 2019. 324 p. (In Russian)
- Boehlingk O.N. *O jazyke jakutov* [On the language of the Yakut]. Novosibirsk: Science Publ., 1990. 646 p. (In Russian)
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'* [Great academic Mongolian-Russian dictionary]. Volume 2. Letters D-O. Moscow: Academia Publ., 2001. 485 p. (In Russian)
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'* [Great academic Mongolian-Russian dictionary]. Volume 3. Letters O-F. Moscow: Academia Publ., 2001. 437 p. (In Russian)
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'* [Great academic Mongolian-Russian dictionary]. Volume 4. Letters Kh-Y. Moscow: Academia Publ., 2002. 501 p. (In Russian)
- Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka* [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Volume 1. Letter A. Novosibirsk: Science Publ., 2004. 688 p. (In Yakut)
- Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka* [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Volume 2. Letter B. Novosibirsk: Science Publ., 2005. 912 p. (In Yakut)
- Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka* [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Volume 6. Letter L-N. Novosibirsk: Science Publ., 2009. 519 p. (In Yakut)
- Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka* [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Volume 9. Letters S-h (söllöj-sään, letter h). Novosibirsk: Science Publ., 2012. 640 p. (In Yakut)
- Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka* [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Volume 10. Letter T. Novosibirsk: Science Publ., 2013. 584 p. (In Yakut)
- Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka* [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Volume 13. Letter Kh. Novosibirsk: Science Publ., 2016. 648 p. (In Yakut)
- Burjatsko-russkij slovar'* [Buryat-Russian Dictionary]. Moscow: Science Publ., 1973. 803 p. (In Buryat)
- Gabyшева L.L. *Kul'turnye konnotacii landshaftnyh terminov v jakutskom jazyke* [Cultural connotations of landscape terms in the Yakut language]. *Litera*. 2019. № 6. Pp. 284-290. (In Russian)

D'jachkovskij F.N., Popova N.I. *Alaas kak koncept jakutskoj lingvokul'tury* [Alaas as a concept of Yakut linguoculture]. *Uralo-altajskie issledovanija* [Ural-Altaic studies], 2014. №1(12). Pp. 58-66 (In Russian)

D'jachkovskij N.D. *Zvukovoj stroj yakutskogo jazyka. Ch. 2. Konsonantizm* [The sound system of the Yakut language. Part 2. Consonantism]. Yakutsk: Yakutsk book Publ., 1977. 256 p. (In Russian)

Drevnetjurkskij slovar' [Old Turkic dictionary]. Leningrad: Science Publ., 1969. 677 p. (In Russian)

Ivanov N.M. *Mongolizmy v toponimah jakutskogo jazyka* [Mongolisms in Yakut toponymy]. Jakutsk, 2001. 204 p. (In Russian)

Ivanov S.A. *Leksicheskie osobennosti govorov jakutskogo jazyka* [Lexical characteristics of Yakut patois]. Novosibirsk: Science Publ., 2017. 392 p. (In Russian)

Jakutsko-russkij slovar' [Yakut-Russian dictionary]. Moscow: Soviet encyclopedia Publ., 1972. 608 p. (In Yakut)

Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov. Sostavitel' Dybo A.V. [Etymological dictionary of Turkic languages]. Volume 9 (additional). Astana: Prosper Print Publ., 2013. 616 p. (In Russian)

Kaluzhinskij St. *Jetimologicheskie issledovanija po jakutskomu jazyku. Dvuslozhnye osnovy (II)* [Etymological studies of the Yakut language. Disyllabic stems (II)]. *Rocznik orientalistyczny* [Orientalist Yearbook]. 1978. Volume 40. Z. 1. Pp. 71-82. (In Russian)

Murzaev Je.M. *Slovar' narodnyh geograficheskikh terminov* [Dictionary of folklore geographical terms]. Moscow: Thoughts Publ., 1984. 656 p. (In Russian)

Pekarskij Je.K. *Slovar' jakutskogo jazyka* [Dictionary of the Yakut language]. In 3 volumes, edition 2. Moscow, 1958-1959. 3858 stlb. (In Yakut)

Rassadin V.I. *Mongolizmy v jakutskom jazyke* [Mongolisms in Yakut]. *Mongolo-burjatskie zaimstvovanija v sibirskih tjurkskih jazykah*. Moscow: Science Publ., 1980. Pp. 67-90. (In Russian)

Sevortjan Je.V. *Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov. Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na bukvu «B»* [Etymological dictionary of Turkic language. Common Turkic and Inter-Turkic stems which end on the letter "B"]. Moscow: Science Publ., 1978. 348 p. (In Russian)

Sevortjan Je.V. *Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov. Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na glasnye* [Etymological dictionary of Turkic language. Common Turkic and Inter-Turkic stems which end on vowels]. Moscow: Science Publ., 1974. 768 p. (In Russian)

Sevortjan Je.V., Levitskaja L.V. *Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov. Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na bukvy «Ж», «Zh», «J»* [Etymological dictionary of Turkic language. Common Turkic and Inter-Turkic stems which end on the letters "D", "Zh", and "J"]. Moscow: Science Publ., 1989. 291 p. (In Russian)

Shherbak A.M. *Ocherki po sravnitel'noj morfologii tjurkskih jazykov: Imja* [Essays on the Comparative Morphology of Turkic Languages: Name]. Leningrad, 1977. 176 p. (In Russian)

Shirobokova N.N. *Otrazhenie jazykovykh kontaktov v leksike tjurkskih jazykov Sibiri* [Representation of language contacts in vocabulary of Turkic languages in Siberia]. *Jazyki i fol'klor korennyh narodov Sibiri* [Language and folklore of the indigenous peoples of Siberia]. Release 14. Novosibirsk, 2014. Pp. 4-21. (In Russian)

Shulunova L.V. *Burjatskaja onomastika* [Buryat onomastics]. Ulan-Udje, 1995. 30 p. (In Russian)

Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Leksika [Comparative historical grammar of Turkic languages]. Vocabulary, Edition 2. Moscow: Science Publ., 2001. 822 p. (In Russian)

Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Prattjurkskij jazyk-osnova. Kartina mira prattjurkskogo jetnosa po dannym jazyka [Comparative historical grammar of Turkic languages. Ur-Turkic base-language. Worldview of a proto-Turkic ethnos based on linguistic data]. Moscow: Science Publ., 2006. 908 p. (In Russian)

Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Regional'nye rekonstrukcii [Comparative historical grammar of Turkic languages. Regional reconstructions]. Moscow: Science Publ., 2002. 767 p. (In Russian)

Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih jazykov [Comparative dictionary of Tungusic languages]. Volume 1. Letters A – N. Leningrad: Science Publ., 1975. 672 p. (In Russian)

Stachovsky Marek. *Dolganischer Wortschatz* [Dolgan vocabulary]. Kraków: Nakladem Uniwersytetu Jagiellorskiego, 1993. 264 p. (In German)

Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*. With the assistance of I. Gruntov and V. Glumov. Leiden, 2003. 1556 Pp. (In English)

Voronkin M.S., Alekseev M.P., Vasil'ev YU.I. *Dialektologicheskij slovar' jazyka sakha (dopolnitel'nyj tom)* [Dialectological dictionary of the Sakha language (additional volume)]. Novosibirsk: VO "NaukA", 1995. 294 p. (In Yakut)

N.I. Danilova, N.I. Popova

Landscape Vocabulary in the Yakut Language

Scientific novelty. The article deals with landform vocabulary that characterizes geographical objects of both natural and anthropogenic origin, which is a part of the stable vocabulary of the Yakut language. Based on a number of dialectological, lexicographical, and toponymical sources 54 Yakut lexical units representing natural landforms have been identified. In addition, 17 lexical units indicating water landforms were found as well as 6 lexical units indicating landforms of anthropogenic origin.

The aim. For the first time, an attempt has been made to classify a certain group of lexemes representing the names of geographical features by thematic groups and subgroups. *Research methods.* The article is used the comparative-historical method and the lexicographical analysis.

Results. On a specific material reflecting the flat landform, namely the vocabulary of 8 units with a basic meaning 'open place, field, plain, valley', we found that each of them characterizes the area based on its upper or lower location relative to the ground surface or a water body or by its vegetation. The proposition has been confirmed that the landform vocabulary in the Yakut language is represented by both native Turkic and Mongolian as well as by the General Turkic-Mongolian stems associated with designation of vast open spaces suitable for cattle breeding. It indicates that various groups of nomadic cattle breeders that found themselves on the territory of Yakutia due to certain historical circumstances and inhabited it contributed to the palette of multilingual designations of similar geographical objects. This linguistic material can serve as an additional source for studying the problem of Yakut ethnic history.

Keywords: Yakut language, patois, landform vocabulary, semantics, thematic group, lexicographical, comparative-historical analysis, flat landform

М.Д. Чертыкова

DOI: 10.25693/SVGV.2021.37.4.008

УДК 811.512.153

Языковая интерпретация характера человека (на материале хакасского языка)

Научная новизна статьи определяется тем, что впервые в хакасском языкознании выявляются и описываются лексические средства, отражающие характер человека, в частности, лексемы, входящие в базовые полярные микрополя «трудолюбивый – ленивый», «весёлый – грустный», «добрый – злой».

Цель статьи – выявление и описание лексико-семантического своеобразия лексем, характеризующих человека, а также мотивационных моделей, лежащих в их основе. Для достижения данной цели решаются следующие задачи: 1) установить границы семантического поля «образ человека»; 2) выделить лексемы, описывающие характер человека, в системе определённых полярных моделей; 3) в ходе анализа определить семантические и сочетаемостные особенности данных лексем; 4) выявить семантико-когнитивное своеобразие изучаемых концептуальных структур.

Методы исследования. В исследовании использован семантико-когнитивный метод, который предполагает рассмотрение лексем во взаимосвязи их содержательных и концептуальных структур.

Результаты. В результате исследования установлено, что в семантике рассматриваемых лексем содержатся указания на определяемые контекстом признаки постоянства и временности человеческого характера. Некоторые прилагательные из микрополя «весёлый – грустный» не могут выступать в качестве лексем,

© Чертыкова М.Д., 2021

характеризующей субъекта, при этом сочетаются лишь с объектным именем с отвлеченным значением (*хомзыныстыг кӧг* 'грустная песня', *ӧрiнiстiг тылаас* 'радостная весть' и т.д.), но носителем выражаемой эмоций является субъект – человек.

В ходе анализа языкового материала выявлено, что для обозначения качеств характера человека, помимо прилагательных, используются и другие лексические средства: субстантивы, фразеологические единицы, эмоционально-экспрессивные слова, синтаксические описания и др., например, эмотивные наречия в сочетании с глаголом также создают фон характеристики человека с ориентацией на модель поведения.

Ключевые слова: хакасский язык, лексема, характеризующая человека, семантика, полярные значения, микрополе

I. Введение. Человек является субъектом и объектом исследовательского интереса одновременно в различных сферах науки: философии, психологии, литературоведении, лингвистике и др. В современной лингвистике вопросы антропоцентрической парадигмы получают активное развитие. Данный аспект исследований предполагает, что все многообразие объективной действительности, получившее выражение в языковой системе, связано с той или иной деятельностью человека. Человеческий фактор в языке подразумевает тесную связь языка с различными видами деятельности человека: с сознанием, памятью, эмоциями, поведением, восприятием, речью, действиями и т.д. В решении этих антропоцентрических вопросов в лингвистике, в частности, в русистике, основополагающими являются работы Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 2000], Ю.Д. Апресяна [Апресян, 1995], А. Вежбицкой [Вежбицкая, 2001] и др. В результате многочисленных обсуждений и попыток сгладить разногласия по определенным вопросам лингвисты признали, что антропоцентризм является опорным понятием в парадигме языка и мышления. В ходе исследования конкретных лексических группировок формируется их общая теория, но само понятие все еще не имеет однозначной трактовки. Также применение принципов когнитивистики способствует установлению связи между языковыми явлениями и «единицами» сознания, обусловленными способностью человеческого интеллекта к познанию. Рассмотрение языковых сущностей в когнитивной парадигме осуществляется также зарубежными учеными, что позволяет связать языковые сущности с принципами категоризации окружающего мира, принятыми человеческим сообществом, говорящим

на том или ином языке [Radden, 1988, Taylor 1989 и др.].

Тюркская лексика, описывающая человека, стала объектом специального исследования только в последние десятилетия. Лингвисты обращали на нее внимание с целью выявления лексических и структурно-морфологических особенностей [Рахимова, 2010, Добринина, 2012 и др.], лингвокультурного моделирования образа человека по данным языка [Афанасьева, 2019; Чертыкова, 2020а и др.]. В рамках понятия «языковой образ человека» рассматриваются лексемы, описывающие как внешние, так и внутренние характеристики человека. Тем самым лингвистическое описание образа человека проводится по разным аспектам. Языковое отображение физических, эмоциональных, ментальных, социальных и других параметров человека часто соотносится с категорией прилагательных. Как известно, в тюркских языках прилагательные в зависимости от контекста могут выражать как признаки предмета (и / или лица), так и действия и при этом, принимая соответствующие грамматические формы, могут приобретать значения другой части речи – существительного, наречия или глагола. Данный тезис рассмотрим на примере хакасской лексемы *чахсы* «'хороший; хорошо': *чахсы кiзi* 'хороший человек', *чахсы чорых* 'хорошая поездка', *чахсы тогынарга* 'хорошо работать'».

II. Материалы и методы. В статье анализируются лексические единицы трех базовых микрополей в хакасском языке, относящиеся к семантическому полю лексем, характеризующих человека. Это лексем с полярными оценочными значениями: а) трудолюбивый – ленивый, б) веселый – грустный, в) добрый – злой. В ходе исследования применялся семантико-когнитивный метод, который предполагает рассмотрение

лексем во взаимосвязи их содержательных и концептуальных структур. Как показал анализ фактического материала, для обозначения человеческих качеств характера помимо прилагательных используются и другие лексические средства – субстантивы, фразеологизмы, эмоционально-экспрессивные слова, синтаксические описания и др. Материал для исследования получен из лексикографических и текстовых источников хакасского языка: хакаско-русского словаря [ХРС, 2006], словаря синонимов хакасского языка [Кызласова, Чертыкова, 2014] и художественных произведений хакасских авторов. Методологической и теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов, посвященные интерпретации образа человека в разноструктурных языках [Апресян, 1995, Radden, 1988 и др.]

III. Результаты. Лексемы, характеризующие человека, образуют семантическое поле, внутри которого располагаются микрополя по принципу бинарных оппозиций в соответствии с положительными и отрицательными качествами человека, например: трудолюбивый – ленивый; радостный – печальный, добрый – злой; смелый – трусливый и т.д. Исходя из того, что в языковом сознании любого этноса хранится образ идеального человека, соответствующего всем морально-этическим нормам, лексемы, характеризующие человека, обладают субъективно-оценочным признаком. Тем самым все лексические средства для характеристики человека получают общую оценку «хороший» или «плохой». Соответствующие полярные лексемы *чахсы* ‘хороший’ / *хомай* ‘плохой’ также выражают обобщенную морально-этическую оценку характера человека:

Син ундуба, ол хомай даа полза, минің пабам [Кильчичаков, 1991: 81] – Ты не забывай, он, хоть и плохой, но он мой отец. *Чахсы хызычатар. Ооллары пар ба?* [Кильчичаков, 1991: 61] – Хорошие девушки, а женихи есть у них?

Выражения с обобщенным смыслом *чахсы кизи* ‘хороший человек’ и/или *хомай кизи* ‘плохой человек’ обозначают, что, по мнению наблюдателя, некий человек вобрал в себя все положительные и/или отрицательные человеческие качества.

Как известно, во всех языках большой процент лексем, раскрывающих образ человека,

приходится на прилагательные. В хакасском языке такие прилагательные по семантическим признакам мы разделили на два типа:

а) прилагательные, выражающие значение «врожденное и постоянное свойство характера человека».

Сіпер, чииттер, көп чахсы ниме итчезер, че угаа маңзыраахсар, көп суулапчазар [Татарова, 1991: 87] – Вы, молодые, делаете много добра, но вы очень уж быстрые (торопливые), много шумите. *Хомай кизи нимес, чоны даа чахсы, пазымныглар* [Кильчичаков, 1991: 182] – [Он] неплохой человек, и родственники хорошие, спокойные. *Чапчаң оол, ырах парар* [Татарова, 1991: 87] – Быстрый (энергичный) парень, далеко пойдёт.

Наиболее распространенным средством реализации признака «постоянное свойство характера» является сочетание прилагательного и имени.

Часто врожденность определенных черт характера человека конкретизируется лексемами *чир* или *төрөенінең* с общим значением ‘с рождения; вообще такой’. Примеры: *чир андаг* ‘вообще такой (от рождения, от природы)’; *чир хыйга* ‘от природы (рождения) умный’; *чир көйтик* ‘вообще (от природы, с рождения) хитрый’; *чир хылыхтыг* ‘вообще (от природы, с рождения) злой’; *чир тапсабас* ‘вообще (от природы) молчаливый’; *чир чүгүрик* ‘вообще (от природы, с рождения) быстрый, прыткий’; *чир салчых* ‘вообще (от природы, с рождения) скандальный, крикливый’ и т.д. Перечисленные сочетания в предложении без смыслового ущерба можно заменить субстантивированным причастием *төрөенінең* ‘букв. с рождения’, образованным от глагола в форме прошедшего времени *төрөөн* + аффикс притяжательности *-i-* + аффикс исходного падежа *-нең*. Однако в Хакаско-русском словаре лексема *төрөенінең* не представлена как самостоятельная лексическая единица [ХРС, 2006], мы считаем ее таковой, поскольку она сочетается с многочисленной категорией прилагательных, характеризующих человека: *төрөенінең тапсабас* ‘с рождения молчаливый’, *төрөенінең агырыг* ‘с рождения больной’, *төрөенінең чабал сагыстыг* ‘с рождения злой’, *төрөенінең сіліг* ‘с рождения красивый’, *төрөенінең сібілдей* ‘с рождения хилый’ и т.д. Тем самым лексемы *чир* и *төрөенінең* являются абсолютными синонимами:

Ол, *төрөөнінең (чир) чабал кізі, өріністіг хатхырыбысхан* [Чарых кўнниг чирим, 2007: 135] – Он, с рождения (от природы) злой человек, весело засмеялся.

Также встречается случай субстантивации имени, например: *хончы* «жалобщик; стукач» → *хончы кізі* ‘человек, любящий стучать; стукач’; *палыхчы* ‘рыбак’ → *палыхчы оолах* ‘мальчик, любящий рыбачить’; *сарынчы* ‘певец’ → *сарынчы кізі* ‘человек, любящий петь’ и т.д.

Миниң пабам, сарынчы кізі, сым одыр полбаан, сарнап салыбысхан – Мой отец, человек, любящий петь, не смог усидеть спокойно, запел. *Хара сагызын тосхырып алып, көгліг полган Сакис* [Чарых кўнниг чирим, 2007: 35] – Исполнив свою похоть (букв. черную задумку), он был весел;

б) прилагательные, выражающие значение «на фоне каких-либо внешних раздражителей ситуативное эмоциональное (морально-этическое) состояние субъекта». Данный семантический компонент характеристики человека выявляется исключительно из контекстной реализации качественных прилагательных или же других частеречных конкретизаторов.

Ол поэзын махтапчатхан чойырхостарга хынчатхан кізі – Он – человек, любящий подхалимов, которые угождают ему. *Сыннаң андаг полза, мин трутеньмін, нимее чарабаан кізібін* [Кильчичаков, 1991: 80] – Если это так, то я трутень, бестолковый человек. *Пабазы килгенде, оолагас чалахай полган* (Ах, 54) – Когда приехал отец, мальчик был веселым. *Тур-р, поэзрах айназы! – хаалха алындыа өкпеліг апсааның табызы истіл парган* [Чарых кўнниг чирим, 2007: 138] – Стой, рыжая чертовка! – послышался голос злого мужа перед воротами.

Отметим, что в ситуативных описаниях обычно эмоциональное (или морально-этическое) переживание (или состояние) субъекта имеет временный характер.

В отдельную категорию попадают эмоционально-экспрессивные слова, выражающие ругательства, брань. Как правило, в речевом употреблении такие выражения исполняются в субъективно-оценочном, эмоциональном или ироничном смысле. Такие слова представляют собой выражение личного мнения говорящим и идут в разрез с объективной реальностью.

Сірер чи, алыг айналар, Корамасты полицейох тін өөктеліс одыргазар ба? [Чарых

кўнниг чирим, 2007: 139] – А вы, тупые черти, возомнили, что Корамас тоже полицейай что ли? *Кем ікінчеленче алай хорыхча, сагамох пеер! Пу садынчах адайнаң хости турзын!* [Туран, 1981: 91] – Кто сомневается или боится, быстро сюда! Встаньте рядом с этой продажной собакой! – *Абдаке, синиң мында чызың чох ползын, сазы узун, сагызы хысха хат эйнелер!* [Туран, 1981: 67] – Абдаке, чтоб духу твоего здесь не было, длинноволосые, безмозглые бабы-черти!

Как утверждает А.Р. Рахимова, развитие лексикологии, характеризующей человека, связано с процессом формирования общества, например, можно заметить, что в памятниках древнетюркской письменности языковые средства, используемые для описания человеческих качеств, намного беднее по сравнению с лексикой более позднего периода. «В человеческом обществе в то время положительными качествами считались мудрость, меткость (в стрельбе из лука), сила, благородство и т.д.» [Рахимова, 2010: 86]. В более поздние эпохи появлялись слова с более точными суждениями о характере человека. А.Р. Рахимова из Древнетюркского словаря выделяет слова из текстов Турфанской коллекции, написанных уйгурским письмом (IX–X вв.), например, *asra* ‘смирный, покорный’, *azmiş* ‘рел. заблудший’, *bujanlig* ‘благочестивый’, *bu-jansiz* ‘лишённый добродетели’, *qaninçsiz* ‘ненасытный’ и т.д. [Рахимова, 2010: 86]. Таким образом, дальнейшее развитие общества характеризуется все более глубоким осознанием морально-этических ценностей, что отражается в соответствующем многообразии характеризующей человека антропоцентрической лексики.

В нашем исследовании среди разнообразия лексических обозначений многогранного человеческого характера для детального рассмотрения мы выделяем наиболее распространенные микрополя:

1. Лексемы с полярными оценочными значениями «трудолюбивый – ленивый». Во всех национальных культурах положительное или отрицательное отношение человека к труду является мерилом его значимости в обществе. М.А. Еремина, исследуя образы трудолюбивого и ленивого человека в русской языковой картине мира, приходит к такому выводу: «Совокупность представлений, эксплицируемых семантической организацией и мотивационными от-

ношениями единиц лексико-семантического поля «отношение человека к труду», структурируется в виде двух информационных блоков: первый – хранит «портреты» типичного лентяя и труженика, включающего «кадры» из их жизнедеятельности; второй – отражает комплекс ценностно-нормативных представлений носителя языка о самом труде [Еремина, 2014: 181]. Труд является основополагающим фактором поддержания жизни на земле и потому отношение человека к труду является актуальным с древнейших времен. В хакасском языке противопоставления образов трудолюбивого и ленивого человека представлены базовыми лексемами *сымдах* ‘трудолюбивый, работающий, прилежный, старательный, выносливый’ и *аргаас* ‘лень, лодырь, лентяй; ленивый’. Одним из основных источников языковой трансляции тематики труда являются поговорки, поэтому употребление лексем со значением «трудолюбивый» и «ленивый» мы показываем на примере пословиц и поговорок. Часто обозначения полярных характеристик – трудолюбивого и ленивого – человека отражаются в структуре одной пословицы, поскольку подача в сравнении поучительных смыслов трудолюбия и лени более эффективно воздействует на адресата:

Сымдах кизиң палалары астабинча, аргаас кизиң палалары астап одырча [Кобяков, 1982: 29] – Голодают дети ленивого, и нужды не знают у радивого.

В паремическом творчестве трудолюбивый человек и ленивый человек часто описываются под одним углом зрения в сходных аспектах, но получают контрастные характеристики, что свидетельствует о включенности данного признака в выработанную традиционным сознанием систему ценностей.

Аргаас ардатча, кўлўк азырапча [Кобяков, 1982: 31] – Ленивый портит, работающий – кормит.

Данная пословица по структуре и содержанию очень схожа с русской *труд кормит, а лень портит*. Кроме того, такие пословицы транслируют четкие границы между этими двумя полярными понятиями. Идею трудолюбия транслируют также прилагательные: *кўлўк* ‘трудолюбивый, работающий, ловкий, проворный’; *чимиг* ‘трудолюбивый, энергичный, деловой, активный, бойкий, резвый, проворный’ и

фразеологические единицы *тогысха кўс* ‘трудолюбивый; букв.: силен в работе’, *пызыг холлыг* ‘искусный, трудолюбивый; букв.: со зрелыми руками’ и др.

Онок, поэң даа пилчезиң, ол чазыг кизи нооза, сырай-сынга ла иптиг [Кильчичаков, 1991: 20] – Онок, ты и сам знаешь, он же непоротливый (вялый), только на рост и внешность красивый.

Часты случаи субстантивации прилагательных: *Прайзы аның хыйгазына паза чимигине чапсаан* [Костяков, 1989: 14] – Все восхищались его умом и трудолюбием.

Кроме базовой лексемы *аргаас* ‘лень, лодырь, лентяй; ленивый’ семантический признак «ленивый» выражается в семантике таких лексем, как

– чызыг II «перен. неповоротливый, медлительный, ленивый, лентяй’: *Чызыг кизилерге амды сидик* [Кобяков, 1982: 54] – Нынче трудно [живется] нерасторопным;

– чалты ‘лень; лентяй, лодырь; разгильдяй; ленивый’: *Андаг чалты поларга чарабас* – Нельзя быть таким лентяем;

– ынанмас ‘ленивый; лентяй, лодырь’: *Ынанмас ирдиң сидені талалых ла поладыр* [Алтын хыс, 1992: 54] – У ленивого мужика забор всегда бывает сломанным;

– эринчек / иринчек ‘ленивый; лодырь, лентяй’: *Иринчек кизее кўнниң поэрах* – Для лентяя всегда выходной. *Эринчекке кизилер дее хынминчалар* – Ленивая никто не любит;

– кўскинчек ‘ленивый, инертный’: *Ала саасхан аалдаң сых полбинча, Кўскинчек ибін арыглап полбинча* (погов.) – Сорока-белобока из деревни не может улететь, а лентяй в своём доме не может прибраться [Кызласова, Чертыкова, 2014: 29–30].

В основе содержания лексем со значениями «трудолюбивый – ленивый» лежит отношение к труду как одно из составляющих общественных отношений и базовых ценностей общества. Вследствие этого формируются традиционные субъективно-оценочные структуры положительного и отрицательного отношения к труду, соответственно и образы трудолюбивого / ленивого человека «в результате установления глубоких связей между результатами мыслительной деятельности этноса и элементами и свойствами соответствующей языковой системы» [Каксин, 2019: 185].

2. Лексемы с полярными оценочными значениями «весёлый – грустный». В толковых словарях для определения эмоции радости / веселья используются понятия «удовольствие» и «удовлетворение», или же отождествляются эти два понятия. Также между радостью и весельем имеется довольно много общего, однако очевиден тот факт, что «радость может быть спокойной и тихой, в то время как веселье – нет. Наряду с возбужденной радостью (радостью-восторгом, ликованием), существует радость спокойная (растроганная радость, радость-умиление) и напряженная радость, исполненная устремленности (радость страстной надежды и трепетного ожидания)» [Психология эмоций..., 1984: 87]. Думается, что эти понятия и в других языках обладают универсальной содержательной формой.

В Словаре синонимов хакасского языка синонимический ряд с общим значением «веселый» представлен такими лексемами: *кӱглиг* ‘веселый, радостный’; *ӱрчӱлиг* ‘радостный, жизнерадостный, веселый (о людях)’; *ӱрӱнистӱг* ‘радостный, веселый’; *ачых-чарых; чалахай* «дружелюбный, приветливый, ласковый»; *кӱрдӱс* ‘бодрый, жизнерадостный’ [Кызласова, Чертыкова, 2014: 51].

Эмоции *веселье / радость*, выражаемые прилагательными *ӱрчӱлиг* ‘радостный, жизнерадостный, веселый (о людях)’; *кӱглиг* ‘веселый, радостный’; *ӱрӱнистӱг* ‘радостный, веселый’ обозначают:

а) беззаботное, легкое, шутовское настроение субъекта: *ӱрчӱлиг хыс* – веселая девушка; *кӱглиг тогынчы* – веселый, жизнерадостный работник и т.д. *Кем прайзынаң кӱглиг? Матильда!* [Татарова, 1991: 81] – Кто веселее всех? Матильда!

б) в случае перехода в разряд наречий – протекание какого-либо действия, процесса. *Оолах нима-де ӱрчӱлиг сыбыхтаан* – Мальчик что-то радостно шептал. *Катя нӱӱн тогысха хайдадар чалахай килген* [Костяков, 1989: 54] – Катя сегодня пришла на работу очень веселая.

Семантика этих прилагательных маркирована временным фактором, т.е. в зависимости от контекстуальной реализации они могут выражать постоянство характера человека или же его ситуационное настроение. См. выше: а) прилагательные, выражающие значение «врожденное и постоянное свойство характера человека»; б) прилагательные, выражающие значение «на

фоне каких-либо внешних раздражителей ситуативное эмоциональное (морально-этическое) состояние субъекта».

Временный характер проявления эмоции радости лексем *ӱрчӱлиг* ‘радостный, жизнерадостный, веселый (о людях)’ и *ӱрӱнистӱг* ‘радостный, веселый’ в контексте обычно не соотносится с конкретизаторами постоянства типа *хачан даа (тӱремӱл)* ‘всегда (постоянно)’. Но можно сказать: *Керес, сӱрер хачан даа кӱглигзер, а харагыңар нога-да мӱңис* [Татарова, 1991: 72] – Керес, вы всегда веселый, но [ваши] глаза почему-то грустные. Обычно для ощущения радости / веселья (как и грусти и злости) бывает какой-либо стимул или причина. И задавая такой вопрос: *Нимее (нога) андаг ӱрӱнистӱгзиң (ӱрчӱлигзиң / кӱглигзиң)?* – Почему [ты] такой веселый? – спрашивающий обычно хочет узнать источник этой радости. Однако подобный вопрос неуместен в отношении лексем *ачых-чарых* и *чалахай* ‘дружелюбный, приветливый, ласковый’, поскольку они обозначают постоянное приветливое (радушное) настроение человека. *Ачых-чарых туганнар пӱсти чылыг удурланнар* – Радужные родственники нас встретили тепло. *Чалахай кӱзи, ол кӱр килзе, чарых кӱн сых килген осхас* [Татарова, 1991: 86] – Доброжелательный человек, когда он заходит в дом, кажется, что восходит солнышко. Лексема *ӱрӱнистӱг* ‘радостный, веселый’ исключает сочетание с именами, выражающими понятие человек. Но тем не менее косвенная передача эмоционального переживания или состояния субъекта обнаруживается в его сочетании с именами с отвлеченным значением: *ӱрӱнистӱг хабар* – радостная весть, *ӱрӱнистӱг кӱн* – радостный день, *ӱрӱнистӱг тогазыг* – радостная встреча и т.д.

В.Ю. Апресян дает такое определение понятия грусти: «Грусть – отрицательная эмоция, не связанная ни с плохим отношением к кому-либо, ни с самоосуждением, расположена примерно посередине. С одной стороны, выражение «грусти» в целом не говорит об экперिएнсере плохо; с другой стороны, «грусть», во-первых, иногда требует какого-то участия, хотя бы вербального, со стороны адресата, т.е. ее открытое выражение может восприниматься как нескромная просьба о сочувствии, во-вторых, «грусть» может восприниматься как «нытье», говорящее о слабости экперिएнсера (особенно открытое

выражение некоторых видов «грусти» – *уныния, тоски, депрессии*)» [Апресян, 2010: 52]. Семантический признак «грустный» в хакасских прилагательных актуализируется лексемами *тичеллиг* ‘печальный, грустный; печально, грустно’, *кӱӱ чох* ‘грустный, без настроения’ и др. В целом эмоциональные переживания, настроения и состояния человека выражаются различными средствами в зависимости от временных рамок: постоянства настроения или ситуативных реакций на внешние факторы. Как и в случае с прилагательными со значением *радости / веселья* в синтагматической совокупности семантический признак «грустный» может проявляться в сочетании:

– эмотивного прилагательного с именем (*чалахайкӱзӱ* – веселый, добродушный человек; *кӱӱгӱлгалалар* – веселые дети и т.д.).

Кӱӱ чох хызычах пулуңда ла одыр салча [Татарова, 1991: 21] – Девочка без настроения садится только в углу.

В семантике прилагательного в роли определяющего звена в отношении имени лица указывается длительность эмоционального переживания, а это значит постоянство признака эмоциональности, переходящее в категорию свойства и характера человека: как.: *тарыңчахоол* ‘злой парень’, *ӱрчӱлӱг пала* ‘веселый ребенок’, *хомзынчахиңчи* ‘обидчивая (грустная) женщина’ и т.д. По сути, конструкции «прилагательное + имя» представляют собой оценочные модели, где прилагательное выражает оценку, а имя есть оцениваемый объект;

– эмотивного наречия с глаголом (*кӱӱ чох килген* – пришёл без настроения; *ачых-чарых чӱрче* – ходит радостный и т.д.).

ӱчезӱ ойнирга чараттинчатханда, оолагас кӱӱ чох полган – Когда мама не разрешала играть, мальчик был без настроения.

К этой же категории лексем относятся *хомзыныстыг* ‘обидный, досадный; обидно, досадно; жалобный, печальный; жалобно, печально’, который может сочетаться лишь с именами с объектными существительными с конкретным или отвлеченным значением: *хомзыныстыг сӱс* – обидное слово; *хомзыныстыг кирек* – досадный случай; *хомзыныстыг ыр* – жалобная песня.

Олулуг ӱӱрхас, пӱстӱң тусха чидӱп, хоптанган чӱли, хомзыныстыг табыснаң хысхырыза, пӱр

хати ӱстӱбӱсче ибӱрӱп, аннаң ӱскер алдыра – пӱстӱң Чир – суубыссар – чӱрӱбӱскеннер [Чарых кӱннӱг чирӱм, 2007: 62] – Эта большая стая птиц, пролетая над нами, как будто жалуясь, издавая печальные звуки (букв. крича печальным голосом), сделала круг над нами, затем улетела на восток, в сторону нашей Родины.

Переживание грусти субъектом может раскрываться через сочетание с глаголом: *Иб ӱстӱн кӱрӱп алып, ол хомзыныстыг сарнап салыбысхан* [Алтын хыс, 1992: 18] – Посмотрев убранство дома, он печально запел.

Подобные лингвистические характеристики человека ориентированы на модель поведения человека. «Для того чтобы придать описанию образа человека динамический характер, необходимо совместить непроцессуальные характеристики, лежащие в основе языкового портретирования, и процессуальные, т.е. те, которые эксплицируют модели поведения человека, реализующиеся в процессе того или иного вида целенаправленной деятельности как феномена внеязыковой действительности» [Чернова, Калинина, 2010: 8].

С семантическим признаком «грустный» привативную связь обнаруживает и лексема *хомзынчах* ‘обидчивый; *хомзынчах кӱзӱ* – обидчивый человек; *угаа хомзынчах* – очень обидчивый; *хомзынчах поларга* – быть обидчивым’ [ХРС, 2006: 841]. В семантике обиды содержится оттенок грусти.

Катя, нога син андаг хомзынчахсың? – Катя, почему ты такая обидчивая (грустная)?

Также признак *грусть* в значении слова *хомзынчах* мотивирован его основой *ХОМЗЫН-* ‘1) печалиться; 2) обижаться’. Данная лексема синонимизируется с *тарыңчах* ‘1. 1) раздражительный, сердитый, вспыльчивый, обидчивый; *тарыңчах кӱзӱ* – сердитый человек; *тарыңчах чӱрерге* – ходить сердитым (надутым); 2) легко раздражающийся (быстро обижающийся) человек; *тарыңчах сӱстер* – сердитые слова; 2. Раздражительно, сердито, вспыльчиво, обидчиво; *тарыңчах чоохтанарга* – говорить раздражительно, сердито; \diamond *тарыңчагы тутча* [он] сердится (в приступе гнева); \square *тарыңчахнаң суг тазыпчалар* погов. *соотв. русск.* На сердитых воду возят’ [ХРС, 2006: 599]. О связи хакасской обиды с эмоцией злости написано в статье «Концепт *обида* в хакас-

ском языке как фрагмент эмоциональной картины мира» [Чертыкова, 2020б].

В поэтическом дискурсе встречаются также разные типы метафор для выражения яркости эмоций и чувств: *Миниң оолгычаама харах тастаба, миниң көңнүмө күскү агылба* [Паин Саа, 2013: 34] – Не кидай взгляды на моего любимого, не покрывай осенью мою душу.

3. Лексемы с полярными оценочными значениями «добрый – злой». Понятие доброты выражается не как эмоция, а как постоянное душевное состояние человека, его хорошее расположение ко всему окружающему. Базовыми словами, обозначающими доброго человека, являются: *паарсах* – добрый, ласковый, внимательный; *чугаанныг* – внимательный, приветливый, общительный, также фразеологизмы с компонентами-соматизмами *чүрек* ‘сердце’ и *паар* ‘печень’: *чагбан чүректіг* – добрый, с добрым сердцем; *чагбан паарлыг* – добрый, сердобольный, с доброй печенью; *нымзах чүректіг* – добрый; букв. с мягким сердцем; *нымзах паарлыг* – добрый; букв. с доброй печенью, *аллыг істіліг* – добрый; букв. с обширным животом. *Кланячагым, син худайзың, аллыг істіліг, кізее ачынчах* [Алтын хыс, 1992: 54] – [Моя] Кланечка, ты богиня, добрая, сострадательная.

Лексемы, описывающие доброго человека, лишены временной маркированности, поскольку они обозначают характер человека, но не его ситуационное настроение.

Эмоцию злости следует понимать как возбужденное переживание субъектом негативного и неприятного чувства, вызванного различными причинами. Микрополе антонимичных лексем с общим признаком «злой» представлена прилагательными: *хылыхтыг* – злой, сердитый, *тарынчах* – сердитый, обидчивый, легко раздражающийся; *сердито*, *обидчиво*, *раздражительно*. – *Чиит тее полза, угаа хылыхтыг пала полтыр, – сизиндирче хончых инейни Катрин өрекен* [Алтын хыс, 1992: 58] – Хоть и молодой, но очень злой парень, оказывается, – предупреждает соседку старушка Катрин.

Прилагательное *хазыр* ‘бурный, сильный’ в первоначальном значении используется в отношении природных объектов – *хазыр суг* – бурная, быстрая река; *хазыр чил* – сильный ветер, *хазыр соох* – сильный мороз, *хазыр наңмыр* – проливной сильный дождь. В сочетании с име-

нами, обозначающими живых существ, данная лексема приобретает переносное значение с признаком интенсификации «грозный, злой, разъяренный»: *хазыр апсах* – злой дед, *хазыр паба* – злой, строгий отец и т.д. Поскольку соматизм *өкпе* ‘лёгкие’ в хакасском языке ассоциируется со злостью, то образование прилагательных от данной основы объяснимо: *өкпе-лен-чик* – злой, вспыльчивый, сердитый, горячий; *өкпе-ліг* – сердитый, злой. *Ол туста султан чон алнына сых килген, угаа өкпеліг* – В этот момент султан вышел к толпе, сильно рассерженный.

IV. Обсуждение. В тюркских, а также в других разноструктурных языках лексемы, описывающие характер человека, относятся к той категории концептуальных слов-наименований, которые являются основным источником морально-нравственных, этических и этнокультурных представлений народа. Содержательная и понятийная структуры слов, характеризующих человека, представляют собой совокупность признаков морально-нравственной оценки, стереотипных образов «идеального человека», к которому через осуждение и одобрение стремится традиционное сознание народа. В этом плане, по свидетельству Е.Н. Афанасьевой, в якутском языковом сознании идеал совершенства или эталон человека обозначается лексемами *сиппит-хонпут киһи* «зрелый полноценный человек» и *киһи тэңэ* «равный человеку» [Афанасьева, 2019: 240]. В хакасском языке данное понятие передается словосочетанием *кізі поларга*, что является калькированным заимствованием с русского *быть человеком*. Тем самым семантика лексемы *кізі* «человек» возводится до совершенного человека, обладающего всеми добродетелями.

V. Заключение. Мы рассмотрели три базовых полярных микрополя лексем, характеризующих человека: трудолюбивый – ленивый, радостный – печальный, добрый – злой, которые как межкультурные семантико-когнитивные универсалии обеспечивают общие закономерности разноструктурных языков. В ходе анализа языкового материала мы пришли к следующим выводам:

– языковое описание образа человека находит свое отражение на всех уровнях языка. Прилагательные, находясь в синтагматических и содержательных отношениях с именами и глаго-

лами, представляют одно из основных семантико-когнитивных звеньев в данной концептуальной сфере;

– в основе полярных систем подобной оценочной лексики лежит соответствие / несоответствие морально-этическим нормам, принятым в человеческом обществе. Тем самым лексемы *чахсы* ‘хороший’ / *хомай* ‘плохой’ также выражают обобщенную оценку положительных / отрицательных качеств характера человека;

– репрезентация характеристик человека осуществляется прилагательными, в семантике которых при реализации доминирует один из двух дифференциальных признаков: «врожденное и постоянное свойство характера человека» и «на фоне каких-либо внешних раздражителей ситуативное эмоциональное (морально-этическое) состояние субъекта»;

– в качестве характеризующих человека слов, помимо эмоционально-оценочных прилагательных, выступают субстантивы, фразеологические единицы и эмоционально-экспрессивные слова, синтаксические описания и др. Эмотивные наречия в сочетании с глаголом также создают фон характеристики человека с ориентацией на модель поведения. В эту же категорию попадают эмотивные прилагательные, которые могут сочетаться лишь с объектным именем с отвлеченным значением (*хомзы-ныстыг көг* ‘грустная песня’, *өріністіг тылаас* ‘радостная весть’ и т.д.), поскольку носителем выражаемых ими эмоций является субъект – человек.

Список литературы:

Апресян В.Ю. Речевые стратегии выражения эмоций в русском языке // Русский язык в научном освещении. №2 (20). М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 26–57.

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1. С. 37–67.

Арутюнова Н.Д. О стыде и совести // Логический анализ языка. Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 54–79.

Афанасьева Е.Н. Вербализация образа человека в якутском языке // Сибирский филологический журнал. 2019. №2. С. 231–242.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов (Язык. Семиотика. Культура.

Малая серия) [Пер. с англ. А.Д. Шмелева]. М.: Языки славянской культуры. 2001. 288 с.

Добринина А.А. Прилагательные современного алтайского языка, обозначающие черты характера человека (в сопоставительном аспекте). Новосибирск, 2012. 214 с.

Еремина М.А. Лень и трудолюбие в зеркале русской языковой традиции: монография. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского государственного университета. 2014. 204 с.

Каксин А.Д. Когнитивные аспекты реконструкции образа человека труда (по данным хантыйского языка) // Sciencefor Education Today. 2019. Т. 9. №4. С. 182–196.

Психология эмоций. Тексты [Под редакцией В.К. Виллонаса, Ю.Б. Гиппенрейтер]. М., 1984. 288 с.

Рахимова А.Р. Лексические средства выражения общей положительной / отрицательной оценки человека в татарском и других тюркских языках // Учёные записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. №6. С. 85–94.

Чернова С.В., Калинина Л.В. Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема // Вестник ВятГУ. 2010. №2-2. С. 8–14.

Чертыкова М.Д. Концепт *обида* в хакасском языке как фрагмент эмоциональной картины мира // Сибирский филологический журнал. 2020б. №1. С. 216–228.

Чертыкова М.Д. Концептуализация внешнего образа женщины в хакасской лингвокультуре (по материалам художественных произведений) // Гуманитарные науки и образование. 2020а. Т. 11. № 3(43). С. 151–159.

Алтын хыс. Хакас ныхахтары (Хакасские сказки). Абакан: Хакасское книжное издательство. 1992. 77 с.

Кильчичаков М.Е. Пьесалар (Пьесы). Агбан: Хакас книга издательствозы, 1991. 195 с.

Кобяков В., Топанов А. Хызыл чазы. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства. 1982. 252 с.

Костяков И. Чибек хур. Роман. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства. 1989. 230 с.

Паин Саа. Таңма. Знак. Сборник стихов на хакасском языке. Абакан: Дом литераторов Хакасии. 2013. 96 с.

Татарова В. Аат табызы. Повесть. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1991. 176 с.

Туран М. Пай тирек. Повесть. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства. 1981. 236 с.

Чарых кунниг чирим. Солнечный мой край // Сборник художественных произведений хакасских

авторов [Составители А.Е. Султреков, Л.В. Челтыг-машева, Н.С. Майнагашева]. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2007. 348 с.

Radden G. The Concept of Motion. Schulze R., Hüller W. Understanding the Lexicon. Tübingen, 1988.

Taylor J. Linguistic Categorization. Oxford, 1989.

Словари:

Кызласова И.Л., Чертыкова М.Д. Словарь синонимов хакасского языка // Хакас тілінің синонимнер сөстiгi: Справочное издание. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2014. 228 с.

Хакасско-русский словарь – Хакас – орыс сөстiгi: около 22 тыс. слов [Авторы-составители: О.П. Анжиганова, Н.А. Баскаков, М.Д. Чертыкова и др. Под общей редакцией О.В. Субраковой]. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

References:

Afnas'eva E.N. Verbalizaciya obraza cheloveka v yakutskom yazyke [Verbalization of the image of a person in the Yakut language]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2019. №2. Pp. 231-242. (In Russian)

Altyn hys. *Hakasskieskazki* [Khakass fairy tales]. Abakan: Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. 1992. 77 p. (In Khakass)

Apresyan V. Yu. Rechevye strategii vyrazheniya emocij v russkomyazyke [Speech strategies for expressing emotions in Russian]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in scientific coverage]. №2 (20). Moscow: Languages of Slavic culture Publ., 2010. Pp. 26-57. (In Russian)

Apresyan Yu. D. Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya [The image of a person according to language data: an attempt at a systemic description]. *Voprosy yazykoznanija* [Linguistics issues]. 1995. №1. Pp. 37- 67. (In Russian)

Arutyunova N.D. O stydeisovesti [About shame and conscience]. *Logicheskij analiz yazyka. Yazykietiki* [Logical analysis of language. Languages of Ethics]. Moscow: Languages of Russian culture Publ., 2000. Pp. 54-79. (In Russian)

Charyh kynnig chirim. Solnechnyj moj kraj [My sunny land]. *Sbornik hudozhestvennyh proizvedenij hakasskih avtorov* [Collection of works of art by Khakass authors]. Compilers: A.E. Sultrekov, L.V. Cheltyg-masheva, N.S. Majnagasheva. Abakan: Khakass book Publ., 2007. 348 p. (In Khakass)

Chernova S.V., Kalinina L.V. Interpretaciya obraza cheloveka kak lingvisticheskaya problema [Interpretation

of the image of a person as a linguistic problem]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vyatka State University journal]. 2010. №2-2. Pp. 8-14. (In Russian)

Chertykova M.D. Koncept obida v hakasskom yazyke kak fragment emocional'noj kartiny mira [The concept of resentment in the Khakass language as a fragment of the emotional picture of the world]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2020. №1. Pp. 216–228. (In Russian)

Chertykova M.D. Konzeptualizaciya vneshnego obraza zhenshchiny v hakasskoj lingvokul'ture (po materialam hudozhestvennyh proizvedenij) [Conceptualization of the external image of a woman in the Khakass linguistic culture (based on materials of works of art)]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [Humanities and education]. 2020. Volume 11. № 3(43). Pp. 151-159. (In Russian)

Dobrinina A.A. *Prilagatel'nye sovremennogo altajskogo yazyka, oboznachayushchie cherty haraktera cheloveka* (v sopostavitel'nom aspekte) [Adjectives of the modern Altai language denoting human character traits (in a comparative aspect)]. Novosibirsk, 2012. 214 p. (In Russian)

Eryomina M.A. *Len' i trudolyubie v zerkale russkoj yazykovoj tradicii* [Laziness and hard work in the mirror of the Russian language tradition]. Monografiya. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University Publ., 2014. 204 p. (In Russian)

Hakassko-russkij slovar' – Hakas – orys söstigi [Khakass-Russian dictionary]. About 22 thousand words. Authors-compilers: O.P. Anzhiganova, N.A. Baskakov, M.I. Borgoyakov, A.I. Inkizhekova – Grekul, D.F. Patachakova, O.V. Subrakova, P.E. Beloglazov, Z.E. Kaskarakova, A.S. Kyzlasov, R.D. Sunchugashev, M.D. Chertykova. Pod obshchej redakciej O.V. Subrakovoj. Novosibirsk: Science Publ., 2006. 1114 p. (In Khakass and Russian)

Kaksin A.D. Kognitivnye aspekty rekonstrukcii obraza cheloveka truda (po dannym hantyjskogo yazyka) [Cognitive aspects of the reconstruction of the image of a working person (according to the Khanty language)]. *Science for Education Today*. 2019. Volume 9. №4. Pp. 182-196. (In Russian)

Kil'chichakov M.E. *P'esalar* [Plays]. Arban: Khakass book Publ., 1991. 195 p. (In Khakass)

Kobyakov V., Topanov A. *Hyzyl chazy* [Red field]. Abakan: Khakass branch of the Krasnoyarsk book Publ., 1982. 252 p. (In Khakass)

Kostyakov I. *Chibek hur* [Silk belt]. Roman. Abakan: Khakass branch of the Krasnoyarsk book, 1989. 230 p. (In Khakass)

Kyzlasova I.L., Chertykova M.D. *Slovar' sinonimov hakasskogo yazyka. Hakas tiliniñ sinonimner söstigi* [Dictionary of synonyms of the Khakass language].

- Reference edition. Abakan: Khakassik State University named after N.F. Katanova Publ., 2014. 228 p. (In Khakass and Russian)
- Pain Saa. *Таңма. Знак* [Sign]. Sbornik stihov na hakasskom yazyke. Abakan: House of Writers of Khakassia Publ., 2013. 96 p. (In Khakass)
- Psihologiya emocij* [Psychology of emotions]. Teksty. Edited by V.K. Vilyunasa, Yu.B. Gippenrejter. Moscow: Moscow State University Publ., 1984. 288 p. (In Russian)
- Radden G. *The Concept of Motion*. Schulze R., Hüller W. Understanding the Lexicon. Tübingen, 1988. (In English)
- Rahimova A.R. Leksicheskie sredstva vyrazheniya obshchej polozhitel'noj. Otricatel'noj ocenki cheloveka v tatarskom i drugih tyurkskih yazykah [Lexical means of expressing a general positive. Negative assessment of a person in Tatar and other Turkic languages]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* [Scientific notes of Kazan University]. Series: Humanities. 2010. №6. Pp. 85-94. (In Russian)
- Tatarova V. *Aat tabyzy* [Turpan's cry]. Povest'. Abakan: Khakass book publ., 1991. 176 p. (In Khakass)
- Taylor J. *Linguistic Categorization*. Oxford, 1989. (In English)
- Turan M. *Pajtirek* [Rich poplar]. Stories. Abakan: Khakass branch of the Krasnoyarsk book Publ., 1981. 236 p. (In Khakass)
- Vezhbickaya A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevyh slov. (Yazyk. Semiotika. Kul'tura. Malaya seriya)* [Understanding cultures through keywords. (Language. Semiotics. Culture. Small series)]. Translation from English A.D. Shmelyova. Moscow: Languages of Slavic culture Publ., 2001. 288 p. (In Russian)

M.D. Chertykova

Language Interpretation of a Person's Character (Based on the Khakass Language)

The scientific novelty of the article is determined by the fact that for the first time in Khakass linguistics, lexical means reflecting a person's character are identified and described, in particular, lexemes included in the basic polar microfields – “hardworking – lazy”; “cheerful – sad”; “kind – angry”.

The aim of the article is to identify and describe the lexical and semantic originality of lexemes that characterize a person, as well as the motivational models that underlie them. To achieve of this aim, the following *tasks* are being solved: 1) to establish the boundaries of the semantic field “human image”; 2) to highlight the lexemes describing the character of a person in the system of certain polar models; 3) in the course of the analysis, determine the semantic and combinability features of these lexemes; 4) to reveal the semantic and cognitive originality of the studied conceptual structures.

Research methods. The study used a semantic-cognitive method, which involves the consideration of lexemes in the relationship of their content and conceptual structures.

Results. As a result of the study, it was found that the semantics of the lexemes under consideration contain indications of the signs of the constancy and temporality of the human character determined by the context. Some of the adjectives from the microfield “cheerful – sad” cannot act as a lexeme characterizing the subject, while they are combined only with an object name with an abstract meaning (homzynystyg kög “sad song”, örinistig tylaas “good news”, etc.), but the bearer of the expressed emotions is the subject – the person. In the course of the analysis of the linguistic material, it was revealed that, in addition to adjectives, other lexical means are used to indicate the qualities of a person's character – substantives, phraseological units, emotionally expressive words, syntactic descriptions, etc., for example, emotive adverbs in combination with a verb also create a background characteristics of a person with a focus on the behavior model.

Keywords: Khakass Language, lexeme characterizing a person, semantics, polar meanings, microfield

Архаическая лексика в якутских народных преданиях

Научная новизна определяется тем, что в якутской филологии предпринята попытка систематизировать в наиболее полном объеме архаическую лексику, встречающуюся в якутских народных преданиях.

Целью статьи является выявление и классификация по лексико-семантическим группам архаической лексики, отраженной в якутских народных преданиях.

Методы исследования. Для осуществления поставленных цели и задач использованы описательный, аналитический методы, метод сплошной выборки архаизированных слов из якутских народных преданий, приемы контекстного анализа, сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты. Анализ текстов якутских народных преданий показывает, что в них содержится большое количество архаизированных слов, бытовавших в прошлом в источниках по материальной культуре якутов. Нами выделены следующие лексико-семантические группы: 1) слова-архаизмы, обозначающие старинную одежду и обувь; 2) слова-архаизмы, являющиеся терминами охоты и рыболовства; 3) слова-архаизмы, называющие посуду, кухонную утварь; 4) слова-архаизмы, имеющие значение «жилище и хозяйственные постройки»; 5) слова-архаизмы, обозначающие старинное оружие. В результате исследования определили, что наиболее многочисленную группу составляют архаизмы третьей группы. В составе слов-архаизмов обнаруживаются общетюркские, древнетюркские, собственно-якутские пласты, также заимствования из монгольского языка. Прослеживаются изменения, которые произошли в семантике слов *айа*, *кылыс*, *таналай*. В результате исследования установлено, что смысловая структура выделенных слов подверглась частичному сужению, а также существенному расширению семантического объема слов.

Ключевые слова: якутский язык, лексика, архаизмы, историзмы, народные предания, материальная культура

I. Введение. Изучение словарного состава языка является одной из важнейших проблем в языкознании. Особое место в словарном составе любого языка занимает архаическая лексика, появление которой обусловлено как внутренними, так и общественно-социальными, экстралингвистическими факторами. Многие слова выходят из употребления или заменяются другими, и, как следствие, их номинации переходят в разряд архаизмов и историзмов. Так, на сегодняшний день деактуализированными оказались многие объекты материальной культуры, в которых содержится ценнейшая информация об истории, быте и духовной культуре якутов.

Изучение архаичной лексики позволяет не только познакомиться с историей и бытом якутов, но и дает возможность подойти к решению важных общетеоретических вопросов и практических задач якутского языкознания, расширяет научные представления о происходящих лексических изменениях слов, влияющих на сло-

варный состав современных носителей якутского языка. Практическая значимость заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего исследования архаической лексики якутского языка. Полученные данные могут быть использованы на лекциях по лексикологии якутского языка, при создании учебно-методических пособий, учебников по якутскому языку и литературе.

Архаизированным словам в тюркологии посвящены труды А. Махмутова [Махмутов, 1963], Т.Б. Байжанова [Байжанов, 1973], Ю.И. Каракаева [Каракаев, 1999], Т.Х. Хайрутдиновой [Хайрутдинова, 2000], Г.Н. Багаутдиновой [Багаутдинова, 2001], Т.В. Лосевой-Бахтияровой [Лосева-Бахтиярова, 2005], Р.Б. Камаевой [Камаева, 2007], Р.Т. Сафарова [Сафаров, 2012], П.У. Асадалуевой [Асадалуева, 2013] и др.

В якутском языке вопросы архаизации затронуты в работах Л.Н. Харитоновой [Харитонов, 1947], Н.К. Антонова [Антонов, 1967], П.А. Слеп-

цова [Слепцов, 1990], П.С. Афанасьева [Афанасьев, 1996], И.Ю. Васильева [Васильев, 2008], Р.Н. Анисимова [Анисимов, 2017], А.М. Николаевой, Ю.А. Слепцовой [Николаева, Слепцова, 2019].

В современном языкознании существуют противоположные точки зрения на проблему, рассматриваемую в исследовании. Принято разделять устаревшую и устаревающую лексику на архаизмы и историзмы в зависимости от причин их перехода в пассивный запас. Одни исследователи относят к архаизмам все виды архаичной лексики: и устаревшие слова, и историзмы, и виды архаизмов [Булаховский, 1952; Ахманова, 1957; Белянская, 1978]. Но большинство считают, что необходимо разграничивать эти два понятия. Так, к архаизмам относятся слова и выражения, вышедшие из повседневного употребления, но обозначающие актуальные понятия и получившие другое наименование. К историзмам же относятся слова, обозначающие предметы, явления, понятия, которые ушли из обихода народа и стали достоянием истории [Фомина, 1983: 48; Голуб, 2004: 56].

Л.Н. Харитонов в грамматике «Современный якутский язык» [Харитонов, 1947] в разряде устаревшей лексики рассматривает только архаизмы, понимая под данным термином все виды архаичной лексики: и устаревшее слово вообще, и историзм, и разные виды архаизмов. Так, например, к архаизмам относятся такие слова, как *саадах* ‘чехол для лука и стрел’, *сандалы* ‘берестяной или деревянный стол без ножек или с короткими ножками’ и др. Автор отмечает, что большое количество архаизмов сохранилось в языке устного народного творчества (олонхо, песни, пословицы, загадки): «Произведения устного народного творчества с древнейших времен передаются от поколения к поколению, сохраняя с удивительной точностью свое первоначальное содержание и формы на протяжении столетий. Таким образом, в них удержалось много старинных слов, давно вышедших из употребления и часто совершенно непонятных для современного якута» [Харитонов, 1947: 31]. Также Л.Н. Харитонов справедливо отмечает, что невозможно точно определить тот момент, когда слово из малоупотребительного превращается в архаизм.

Точки зрения Л.Н. Харитонova придерживается и Н.К. Антонов. В его труде «Саха билинни тылын лексиката» архаизмы определяются как устаревшие слова, которые вышли из употребления по каким-либо причинам и стали пассивными. В зависимости от того, является ли устаревшим все слово или только его отдельное значение, архаизмы Н.К. Антонов делит на лексические (*бүтүннүү эргэрбит тыллар*) и семантические (*сорох суолталара эрэ эргэрбит тыллар*). Архаизмы в зависимости от степени устарелости автор делит на следующие группы: 1) слова, полностью исчезнувшие из языка; 2) слова, встречающиеся только в составе фразеологических оборотов или парных слов; 3) слова, встречающиеся только в диалектах; 4) слова, понятные большинству носителей языка, но использующиеся редко [Антонов, 1967: 50–54]. Автор также уточняет, что архаизированные слова не исчезают полностью из словарного состава языка, они продолжают функционировать в составе фразеологических оборотов или парных слов: *тыл-өс*, *өс хоһооно*, *харах-көс*, *аал уот*, *алаһа дьиз*, *суол-иис*, *үлэ-иис*, *хой баһын туой*, *ох тыл*, *саа-саадах* и т.д., а также в произведениях художественной литературы и диалектах.

Иной точки зрения по определению архаизмов придерживается П.С. Афанасьев. В работе «Саха билинни тыла. Лексикология» он определяет архаизмы термином *сүппүт тыллар* (букв. исчезнувшие слова), историзмы – *былыргыны бэлиэтиир тыллар* (букв. слова, обозначающие древность) [Афанасьев, 1996: 102]. Архаизмы, по мнению П.С. Афанасьева, это устаревшие слова, которые в современной речи заменены синонимами. Историзмы же представляют особую группу устаревших слов, у которых, в отличие от архаизмов, нет синонимов в современном языке. Он объясняет это тем, что устарели сами реалии, для которых данные слова служили наименованиями. Приводя примеры архаизмов и историзмов, автор указывает на то, что в связи с возрождением и развитием национальной культуры, изменением общественного сознания некоторые устаревшие слова могут снова перейти в активный словарный состав. Например, *улуус*, *арчы*, *арчылаа* [Там же: 111–113].

Более подробно архаизмы рассмотрены в монографии П.А. Слепцова «Якутский литератур-

ный язык: формирование и развитие общенациональных норм» [Слепцов, 1990]. В работе затрагиваются такие проблемы, как ускорение процесса архаизации некоторых лексико-семантических групп, архаизация бытовых слов и традиционной народной терминологии, архаизация изобразительной лексики. Архаизирующуюся лексику якутского языка П.А. Слепцов делит на следующие группы: 1) историзмы; 2) архаизирующиеся диалектизмы; 3) архаизирующиеся «бытовые слова» и традиционная народная терминология; 4) архаизирующиеся изобразительные слова [Слепцов, 1990: 137]. П.А. Слепцов отмечает, что различные инновации, происходящие в лексической системе языка, приводят к тому, что архаизации подвергаются целые лексико-семантические группы: термины родства и свойства; терминология домашнего (бытового) обихода (домашняя обстановка, посуда, утварь, одежда, пища, игры); терминология, связанная со скотоводством; названия, обозначающие различные заболевания, состояния организма, физиологические процессы; названия орудий труда, предметов кузнечного ремесла; термины охоты рыболовства; слова, относящиеся к животному миру; географические термины, названия явлений природы; ботанические названия [Слепцов, 1990: 140–144].

В настоящее время также проводятся исследования, посвященные архаизированным словам в якутском языке. Так, А.М. Николаевой, Ю.А. Слепцовой проанализированы устаревшие слова, выявленные в якутском историческом романе В.С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан» [Николаева, Слепцова, 2019]. Подвергнув анализу устаревшие слова, относящиеся к шаманизму, верованиям, материальной культуре, предметам быта якутов, авторы приходят к выводу, что большинство устаревших слов в романе относятся к теме религии и верованиям народа саха. Проанализированный материал также позволил сделать заключение о наличии большого количества монголизмов в романе.

Архаизмам в олонхо посвящена статья Р.Н. Анисимова. По мнению автора, наиболее продуктивным для решения проблемы генезиса олонхо является установление так называемых «темных мест», т.е. архаизмов и слов неизвестного происхождения путем сравнитель-

но-исторического анализа с языковым материалом памятников древнетюркской письменности и языком эпоса других родственных языков и сравнение собранного материала методом фоносемантического, лексико-семантического, сравнительно-исторического анализа [Анисимов, 2017: 45]. Р.Н. Анисимов предлагает использовать термин «архаизмы языка эпоса», куда должны быть отнесены как историзмы и семантические архаизмы, так и собственно-лексические, лексико-словообразовательные, лексико-фонетические, лексико-синтаксические архаизмы.

И.Ю. Васильевым подвержены классификации архаизмы, встречающиеся в работе Я.И. Линденау «Описание якутов» [Васильев, 2008]. Исследователь выявил в данной работе 158 архаизмов, включающих наименования небесных тел, фаз луны, месяцев, растительного мира, животного мира, названия пищевых продуктов, посуды, одежды, жилища и построек, оружия, верований и обрядов, а также анатомические термины, термины животноводства, общие термины. В работе Я.И. Линденау автор обнаружил также много диалектизмов и заимствованных слов.

В настоящей статье под архаической лексикой мы будем понимать слова, которые уже полностью устарели и поэтому непонятны современным носителям языка, а также слова, которые находятся на стадии устаревания, т.е. слова, еще не потерявшие своего значения в системе лексики современного литературного языка. Их значения понятны, однако они уже почти не употребляются. Следует отметить, что некоторые слова, входящие в активный словарный запас якутского языка, употребляясь в паре, составляют устаревшее словосочетание.

II. Материалы и методы. В ходе исследования были использованы следующие методы: аналитический метод, описательный метод классификации архаизированных слов по лексико-семантическим группам, метод сплошной выборки архаизированных слов из якутских народных преданий, приемы контекстного анализа, сравнительно-сопоставительный метод. Основными источниками для данной работы послужили сборники, содержащие в себе исторические предания.

III. Результаты. Якутские народные предания как повествовательные жанры фольклора наиболее полно отражают историю, быт, обычай народа. В них описываются события, личности, сыгравшие большую роль в судьбе народа. Изучение якутских преданий как уникального архаичного пласта народной культуры позволяет приблизиться к пониманию всей системы традиционного фольклора якутов. Особый интерес вызывает язык якутских преданий, богатый архаической лексикой.

Так, слова-архаизмы, выявленные в якутских народных преданиях, дают возможность классифицировать этот пласт лексики по следующим лексико-семантическим группам.

Слова-архаизмы, обозначающие старинную одежду и обувь: *тангалай* ‘старинная, праздничная верхняя женская одежда в виде шубы, кафтана или сарафана’, *сукуна сон* ‘суконное пальто’, *тыс үтүлүк* ‘рукавицы из камуса’, *муостаах бэрэгэнэ* ‘старинная шапка с рожками’, *саары этэрбэс* ‘ровдужная торбаса’, *сарыы тангалай* ‘ровдужное платье’.

Ону Тыгын ааттаһан тыс үтүлүгүн көхсүн амынньыар уотугар ититэн ылан саба баттатаалаан эмэрийэн онугар киллэттээн биэрэр. – Тогда Тыгын, утешая его и поглаживая его глаза подогретой на слабом огне спинкой рукавицы из камусов, вправил их на свое место [Предания..., 1995: 98]. *Ити кэмгэ хаппахчыга сыһыт Хачыкаат Уйбаан, ойобун хоонньуттан туран, саары этэрбэһин сыгынньах атабар анньыммыт.* – В то время лежащий в хаппахчы Хачыкаат Иван, встав из объятий жены, торбаса из саары на голые ноги поспешно натянул [Предания..., 1995: 168].

Слова-архаизмы, обозначающие термины охоты и рыболовства: *айа* ‘лук-самострел’, *быыра* ‘короткое копье’.

Ол кэннэ дөксө бу киһи — туу, сохсо, айа оноттоон балыгы, тыа булдун эгэлгэтин-арааһын бултаан киллэттиир, ажалтыыр киһи буолар. – Кроме того, он изготовил верши, самострелы и пасти, стал добывать лучших особей разных зверей и ловить рыб [Предания..., 1995: 50].

Слова-архаизмы, обозначающие посуду и кухонную утварь: *айах* ‘чашка’, *баай* ‘сосуд из бересты’, *атыйах* ‘сосуд из бересты, чаша для напитков’, *далбар чабычах* ‘берестяной жбан’,

кэриэн айах ‘чороон для торжественных празднеств’, *матаар иһит* ‘низкий деревянный кубок без ножек для напитков’, *сири иһит* ‘сосуд большого объема, изготовленный из выделанной особым способом бычьей кожи’, *тордуйа* ‘берестяной сосуд’, *ымыйа* ‘большой деревянный сосуд для кумыса’, *ыаҕас* ‘берестяное ведро’, *симиир* ‘кожаный сосуд для приготовления и хранения кумыса’, *уһаайах* ‘деревянный ковш-черпак’, *обурбах* ‘берестяной сосуд’, *олгуй* ‘большой котел’.

Кини бары сьлгы, ынах иһитин, тобус сири-нэн томторбулуу ойуулаах чороон иһити, матаар иһити, кэриэн айах иһити, сири иһити, далбар чабычаҕы, кыллаах-тангалайдаах ыаҕаһы, уһаат иһиттэри тигитэлээн, туоһунан, маһынан, тиришинэн оноттуур. – Она шьет и мастерит из бересты, кожи и дерева посуду для молочных продуктов: чороон с девятью кольцеобразными украшениями, деревянные кубки разных размеров для питья кумыса, кожаные и берестяные сосуды [Предания..., 1995: 66].

Слова-архаизмы, обозначающие жилище и хозяйственные постройки: *хаппахчы* ‘небольшая комнатка, спальня в юрте’, *холомо* ‘жилище с пирамидальным или конусообразным остовом из жердей, покрытых дерном, мхом’, *сомуоһуна* ‘строение типа сарая, находящееся в задней части двора, куда кладется сено, завозня’.

Онуоха уолаттар дьиз аанын аһааттарын кытта, ыы-дьаар сьт дьизэ саба охсубут уонна икки харах уота киирэн холултан сыһаһатыгар дьөлү инмит да, хаппахчы иһигэр дьахтар талыыта киирэн ынчыктаан бэтиэхтээбит, онтон дьахтар биирдэ кылана түһээтин кытта, кыһыл оҕо ытаан мэрилэ-эбитинэн барбыт. – И вот, как только парни открыли дверь, по дому сразу разнеслась очень острая неприятная вонь и появилось сияние двух глаз, которое пронзило насквозь край очага. Тут же внутри чулана для девушек застонала женщина, рожаящая ребенка, затем, как только она издала вопль, громко заревел новорожденный младенец [Предания..., 1995: 114].

Слова-архаизмы, обозначающие старинное оружие: *кураахтаах саа* ‘лук с изгибами’, *батас* ‘древнее воинское оружие, пальма’, *батыйа* ‘старинное боевое холодное оружие с короткой рукояткой’, *кылыс* ‘холодное оружие с односторонней заточкой’.

Ол гынан баран бокуойа суох куйабын кэ-тэн, кураахтаах саатын, батаһын ылан өлөссөрдүү тэрииммитин көрө олорон ийэтэ эмээхсин <...> уолун куйабын уһулан, саатын былдьаан ылар. – И сразу же стал надевать свой щит и лук, взял свою пальму, приготовился для битвы. Увидев это, мать <...>, быстро встав, отобрала у сына его щит и лук [Предания..., 1995: 82].

Анализ архаизированных слов, отраженных в якутских народных преданиях, показал, что некоторые архаизированные слова имеют параллели в других языках. Например, *айах* ‘большой кубок для кумыса’ – ср.: алт. *айак* ‘чашка, пиала’, монг. *аяга* ‘чаша’, каз. *аяк* ‘чаша, чашка’, кирг. *аяк* ‘чаша, чашка’, ног. *айак*, ‘пиала’, башк. *аяк* ‘большая чашка’. По мнению Э.В. Севортыяна, «древнейшей из приведенных форм является якутская, что объясняет также хакасскую (и>й, иначе следовало бы ожидать азах). Из нее должна была развиваться зарегистрированная в старейших памятниках форма айак» [Севортыян, 1974: 105]; *ох* ‘стрела’ – ср: тур., башк., кум., каз., хак. *ок* ‘стрела’, алт., тув. *ок* ‘пуля’, кирг. *ук* ‘стрела’; *алгый/олгуй* ‘большой котел’ – ср.: алт. *алгый* ‘котелок’, тув. *алгый* ‘котелок, небольшая плоская чаша’, монг. *алхуй* ‘котел’. С. Калужинский считает, что як. *алкый-, аккый- оккуй-* производит из монг. *алху-* «шагать, перешагивать, ступать», орд. *алху-* «перешагивать, шагать, ступать и т. д», а также сравнивает с др.-тюрк. аш-«перешагивать» [Калужинский, 1961: 62]. С.А. Иванов отмечает, что монг. *алху-* вполне может дать в якутском языке два варианта *алкый – олкуй-, аккый – оккуй-*. [Иванов, 1980: 31]. Огубленный вариант *олгуй* встречается в некоторых говорах восточного наречия эвенкийского языка со значением «большой медный котел» [Иванов, 1980: 125]; *хаппахчы* ‘чулан’ – ср. др.-тюрк. *хапабчы* ‘привратник, стражник, стоящий у ворот’, тат. *капкач* ‘дверца’, бур. *халхабша* ‘ширма’; *айа* – тюрк. *айа* ‘самострел’; *кылыс* – ср. др.-тюрк. *кылыч* ‘однолезвийный меч, палаш’, тюрк. ‘сабля’.

Далее рассмотрим семантику некоторых слов-архаизмов, выявленных в якутских народных преданиях. В процессе исторического развития утрачиваются старые значения или приобретаются новые. Анализ изменений семантического объема данных слов по материа-

лам «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского и современного «Большого толкового словаря якутского языка» под редакцией П.А. Слепцова выявил, что значение некоторых рассмотренных слов подверглось изменениям – сужению и расширению семантического объема слова. Например, слово *айа* в «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского имеет значение: 1) самострел (настороженный лук и стрела) для бою зверей; 2) стрела [Пекарский, 1959: 43]. При сравнении семантического объема данного слова с его семантическим объемом, представленным в «Большом толковом словаре якутского языка» под редакцией П.А. Слепцова, находим, что слово *айа* утратило второе значение и приобрело дополнительное значение ‘ловушка, западня; обман, хитрая уловка’ [БТСЯЯ, 2004: 299]. Дополнительное значение приобрело также слово *тангалай*. В словаре Э.К. Пекарского данная лексема имеет значение ‘старинная почетная женская одежда, длинная вроде сарафанов, с разными вышивками и узорами; верхняя одежда из оленьей или лосиной кожи с короткими, не доходящими до локтей рукавами’ [Пекарский, 1959: 2549]. В современном якутском языке данное слово используется также в значении ‘ступенчатый вид чего-л. (напр., снежного покрова, горы)’ [БТСЯЯ, 2014: 201]. Утратило некоторые значения и приобрело дополнительные слово *кылыс*. По Э.К. Пекарскому *кылыс* – 1. старинный нож; 2. тонкая режущая руки тетива; 3. особый род травы, похожей на баға батаһа (горечавка) и режущей руки от неосторожного прикосновения; осока [Пекарский, 1959: 1389]. В «Большом толковом словаре якутского языка» отмечаются следующие основные значения слова *кылыс*: 1. старинное якутское холодное оружие с односторонней заточкой, похожее на нож, но большее по размеру, разновидность палаша; 2. физически развитый, сильный, ловкий; 3. острый, остроумный (*о слове*) 4. резкий, пронзительный (*обычно о ветре*). *Кылыс* II – ость [БТСЯЯ, 2008: 251]. Как видим, данное слово приобрело дополнительные метафорические значения.

IV. Обсуждение. Исследование архаизированной лексики в наше время вновь становится актуальным и распространяется на многие языки народов России. В якутском языке архаическая

Сравнение семантического объема слов *айа*, *тангалай*, *кылыс*

Значение слова в «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского	Значение слова в «Большом толковом словаре якутского языка»
<i>айа</i>	
1. самострел (настороженный лук и стрела) для бою зверей	сохранено
2. стрела	утрачено
	ловушка, западня; обман, хитрая уловка
<i>тангалай</i>	
1. старинная почетная женская одежда, длинная вроде сарафанов, с разными вышивками и узорами; верхняя одежда из оленьей или лосиной кожи с короткими, не доходящими до локтей рукавами	сохранено
	ступенчатый вид чего-л. (напр., снежного покрова, горы).
<i>кылыс</i>	
1. старинный нож	сохранено
2. тонкая режущая руки тетива	утрачено
3. особый род травы, похожей на баҕа батаһа (горечавка) и режущей руки от неосторожного прикосновения; осока	сохранено
	физически развитый, сильный, ловкий
	острый, остроумный
	резкий, пронзительный

лексика изучена мало, потому намечается перспектива ее дальнейшего углубленного исследования на материале различных источников, таких как исторические и фольклорные материалы, олонхо, произведения классиков якутской литературы и др. Это даст важный вклад в изучение богатого языкового материала для сохранения и развития культуры народа.

V. Заключение. Исследование слов-архаизмов в якутских народных преданиях показало, что в составе архаичной лексики обнаруживаются общетюркские, древнетюркские, собственно-якутские пласты, также заимствования из монгольского языка, это можно связать с историей народа. Выявленные слова-архаизмы дали возможность классифицировать их по пяти лексико-семантическим группам: старинная одежда; посуда и кухонная утварь; слова, применяемые в охоте и рыболовстве; жилище и хозяйственные постройки; старинное оружие. Наиболее многочисленными можно считать слова-архаизмы, обозначающие посуду и кухонную утварь. Также семантический

анализ слов-архаизмов *айа*, *тангалай*, *кылыс* показал, что значение рассмотренных слов подверглось сужению (утрате некоторых значений) и расширению семантического объема слова (приобретению дополнительных, в основном метафорических значений). Таким образом, современный якутский язык имеет богатый пассивный словарный запас, в котором хранятся слова материальной и духовной культуры якутов. Перспективы дальнейшего изучения устаревшей лексики якутского языка могут быть связаны с исследованием стилистических функций архаизмов и историзмов в произведениях фольклора, художественной литературы, со сравнительным изучением с другими тюркскими и монгольскими языками.

Сокращения:

алт. – алтайский язык; башк. – башкирский язык; бур. – бурятский язык; др.-тюрк. – древнетюркский язык; каз. – казахский язык; кирг. – киргизский язык; кум. – кумыкский язык; монг. – монгольский язык;

ног. – ногайский язык; орд. – ордосский язык; тат. – татарский язык; тув. – тувинский язык; тур. – турецкий язык; туркм. – туркменский язык; тюрк. – тюркские языки; уйг. – уйгурский язык; хак. – хакасский язык; якут. – якутский язык.

Список литературы:

Анисимов Р.Н. Архаизмы в олонхо (к постановке проблемы генезиса якутского эпоса) // Эпическое наследие народов Якутии: традиции и современность: материалы научно-практической конференции. 2017. С. 45–48.

Асадалуева П.У. Устаревшая лексика кумыского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2013. 244 с.

Афанасьев П.С. Современный якутский язык. Лексикология. Якутск: Издательство ЯГУ, 1996. 191 с.

Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957. 335 с.

Багаутдинова Г.Н. Традиционная военная лексика башкирского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2001. 20 с.

Байжанов Т.Б. Военная лексика в казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1973. 26 с.

Белянская З.Ф. Устаревшая лексика современного русского языка (историзмы). Л., 1978. 231 с.

Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Киев, 1952. Т. 1. 446 с.

Васильев И.Ю. Архаизмы в работе Я.И. Линденау «Описание якутов» // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 74-1. С. 103–106.

Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис Пресс, 2004. 442 с.

Иванов С.А. Аканье и оканье в говорах якутского языка. Якутск, 1980. 184 с.

Калужинский С. Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке (Предварительные замечания на основе материалов «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского) // Труды института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР. Якутск, 1961. Выпуск 3(8). С. 5–21.

Камаева Р.Б. Устаревшая лексика в татарских исторических романах и особенности перевода ее на русский язык: Дис. ... канд. филол. наук. Елабуга, 2007. 157 с.

Каракаев Ю.И. Устаревшая лексика ногайского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1999. 166 с.

Лосева-Бахтиярова Т.В. Военная лексика тюркских языков: Названия вооружения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 32 с.

Махмутов А. Архаизмы и историзмы в казахском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1963. 20 с.

Николаева А.М., Слепцова Ю.А. Устаревшие слова в якутском историческом романе В.С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан» // Мир науки, культуры, образования, 2019. № 1(74). С. 393–395.

Предания, легенды и мифы саха (якутов) [Составители Н.А. Алексеев, Н.В. Емельянов, В.Т. Петров]. Новосибирск: Наука, 1995. 400 с.

Сафаров Р.Т. Военная лексика в татарском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 30 с.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных норм. Новосибирск, 1990. 288 с.

Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. М., 1983. 227 с.

Хайрутдинова Т.Х. Бытовая лексика татарского языка. Казань: Фикер, 2000. 128 с.

Харитонов Л.Н. Современный якутский язык: фонетика и морфология. Якутск, 1947. Ч.1. 320 с.

Антонов Н.К. Саха билинни тылын лексиката. Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ издательствота, 1967. 102 с.

Словари:

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка [Под ред. П.А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2004. Т. I: А. 688 с.

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка [Под ред. П.А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2008. Т. 5: К: 616 с.

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка [Под ред. П.А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2014. Т. 11: Т: 584 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. 2-е изд. Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. 1. 1278 стлб.; Т. 2. 2010 стлб.; Т. 3. 3858 стлб.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.

Reference:

Anisimov R.N. Arkhaizmy v olonkho (k postanovke k probleme genезisa yakutского eposa) [Archaisms in olonkho (to the presentation of the problem of the genesis of the Yakut epic)]. *Epicheskoe nasledie narodov Yakutii: traditsii i sovremennost': materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Epic heritage of the peoples of Yakutia: traditions and modernity: materials of the scientific-practical conference]. 2017. Pp. 45–48. (In Russian)

- Antonov N.K. *Sakha biliriiri tylyn leksikata* [Vocabulary of the modern Yakut language]. Yakutskay, 1967. 102 p. (In Yakut)
- Asadalueva P.U. *Ustarevshaya leksika kumyskogo yazyka: Dis. ... kand. filol. nauk* [Outdated vocabulary of the Kумы language: dis. ... cand. philol. sciences]. Makhachkala, 2013. 244 p. (In Russian)
- Afanas'ev P.S. *Sovremennyy yakutskiy yazyk. Leksikologiya* [Modern Yakut language. Lexicology]. Yakutsk: Izdatel'stvo YaGU, 1996. 191 p. (In Russian)
- Akhmanova O.S. *Ocherki po obshchey i russkoy leksikologii* [Essays on general and Russian lexicology]. Moscow: Graduate School Publ., 1957. 335 p. (In Russian)
- Bagautdinova G.N. *Traditsionnaya voennaya leksika bashkirskogo yazyka: avtoref. Dis. ... kand. filol. nauk* [Traditional military vocabulary of the Bashkir language: author. dis. ... cand. philol. sciences]. Ufa, 2001. 20 p. (In Russian)
- Bayzhanov T.B. *Voennaya leksika v kazakhskom yazyke: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Military vocabulary in the Kazakh language: author. Dis. ... cand. philol. sciences]. Alma-Ata, 1973. 26 p. (In Russian)
- Belyanskaya Z.F. *Ustarevshaya leksika sovremennogo russkogo yazyka (istorizmy)* [Outdated vocabulary of the modern Russian language (historicism)]. Leningrad: Science Publ., 1978. 231 p. (In Russian)
- Bulakhovskiy L.A. *Kurs russkogo literaturnogo yazyka* [Russian literary language course]. Kiev, 1952. 446 p. (In Russian)
- Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka* [The Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language. Edited by P.A. Sleptsov]. Novosibirsk: Science Publ., 2004. T. I: A. 688 p. (In Russian)
- Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka* [The Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language. Edited by P.A. Sleptsov]. Novosibirsk: Science Publ., 2008. T. 5: K: 624 p. (In Russian)
- Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka* [The Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language. Edited by P.A. Sleptsov]. Novosibirsk: Science Publ., 2014. T. 11: T: 584 p. (In Russian)
- Vasil'ev I.Yu. *Arkhaizmy v rabote Ya.I. Lindenau "Opisanie yakutov"* [Archaisms in the work of Ya. I. Lindenau "Description of the Yakuts"]. *Izvestiya rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Bulletin of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen]. 2008. № 74-1. Pp. 103-106. (In Russian)
- Golub I. B. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow: Ayriss Press Publ., 2004. 442 p. (In Russian)
- Ivanov S.A. *Akan'e i okan'e v govorah jakutskogo yazyka* [Akanye and okan'e in the dialects of the Yakut language]. Yakutsk: Book Publ., 1980. 184 p. (In Russian)
- Kaluzhinskij S. *Nekotorye voprosy mongol'skikh zaimstvovaniy v jakutskom jazyke* [Some questions of Mongolian loanwords in the Yakut language]. (Predvaritel'nye zamechanija na osnove materialov «Slovarja jakutskogo jazyka» Je.K. Pekarskogo). *Trudy instituta jazyka, literatury i istorii JaF SO AN SSSR* [Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Nuclear Branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences]. Issue 3 (8). Yakutsk: Book Publ., 1961. Pp. 5-21. (In Russian)
- Kamaeva R.B. *Ustarevshaya leksika v tatarskikh istoricheskikh romanakh i osobennosti perevoda ee na russkiy yazyk: Dis. ... kand. filol. nauk* [Obsolete vocabulary in Tatar historical novels and features of its translation into Russian: dis. ... cand. philol. sciences]. Elabuga, 2007. 157 p. (In Russian)
- Karakaev Yu.I. *Ustarevshaya leksika nogayskogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk* [Obsolete vocabulary of the Nogai language: Dis. ... cand. philol. sciences]. Kazan, 1999. 166 p. (In Russian)
- Loseva-Bakhtiyarova T.V. *Voennaya leksika tyurkskikh yazykov: Nazvaniya vooruzheniya: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Military vocabulary of the Turkic languages: Names of weapons: author. dis. ... cand. philol. sciences]. Moscow, 2005. 32 p. (In Russian)
- Makhmutov A. *Arkhaizmy i istorizmy v kazakhskom yazyke: avtoref. dis... kand. filol. nauk* [Archaisms and historicisms in the Kazakh language: author. dis ... cand. philol. sciences]. Alma-Ata, 1963. 20 p. (In Russian)
- Nikolaeva A.M., Sleptsova Yu.A. *Ustarveshie slova v yakutskom istoricheskom romane V.S. Yakovleva-Dalana "Tygyn Darkhan"* [Obsolete words in the Yakut historical novel by V.S. Yakovlev-Dalan "Tygyn Darkhan"]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education]. 2019. № 1(74). Pp. 393-395. (In Russian)
- Pekarskiy Je.K. *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language]. Edition 2. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1959. T. 1. 1278 stlb.; T. 2. 2010 stlb.; T. 3. 3858 stlb. (In Russian)
- Predaniya, legendy i mify sakha (yakutov)* [Traditions, legends and myths of the Sakha (Yakuts)]. Compiled by N.A. Alekseev, N.V. Emel'yanov, V.T. Petrov. Novosibirsk: Nauka Publ., 1995. 400 p. (In Russian)
- Safarov R.T. *Voennaya leksika v tatarskom yazyke: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Military vocabulary in the Tatar language: author. dis. ... cand. philol. sciences]. Kazan', 2012. 30 p. (In Russian)
- Sevortyan E.V. *Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye*. M.: Nauka Publ., 1974. 768 p. (In Russian)
- Sleptsov P.A. *Yakutskiy literaturnyy yazyk: formirovanie i razvitie obshchenatsional'nykh norm* [Yakut literary language: formation and development of

national norms]. Novosibirsk: Science Publ., 1990. 288 p. (In Russian)

Khayrutdinova T.Kh. *Bytovaya leksika tatarskogo yazyka* [Household vocabulary of the Tatar language]. Kazan': Fiker Publ., 2000. 128 p. (In Russian)

Kharitonov L.N. *Sovremennyy yakutskiy yazyk: fonetika i morfologiya* [Modern Yakut language: phonetics and morphology]. Part 1. Yakutsk: State Publ. SSSR, 1947. 320 p. (In Russian)

A.A. Scryabina, D.I. Chirkoeva

Archaic Vocabulary in Yakut Folk Legends

Scientific novelty is determined by the fact that Yakut philology has made an attempt to more extensively systematize the archaic vocabulary found in the Yakut folk legends. *The aim* of the article is to identify and classify into lexical-semantic groups the archaic vocabulary reflected in the Yakut folk legends. *Research methods*. Descriptive, analytical methods, the method of a continuous sampling of archaized words from Yakut folk tales, methods of contextual analysis, comparative and comparative method were used to implement the goals and objectives.

Results. The analysis of the texts of Yakut folk legends shows that they contain a large number of archaized words that existed in the past in the sources of Yakut material culture. We have identified the following lexico-semantic groups: 1) words-archaisms denoting ancient clothing and footwear; 2) words-archaisms denoting terms of hunting and fishing; 3) words-archaisms denoting utensils, kitchen utensils; 4) words-archaisms denoting housing and household buildings; 5) words-archaisms denoting ancient weapons. As a result, we have determined that the most numerous group consists of words-archaisms denoting household utensils, crockery and household items. General Turkic, Old Turkic, Yakut layers, as well as borrowings from the Mongolian language are found in the composition of words-archaisms. The changes that occurred in the semantics of the words *aya*, *kylys*, *taḡalai* are traced. As a result of the study of their semantics it was found that the semantic structure of the selected words underwent a partial narrowing as well as a significant expansion of the semantic volume of words.

Keywords: Yakut language, vocabulary, archaisms, historicisms, folk legends, material culture

Г.Г. Филиппов

DOI: 10.25693/SVGV.2021.37.4.010

УДК 811.512.157'367.625.4

Времямодальные значения предикативно-спрягаемых причастий в основном падеже

Научная новизна. Статья посвящена проблеме притяжательного спряжения причастий в тюркских языках, сравнительному анализу видовремямодальных значений автономного причастного сказуемого и зависимого подлежащего члена. Как известно, в тюркологии как аксиома принято положение о том, что причастный предикат спрягается с аффиксом принадлежности, который придает спрягаемой форме дополнительное значение прошедшего времени. В якутском языкознании уже давно выявлено, что это не аффикс принадлежности, а стяженная аналитическая эвиденциальная форма спряжения именного сказуемого со значением прошедшего времени. Вопрос в том, почему до сих пор считают, что причастный предикативный член спрягается с аффиксом принадлежности. Мы склонны предполагать, что причинами данного утверждения является то, что реальные факты языка трансформируются в иную плоскость, т.е. переходят из синтаксической в морфологическую.

© Филиппов Г.Г., 2021

Целью статьи является выявление сути изменения времямодалных значений предикативно-спрягаемых причастий в основном падеже.

Задачами статьи являются анализ зависимого предикативного члена в позиции подлежащего употребления, установление причин кажущейся трансформации эвиденциального времямодалного значения и превращения предикативного члена в притяжательное словосочетание.

Для раскрытия сути семантики спрягаемой формы используются методы компонентного анализа, дословного и семантического перевода сложных конструкций, функционирующих в основном падеже предикативного склонения.

Результаты. Употребление первичных причастий (в особенности причастий на -ар/-бат, -ях/-ымыях, -быт/-батах) в основном падеже в роли подлежащего зависимого члена создает иллюзию употребления притяжательных аффиксов в качестве спрягаемой формы причастных (именных) сказуемых. А в действительности на основе инфинитивно-субъектного употребления причастий происходит подмена обычносовершаемого прошедшего времямодалного значения зависимого подлежащего члена в притяжательное словосочетание. В результате зависимый подлежащий член воспринимается как спряжение причастия-имени действия с аффиксом принадлежности. Поэтому склонение причастных предикативных членов (предикативное склонение) многими учеными воспринимается как притяжательное склонение причастий.

Достижение адекватного понимания данного факта как предикативного склонения является результатом содержания этой статьи.

Ключевые слова: причастие, предикативное склонение, причастный подлежащий зависимый член, спряжение причастий, видовремямодалное значение, субъектно-объектный инфинитив, основной падеж

I. Введение. Спряжение причастий в тюркологии изучается давно и исследуется в разных аспектах. Но проблема спряжения в связи с развитием исследований морфологии и синтаксиса причастия еще более усложняется. В свое время Е.И. Убрятова обратила внимание на проблему склонения причастного предиката в якутском языке [Убрятова 1946, 1976]. И с тех пор, с 1960-х гг., ведется спор о притяжательно-предикативном склонении в тюркских языках [Гаджиева, 1973] и вопрос о склонении причастий порождает все новые и новые сложные проблемы [Предикативное склонение..., 1984]. В свое время этой проблеме автор данной статьи посвятил ряд работ [Филиппов, 1996, 1989, 2014]. В данной статье нам хочется вернуться к отношениям причастного предиката и притяжательного причастного члена касательно их склонения в основном падеже, так как эти формы увязаны в клубок противоречий морфологической и синтаксической омонимии, а также в их содержательном функциональном (синтаксическом) отличии в качестве словосочетаний.

Употребление причастия в основном падеже связано с его особым функциональным статусом в языке. Безаффиксальная форма причастия, представляющая форму основного падежа, является, в сущности, субстантивирован-

ном причастием, например: *сылдьыбыт сыһы булар* – бездельничавший мусор находит, *көрдөөбүт көмүһү булар* – искавший находит золото. Таким образом, О.Н. Бетлинг и Л.Н. Харитонов причастием называли не само причастие, а его субстантивированную форму и называли глагольным именем. Поэтому притяжательное склонение имеют субстантивированные причастия с присоединившимся аффиксом принадлежности [Харитонов, 1947: 231]. На самом деле причастие представляет собой глагольную форму, с одной стороны, предназначенную выступать в роли определения субстантива, с другой стороны, становится предикатом того же субъекта, например: *сылдьыбыт киһи сыһы булар* – бездельничавший человек мусор находит, *көрдөөбүт киһи көмүһү булар* – искавший человек находит золото, *киһи сылдыбыт* – человек бездельничал, *киһи көрдөөбүт* – человек искал.

В русском языке причастие, независимо от того, стоит ли перед определяемым именем или после него, всегда имеет одинаковую форму, форму причастия. А в тюркских языках форму причастия определяют в зависимости от функции по-разному: в роли определения – причастие, в роли сказуемого – финитная форма глагола, в роли имени – глагольное имя, т.е. их считают омоформами [Ушаков, 1956: 4].

II. Материалы и методы. Материалами послужили примеры, отобранные из художественной, научной и публицистической литературы на якутском языке. Используются методы компонентного анализа, методы дословного и семантического перевода сложных конструкций, функционирующих в основном падеже предикативного склонения.

III. Результаты. Л.Н. Харитонов в учебном пособии «Современный якутский язык» [Харитонов, 1947] четко придерживается положения о том, что причастия якутского языка спрягаются с аффиксом принадлежности и имеют простое и притяжательное склонения. Тем самым порождается дилемма: спряжение причастий с аффиксом принадлежности и притяжательные формы причастий – это исторические омоформы или одно и то же морфологическое явление, но обозначенное разными терминами. Примеры, приведенные ученым на притяжательное склонение, представляют собой в большей части склонение предикативного члена, а не притяжательного причастия. Для сравнения: *Мин кэлбитим ыраатта* – я пришел уже давно (мой приход в прошлом отдалился уже). Это подлежащее предложение, поэтому должно переводиться следующим образом: «То, что я пришел, было давно». *Эн күөлгэ куһу ытыалырын биһиэхэ үчүгэйдик иһиллэр этэ* – твоя стрельба по уткам на озере была хорошо слышна нам. Это предложение переводится так: «То, что ты стрелял по уткам, было хорошо слышно нам». *Самолет көтөрө ыраахтан иһиллибитэ* – Полет самолета послышался издалека. Это предложение переводится так: «То, что самолет взлетал, послышалось издалека». *Кырдьар сааснар иитиэбим-аһатыабым арай эн бааргын* – В годы моей старости могущий меня питать-кормить только ты есть. Да, эта притяжательное (субстантивированное) причастие: В стареющем возрасте моем ухаживающим-кормящим меня только ты есть. *Булчуттарбыт кэлэллэрэ үс хонук хаалла* – До прихода наших охотников осталось трое суток. Это предложение переводится так: «До того, как придут наши охотники, осталось трое суток». *Кырдыаҕас ыт утуйарын таптыыр* – Старая собака любит спать (спанье). Лучше: «Старая собака спать (себе) любит». *Ыстаабыккын эрэнимэ, ыйыстыбыккын эрэн* – Не надейся на прожеванное, надейся

на проглоченное [Харитонов, 1947: 228]. Перевод: «То, что прожевал – не надейся, а на то, что проглотил – надейся».

Мин сайын таһырдыа утуйарбын ордоробун – Я летом предпочитаю спать (спанье мое) во дворе. Перевод: «Я летом во дворе спать (себе) предпочитаю». *Төһнөргөр таарыйаар* – На обратном пути (при возвращении твоём) заходи. Перевод: «Когда возвратишься, заходи». *Кун киирэрэ чугаһаабыт* – Скоро закат солнца. Перевод: «То, что солнце зайдет, скоро осталось». *Самыыр түспэтэбэ ыраатта* – Дождь давно не падал (дождя невыпадение его отделилось). Перевод: «То, что дождь не выпал, давно было». *Обуһум саа эстибитигэр соһуйбата* – Бык мой при выстреле не испугался (при ружья бывшем разрядении его). Перевод: «Когда выстрелило ружье, бык мой не испугался (не вздрогнул)». *Этиэххин этэбин* – Ты говоришь справедливо (то, что надлежит тебе, говоришь). Перевод: «Говоришь то, что надлежит сказать» [Харитонов, 1947: 231].

Спор о причастном спряжении ведется издавна. Со времен О.Н. Бетлингга ученые утверждают, что причастный предикат спрягается с аффиксом принадлежности, полагая, что причастный предикат представляет собой действие, принадлежащее субъекту. Например: *Мин барарым* – мой (предстоящий) уход; *мин барыабым* – мой (будущий) уход; *мин барбытым* – мой (прошедший) уход. Поэтому Л.Н. Харитонов все причастные предикаты считает именами действия, относящимися к субъекту. В действительности причастные предикаты спрягаются как именные сказуемые с аффиксами сказуемости: в форме настоящего времени – с полным аффиксом сказуемости (например, *мин барбыт+нын* – я, оказывается, ушел; *эн барбыт+кын* – ты, оказывается, ушел, а в форме прошедшего времени – связкой *э-* с аффиксом прошедшего категорического времени+ кратким аффиксом сказуемости (например, *барар э-ти+м*, *барарым* – я уходил; *барар э-ти+н*, *барарын* – ты уходил).

Все вторичные причастия: *-ыахтаах/-ымыахтаах*, *-ардаах/-баттаах*, *-быттаах/-батахтаах*, *-а/-ыы илик* спрягаются как именное сказуемое. Например, спряжение с аффиксом сказуемости: *Мин көрүөхтээхпин* (*көрүмүөхтээхпин*) – Я должен смотреть (не смо-

треть); *Эн барардааххын (барбаттааххын)* – Ты обязан идти (не идти); *Кини утуйбуттаах (утуйбатахтаах)* – Он однажды спал (не спал); *Эн оонньуу иликкин* – Ты еще не играл. Спряжение в форме прошедшего времени – связкой э- с аффиксом прошедшего категорического времени + кратким аффиксом сказуемости: *Мин көрүөхтээбим (көрүмүөхтээбим)* – Я должен был смотреть (не смотреть); *Эн барардаабын (барбаттаабын)* – Ты обязан был идти (не идти); *Кини утуйбуттааба (утуйбатахтааба)* – Он однажды спал (не спал) было; *Эн оонньуу илигин* – Ты еще не играл было.

Все первичные причастия сохранили спряжение с –э+ти+м, а спряжение с полным аффиксом сказуемости сохранено полностью только у причастий на –*быт/-батах*, –*бат*, частично сохранено у причастий с формой на –*ар*, не сохранено у причастий на –*ых/-мых* и –*тах*. Например, спряжение с полным аффиксом сказуемости: *Мин көрбүппүн (көрбөтөхпүн)* – Я, оказывается, увидел (не увидел); *Эн көрбөккүн* – Ты не видишь; *Кини көрөр* – Он видит. Спряжение в форме прошедшего времени – связкой э- с аффиксом прошедшего категорического времени+ кратким аффиксом сказуемости: *Мин от охсубутум (охсубатабым)* – Я сено косил (не косил). *Эн от охсорун (охсубатын)* – Ты косил (не косил) траву; *Кини от охсуоба (охсумуоба, охсуо суоба)* – Он скосит (будет косить) траву; *Эн от обуштабын (охсубатабын буолуо)* – Ты, возможно, косил (не косил) траву. Спряжение вторичных причастий и спряжение причастия на –*ар/-бат* в форме на э+ти+м(-н, 0, бит,-гит, лэрэ) подтверждают существование данной формы спряжения с эвиденциальным прошедшим временем.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что причастия якутского языка не спрягаются с аффиксом принадлежности, и ныне существующие притяжательные причастия не функционируют в роли предикативных членов, а представляют собой субстантивированные (заместительные) глагольные имена. Сравни: *итэрим-аһатарым эн эрэ буолабын* – мой ухаживающий-кормящий только ты являешься; или причастный предикат: *мин эйигин итэрим-аһатарым* – я тебя ухаживал-кормил. Это предложение при склонении причастия в основном падеже теряет свое времямодальное значение:

мин эйигин итэрим-аһатарым аһсаанга ылыллыбат – то, что я тебя ухаживаю-кормлю в счет не берется. Оно не всегда сохраняется и иногда превращается в имя действия: например, здесь предикат *итэрим-аһатарым* – ухаживал-кормил воспринимается как подлежащее «мое ухаживание и кормление» или иногда как «мой ухаживающий и кормящий».

В якутском языке причастие на –*ар/-бат* имеет значение незаконченного прошедшего времени. Все исследователи якутского языка считали, что формантом спряжения является аффикс принадлежности. Но Е.И. Коркина в монографии «Наклонения глагола в якутском языке» убедительно доказала, что здесь произошла фузия конечной аналитической формы спряжения [Коркина, 1970: 114], и появилась новая форма спряжения, которая впоследствии стала употребляться с именным сказуемым в прошедшем времени [Филиппов, 2014: 329]. Спрягаемые формы причастий при функционировании в определительных сочетаниях и управляемых предикативных конструкциях свои времямодальные значения видоизменяют в зависимости от выполняемой функции и семантики сочетающихся словоформ.

В определительном придаточном сочетании форма спряжения как бы дублируется аффиксом принадлежности: *Мин үөрэнэр оскуолам турар* – стоит (моя) школа, в которой я учусь (Дословно: я учусь школа моя стоит); *Эн олобут дьизэн сылаас* – дом (твой) теплый, в котором ты жил (Дословно: ты учился дом твой теплый). Таким образом, аффикс принадлежности заменяет аффикс спряжения и образует определительное сочетание, а аффикс спряжения выпадает, и с ним и заменяется времямодальное значение определительного сказуемого: *Мин үөрэнэрим* – я учился было (я учусь); *Мин төрөөбүтүм* – я родился было (я родился).

В подлежащих придаточных конструкциях форма спряжения сохраняется, но в их времямодальных значениях тоже происходит изменения: *Бэрэсидьиэннэрин А.Лукашенко сууларары сылдьаллара өйдөммөт [Кыым]* – то, что хотят (своего) президента *свергнуть* не понимается. Дойду тутулуга суох *буолара* кутталга кирдэ [Кыым] – То, что страна *будет* независимой стала в опасности. *Фургалга, оннооҕор, Госдуума дьокутааттарын киллэрбэттэрэ сокуону кэһии буолар* [Кыым] – «то, что не выпуска-

ют к Фургалу даже депутатов Госдумы, является нарушением закона».

В автономном предикативном употреблении все сказуемые имеют значение прошедшего времени с оттенком обычносовершаемого действия: *сууллараары сылдыллара* – обычно свергнуть хотели; *тутулуга суох буолара* – обычно была независимой; *дьокутааттары киллэрбэттэрэ* – депутатов обычно не впускали. А при употреблении в качестве подлежащего зависимого сказуемого времямодальное значение зависимого сказуемого заменяется настоящим будущим временем: *сууллараары сылдыллара өйдөммөт* – хотят свергнуть не понимается; *тутулуга суох буолара кутталга киирдэ* – быть независимой стало в опасности; *дьокутааттары киллэрбэттэрэ сокуону кэһии буолар* – не впускать депутатов является нарушением закона. Причиной такой трансформации причастного подлежащего зависимого члена заключается в его функции – становления субъектно-объектного инфинитива, чему способствуют значение причастия на *-ар/-бат* и функция основного падежа: сказуемое переходит в подлежащее: обычно свергнуть хотели – хотят свергнуть – желание его свержения; депутатов обычно не впускали – не впускать депутатов – невпускание их депутатов; обычно была независимой – быть независимой стало в опасности – становление его независимой стало в опасности.

Рассмотрим склонение других причастных предикатов в основном падеже. Причастие на *-быт/-батах*: *Мин эйигин ииппитим-аһаппытым* – Я тебя ухаживал и кормил. *Мин эйигин ииппитим-аһаппытым ахсаанна киирбэт* – То, что я тебя ухаживал и кормил, в расчет не берется. – Мое ухаживание и кормление в расчет не берется. *Оһонньор киһини кытта кэпсэппэтэбэ өр буолбут* [Кыым] – То, что старик не разговаривал с людьми, давно стало. – Старика с людьми неговорение давно стало. В данном случае времямодальное значение зависимого предиката как бы остается без изменения, но изменяется статус предикативного члена: подлежащее в *Мин ииппитим-аһаппытым* (Я ухаживал-кормил) становится притяжательным словосочетанием – мое ухаживание-кормление. Это, вероятно, связано с отсутствием инфинитивной функции причастия на *-быт/-батах* в основном падеже.

Причастие на *-ыхах/-ымыах*: *Мин эйигин ииппитим-аһаппытым* – Я тебя (выхолю и накормлю) буду ухаживать и кормить. *Мин эйигин ииппитим-аһаппытым болбомтобо ылыллыбат* – То, что я тебя буду ухаживать и кормить, остается без внимания. Модальность зависимого предиката *ииппитим-аһаппытым* («выхолю и накормлю») превращается в возможное-долженствовательное инфинитивное действие «буду ухаживать и кормить» или в притяжательное имя-действие «мое ухаживание-кормление в расчет не берется (остается без внимания)». Это связано с зависимым положением ожидаемого будущего действия, который в сочетании с главным предикатом конкретизирует их действительные отношения.

Как видно из примеров, иллюстрирующих предложения, сказуемое которых выражено причастием в основном падеже, тут же его эвиденциально-времямодальное значение теряется, а само это предложение превращается в подлежащее, выраженное как бы притяжательным словосочетанием.

IV. Обсуждение. Таким образом, склоняемую форму причастия необходимо рассматривать по типу функционирования: во-первых, как субстантивированное имя, во-вторых, как предикативное употребление причастия. Причастие в роли определения не склоняется. Субстантивированное причастие в форме притяжания редко употребляется и почти не склоняется. Спрягаемая форма причастия имеет омоформу с притяжательной формой причастия, например: *барбытым* – я уходящий; *барбытым* – я ушел; *барарым* – мой уходящий, *барарым* – уходил; *барыабым* – мой уходящий; *барыабым* – уйду и т.д.

В тюркском языкознании считают, что причастие спрягается с притяжательным аффиксом [Бетлингк, 1990; Щербак 1981]. Поэтому как аксиому принимают положение о том, что аффикс спряжения причастия и аффикс принадлежности при причастиях оформляется одной и той же формой: *Барбытым кэлбит* – мой уходивший прибыл; *Мин барбытым* – я уходил. Но в якутском языке притяжательная форма причастия малоупотребительна. Поэтому выражение *Мин охсубутум сытар* якут воспринимает как «то, что я скопил, лежит», «мною скошенная (трава) лежит, а не «мною ударенный лежит». Из-за этого такие словосочетания однозначно

выражают: *мин кэлбитим* – я пришел, а не мой пришедший или мой приход; эн кэлбитинг – ты прибыл, а не твой пришедший или твой приход; кини кэлбитэ – он пришел, а не твой пришедший или твой приход.

Таким образом, предикативный член, выраженный причастием в основном падеже, переводится на русский язык следующим образом: *Кини хаһан төрөөбүтэ биллибэт* – Когда он родился – неизвестно; *Биһиги бу дойдуга сылдыбыппыт умнуллубут* – То, что мы в этой стране были, забыто; *Мин манна үлэлээбитим ыраатта* – То, что я здесь работал, стало давно. В этих предложениях причастное сказуемое, находясь в препозиции к главному предикату, становится подлежащим главного предложения. Причастный предикат сохраняет свое времямодальное значение и согласование с подлежащим, например:

– причастие на *-быт/-батах*: *Биһиги эһигини көрсүбүппүт уон сыла туолла* – Тому, что мы с вами встретились, исполнилось десять лет; *Эн манна сылдыбатабын ыраатта* – То, что ты здесь не побывал, стало давно. Сказуемые *көрсүбүппүт* – встретились, *сылдыбатабын* – не побывал выражают результативное прошедшее время;

– причастие на *-ар/-бат*: *Өлүөнэ муостатын тутуута сабалана икки сыл хаалла* – До того, когда начнется строительство Ленского моста, осталось два года. (Ленского моста строительство начинание его два года осталось). *Сылхонук аастабын аайы кинини суохтуурум күүһүнэн иһэр* – С течением годов и ночей усиливается, как я тоскую по нему (Год-ночевка прохождением по нему тоскование мое усиливается). *Күн-дьыл ааһара түргэнэ сүр* – Дни-годы текут так быстро очень (День-год течение его быстро очень). *Кини киһирэн кэлэрэ олус за астык буолара* – Приятно бывало, когда она заходя, прибывала (Ее внезапное появление). (Ее заходившее прибытие очень приятно бывало).

Ожидаемое видо-времямодальное значение формы на *-ар + аффикс лица* прошедшее незаконченное или обычно совершаемое действие видоизменяется в связи с осложнением предложения. В простом предикате их значения такие: *сабалана* – началось было; *суохтуурум* – тосковал бывал, *ааһара* – текло было; *киһирэн кэлэрэ* – заходя приходила;

– причастие на *-ых/-ымыых/-ыа суох*: *Кыайыгы бырааһынньыга буолуоҕа ый эрэ хаалла* – До наступления праздника Победы остался всего один месяц. *Мин күрэхтэһиһэ кыттабым билигин даҕаны быһаарылла илик* – Мое участие в соревнованиях до сих пор еще не решалось. *Толя тһэх хапсыһыга кыайтарыаҕа сэрэйиллэр этэ* – Поражение Толи в последней схватке было ожидаемым. Зависимые предикативные члены, выраженные причастием будущего времени на *-ых*, на русский язык передаются именами действия: *буолуоҕа* – наступление, *кыттабым* – мое участие, *кыайтарыаҕа* – поражение. Тем самым их времямодальное значение превращается в инфинитивное.

Кыайыгы бырааһынньыга буолуоҕа ый эрэ хаалла – Пока наступит праздник Победы, остался всего один месяц. *Мин күрэхтэһиһэ кыттабым билигин даҕаны быһаарылла илик* – Участвую ли я в соревнованиях, до сих пор еще не решилось. *Толя тһэх хапсыһыга кыайтарыаҕа сэрэйиллэр этэ* – То, что Толя проиграет (потерпит поражение) в последней схватке, было ожидаемым. Зависимые предикативные члены, выраженные причастием будущего времени на *-ых*, на русский язык должны передаваться придаточными предложениями с будущим времямодальным значением предиката: *буолуоҕа* – пока наступит», *кыттабым* – участвую ли я, *кыайтарыаҕа* – проиграет, так как будущее времямодальное значение зависимого предикативного члена должно сохраняться в переводе на русский язык.

Таким образом, в тюркском языкознании спряжение причастного предиката (личного глагола), связанного аффиксом принадлежности, объясняют следующим образом:

– притяжательное причастие превратилось в предикативный член (исторически);

– притяжательное причастие сохраняет свои признаки и образует причастный оборот (развернутый член);

– к причастию не присоединяется аффикс принадлежности. Это спрягаемое причастное сказуемое склоняется и образует придаточное предложение;

– причастный зависимый предикативный член трансформирует личную форму в развернутый член предложения.

Из сказанного следует: 1) аффикс принадлежности превратился в форму спряжения причастного предиката; 2) причастный предикат не спрягается с аффиксом принадлежности, аффикс является сложным аффиксом лица. Это только омоформы.

Необходимо объяснить, какую роль играет аффикс принадлежности в спряжении причастного предиката в тюркских языках.

V. Заключение. При склонении зависимого предикативного члена (конструкции) устанавливается связь – управление двух предикативных членов (главного и зависимого) в форме и значении падежа. Между двумя предикатами возникают, кроме временных, субъектные, объектные и обстоятельственные отношения. Эти отношения схематично выглядят следующим образом:

{Зависимая конструкция [Субъект – (предикат: причастие + время + аффикс лица + аффикс падежа (управление)] Главная конструкция [Субъект – предикат: глагол + время + аффикс лица]}

Использование причастий в форме основного падежа трансформирует зависимое предложение в субъектное притяжательно-причастное словосочетание: *мин сылдъарым тохтообута*: мин «я» (субъект) *сырыт* «присутствовать» + *ар* (причастие) + *ым* (1-е лицо эвиденциальное значение – сказуемое) (без эвиденциального значения аффикс спряжения воспринимается как притяжательный аффикс субъекта) – *тохтоо* «остановиться» + *бут* (причастие, результативное значение) + *а* (3-е лицо).

Употребление первичных причастий (в особенностях, причастий на *-ар/-бат*, *-ыха/-ымыах*, *-быт/-батах*) в основном падеже в качестве подлежащего зависимого члена создает иллюзию употребления притяжательного аффикса в качестве спряжения причастного (именного) сказуемого. В действительности на основе субъектного употребления причастий с семантикой времени происходит выпадение эвиденциального прошедшего времямодального значения зависимого подлежащего предложения. А оставшееся причастное временное значение воспринимается как спряжение сказуемого (инфинитива-причастия или имени действия) с аффиксом принадлежности. Поэтому склонение причастных предикативных членов многими

исследователями воспринимается как притяжательное склонение причастий.

Подобной трансформации не может быть в языке, но она становится возможной в результате функционального синтаксического превращения зависимого предложения при потере им эвиденциально-времямодального значения: в подлежащем члене предложения возникает семантическая субъектная синонимия словосочетаний: мин барбытым – я уходил и барбытым – мой уход. Здесь превращение через «мой уходящий» в «мой уход» не происходит.

При автономном употреблении причастий в качестве личных сказуемых в языке не существуют притяжательных причастных сказуемых, имеющих инфинитивное и имядейственное значение. Потеря эвиденциального времямодального значения причастного сказуемого и его превращение в причастное притяжательное словосочетание с инфинитивно-имядейственным значением возможно только в предикативном склонении (зависимого) предложения в основном падеже.

Тем самым из существующих в языке случаев употребления причастных омонимичных аффиксов спряжения действительно притяжательным является только его использование в заместительно-субстантивированных причастиях: *сылдыбыт киһим билэр* – *сылдыбытым билэр* – *мой уходящий знает*. В остальных: 1) в спрягаемых причастиях только омоформа эвиденциальности: *көрөр э+ти+м* – *көрөр+үм* – *я уходил*; 2) в склонении подлежащего зависимого причастного сказуемого – превращение синтаксического явления в морфологическое: *мин сылдъарым тохтообута*: *мин сылдъар этим (сылдъарым) тохтообута* – *перестал то, что я посещал* – *мой уход остановился (перестал)*.

Список литературы:

- Бетлингк О.Н. О языке якутов [Перевод с немецкого В.И. Рассадина]. Новосибирск: Наука, 1990. 646 с.
- Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М.: Наука, 1973. 408 с.
- Коркина Е. И. Наклонения глагола в якутском языке. М.: Наука, 1970. 307 с.

Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск: Наука, 1984. 192 с.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Новосибирск, 1976. 346 с.

Убрятова Е.И. Предикативное склонение в якутском языке // Научная сессия в ЛГУ. Тезисы докладов по сессии востоковедения. Л., 1946.

Ушаков Е.И. Синтаксические функции формы на -ган в современном уйгурском языке. М., 1956. 19 с.

Филиппов Г.Г. Причастие будущего времени на –yah и форма на –ya в якутском языке. Якутск, 1996. 190 с.

Филиппов Г.Г. Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование. Якутск: Изд. Дом СВФУ, 2014. 607 с.

Филиппов Г.Г. Саха тылыгар предикативнай падежтааһын / Предикативное склонение в якутском языке. Якутск, 1989. 136 с.

Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Якутск: Кн. изд-во, 1947. 312 с.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л.: Наука, 1981. 183 с.

References:

Betlingk O.N. *O jazyke jakutov* [About the Yakut language]. Translated from German by V.I. Rassadina. Novosibirsk: Science Publ., 1990. 646 p. (In Russian)

Filippov G.G. *Prichastija jakutskogo jazyka: kompleksnoe tipologičeskoe funkcional'no-semantičeskoe issledovanie* [The participles of the Yakut language: a complex typological functional-semantic study]. Yakutsk: Publ. of the North-Eastern Federal University, 2014. 607 p. (In Russian)

Filippov G.G. *Prichastija vudushhego vremeni na –yah i forma na –ya v jakutskom jazyke* [Future participle in –yah and the form in –ya in the Yakut language]. Yakutsk, 1996. 190 p. (In Russian)

Filippov G.G. *Saha tylygar predikativnaj padestahyn. Predikativnoe sklonenie v jakutskom jazyke* [Predicative declension in the Yakut language]. Yakutsk, 1989. 136 p. (In Russian)

Gadzieva N.Z. *Osnovnye puti razvitija sintaksisheskoj struktury tjurkskih jazykov* [The main ways of development of the syntactic structure of the Turkic languages]. Moscow: Science Publ., 1973. 408 p. (In Russian)

Korkina E. I. *Naklonenija glagola v jakutskom jazyke* [Inflections of the verb in the Yakut language]. Moscow: Science Publ., 1970. 307 p. (In Russian)

Predikativnoe sklonenie v altajskih jazykah [Predicative declension of participles in Altai languages]. Novosibirsk: Science Publ., 1984. 192 p. (In Russian)

Haritonov L.N. *Sovremennej jakutskij jazyk* [Modern Yakut language]. Yakutsk: Book publ., 1947. 312 p. (In Russian)

Shherbak A. M. *Očerki po sravnitel'noj morfologii tjurkskih jazykov (Glagol)* [Essays on the comparative morphology of the Turkic languages (Verb)]. Leningrad: Science Publ., 1981. 183 p. (In Russian)

Ubrjatova E.I. *Issledovanija po sintaksisu jakutskovo jazyka* [Research on the syntax of the Yakut language]. Novosibirsk, 1976. 346 p. (In Russian)

Ubrjatova E. I. *Predikativnoe sklonenie v jakutskom jazyke. Nauchnaja sessija v LGU. Tezisi dokladov po sessii vostokovedenija* [Scientific session at Leningrad State University]. Leningrad, 1946. (In Russian)

Ushakov E.I. *Sintaksisheskie funkcii formy na –gan v sovremennom ujugurskom jazyke* [Syntactic functions of the in –gan form in the modern Uyghur language]. Moscow, 1956. 19 p.

G.G. Filippov

Declination of Conjugated Participles in the Main Case and the Nature of the Change in Their Tense-Modal Meanings

Scientific novelty. The article is devoted to the problem of possessive conjugation of participles in the Turkic languages, a comparative analysis of the type-time-modal meanings of the autonomous participial predicate and the dependent subject member. As known in Türkology as an axiom it is accepted that the participial predicate is conjugated with the affix of belonging which gives the conjugated form an additional meaning of the past tense. In Yakut linguistics it has long been revealed that this is not an affix of belonging but a constricted analytical evidential form of conjugation of a nominal predicate with the meaning of the past tense. The question is why it is still believed that the participial predicative term is conjugated with the affix of belonging. We are inclined to suppose that the reasons for this statement are that the real facts of the language are being transformed into another plane i.e. from syntactic to morphological.

The aim and task of the article is to study this fact novelty – an explanation of the reason for this phenomenon. To reveal the essence of the semantics of the conjugated form, *the methods* of their componential analysis and the methods of literal and semantic translation of complex constructions, functioning in the main case of the predicative declension, are used. The use of primary participles (especially participles in -ar / -bat, -yakh / -ymyakh, -byt / -batah) in the main case as a subject-dependent member creates the illusion of using possessive affixes as a conjugated form of participial (nominal) predicates. But in reality on the basis of the infinitive-subjective use of participles the usual past tense-modal meaning of the dependent subject member is replaced with a possessive collocation.

As a *result* the dependent subject is perceived as conjugation of the participle-name of the action with the affix of belonging. Therefore the declension of participial predicative terms (predicative declension) is perceived by many scientists as the possessive declension of participles. The achievement of an adequate understanding of this fact as a predicate inducement is the result of the content of this article. Contributions from the artistic, scientific and publicistic literature of the Yakut language were used to explain this complex phenomenon.

Keywords: participle, predicative declension, participatory subject dependent member, conjugation of participles, type of modal meaning, subject-object infinitive, main case

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Л.Н. Романова

DOI: 10.25693/SVGV.2021.37.4.011

УДК 821.512.15

Дневники А.Е. Кулаковского и А.И. Софронова: опыт сравнительного анализа

Научная новизна. В статье представлено сравнение личных дневников А.Е. Кулаковского и А.И. Софронова-Алампа с точки зрения их повествовательной и коммуникативной структуры. Выявляются общие структурные и семантические элементы. Впервые дневники рассматриваются с точки зрения их соотношения творчеством первых якутских писателей. Доказывается, что особенности повествовательной стилистики дневников органично вписываются в поэтическую систему их творчества.

Цель статьи – сравнение авторских интенций, определяющих повествовательную и коммуникативную функции текста дневников первых якутских писателей, их композиционных и стилистических признаков; а также выявление специфики творческого метода ведения личных записей.

Методы исследования. Исследование проводилось на материале дневников А.Е. Кулаковского, хранящегося в Национальном архиве РС (Я); и дневников и тетрадей А.И. Софронова, имеющихся в Рукописном фонде Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Используются сравнительно-типологические методы в анализе композиции, языка и хронотопа дневников. По мере необходимости автор обращался к методологии междисциплинарного подхода к текстам культуры.

Результаты. Сравнительный анализ повествовательной и коммуникативной стратегий дневников первых якутских писателей показал их тесную связь с литературным творчеством. Анализ композиции, языка, а также коммуникативных функций автодокументальных текстов свидетельствует о том, что дневники нужно рассматривать как единый текст культуры наравне с творчеством писателей.

Ключевые слова. Кулаковский, Софронов, дневник, повествовательность, коммуникативные стратегии, лирическое начало, авторефлексия

1. Введение. В последнее время активизировалось внимание специалистов различных гуманитарных направлений к так называемым сублитературным текстам, которые ранее считались маргинальными, второстепенными и дополнительными, как в филологии, в частности в литературоведении, так и в историографии, философии, психологии, культурологии, социологии и т.д. – это источники личного происхождения: дневники, частная переписка, мемуары, автобиографии. Особый интерес представляют личные дневники в силу широты своей культур-

© Романова Л.Н., 2021

но-исторической интерпретации через призму персональной субъективной оценки.

В современной зарубежной и российской науке исследовательские стратегии в области диаристики легитимизировались не только в изучении дневников известных личностей, но и личных записей обычных людей (так называемые наивные дневники), воссоздающих повседневную действительность определенной исторической эпохи. В якутском литературоведении и историографии эго-документы только начали вводиться в научный оборот. В архивах республики хранится множество личных дневников, частной переписки, мемуаров известных исторических личностей и простых якутян, которые еще не попали в поле зрения исследователей. И только в начале XXI в. начали публиковаться тексты дневников и их научные и научно-популярные интерпретации в центральных и местных изданиях. Внимание издателей и исследователей в основном сконцентрировано на дневниках писателей и представителей творческой интеллигенции, государственных деятелей. Так, увидели свет в виде отдельных изданий дневник А.Е. Кулаковского Сеимчанского периода [Кулаковский, 2018], дневник Сем.П. Данилова 1951–1978 гг. [Данилов, 2018], частично опубликованы дневниковые записи А.И. Софронова-Алампа [Софронов, 2011]. Появилось несколько научных статей Н.Н. Тобурокова [Тобуроков, 2001], В.Г. Семеновой [Семенова, Тобуроков, 2018], Л.Н. Романовой [Романова, 2019], исследующих дневники А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова-Алампа, С.П. Данилова.

С научной точки зрения интересно рассмотреть дневники первых якутских писателей в сравнительном аспекте, что позволило бы: во-первых, представить оригинальную картину исторической эпохи через призму личных переживаний и гражданской позиции авторов одного поколения; во-вторых, изучая риторико-поэтологическую организацию дневниковых записей, проникнуть в творческую лабораторию писателей, понять природу становления их индивидуального поэтического стиля; в-третьих, проследить и сопоставить не только эволюцию их мировоззрения, но и составить представление об их самооценке и самоидентификации. Кроме того, в этих документах наиболее четко вырисовываются культурные стереотипы, иде-

ологемы, образы, концепты и смыслы, в которых национально-культурные традиции, коллективные и межличностные отношения раскрываются как область меж- и внутрикультурных коммуникаций. Это тем более интересно, что указанных персоналий объединяло общее интеллектуальное пространство, и они являлись не только очевидцами и участниками эпохальных событий начала XX в., но и «вдохновителями» и «законодателями» национальных культурных традиций.

С литературоведческой точки зрения дневники А.Е. Кулаковского и А.И. Софронова-Алампа должны быть глубоко изучены как одни из важных составляющих биографии и творчества личностей, реализовавших идею создания национальной литературы. На основе изучения изданных и неизданных рукописных источников этих персоналий можно воссоздать процесс их творческой самоидентификации как *создателей литературной традиции*. Такой подход нам представляется достаточно новым и актуальным как для якутского литературоведения, так и для истории культуры народа саха.

Однако в данной статье историко-культурный фон дневников и отношение персоналий к историческим событиям не рассматриваются. Культурно-историческая интерпретация дневников может стать отдельным предметом исследования. В данном случае нас интересуют имманентные свойства дневниковых текстов, формально-содержательные параметры, повествовательные (нарративные) и коммуникативные особенности дневниковой поэтики.

Цель статьи – сравнение авторских интенций, определяющих повествовательную и коммуникативную функции текста дневников первых якутских писателей, их композиционных и стилистических признаков; а также выявление специфики творческого метода ведения личных записей, обусловленного в значительной степени их индивидуальным поэтическим стилем.

Новизна темы. В статье утверждается необходимость отношения к дневникам якутских писателей как к творческой лаборатории, что открывает возможность новых методологических подходов к изучению эго-текстов, когда дневники и художественные произведения должны восприниматься как взаимодополняемые и равноценные тексты культуры.

Теоретическая значимость исследования состоит в определении места и роли источников личного происхождения, в частности дневников, в изучении индивидуально-авторского поэтического стиля. При этом дневник рассматривается в аспекте формирования текста и контекста не столько личности и биографии писателей, а сколько специфики поэтики их творчества.

Практическая значимость работы заключается в разработке методики анализа дневника как художественно-документального произведения в контексте литературного творчества. Выводы и заключения исследования могут быть использованы в дальнейших углубленных исследованиях различных форм эго-документов, а также при преподавании гуманитарных дисциплин в средних и высших учебных заведениях.

II. Материалы и методы. Исследование выполнялось на материале Сеимчанского дневника А.Е. Кулаковского, хранящегося в личном фонде Г.П. Башарина в Национальном архиве РС (Я)¹, и выборочно дневниковых тетрадей А.И. Софронова-Алампа с 1911 по 1927 гг., собранных в рукописном фонде Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

По временной длительности написания и значимости в судьбе поэта выделяется дневник Кулаковского периода его пребывания в местности Таскан Сеимчанского наслега Оймяконского округа. Здесь поэт и ученый скрывался во время Гражданской войны с октября 1923 г. по июль 1924 г. Дневник велся с 22 ноября 1923 г. по 6 марта 1924 г.

Документ представляет собой ученическую тетрадь из 18 листов под названием «Дневник. 1923». Он велся на русском языке в хронологическом порядке. Сеимчанский дневник Кулаковского как источниковедческий материал вошел в научный оборот лишь в XXI в. в качестве вспомогательного материала для биографии поэта.

Предыдущие исследователи его биографии, как историки, так и литературоведы, пытались обойти Сеимчанский период его жизни, или вкратце упоминать его в биографической хронике из-за неоднозначности и противоречивости идеологизированной оценки позиции Кулаковского во время Гражданской войны. Хотя все исследователи единодушны в оценке особой научной и творческой значимости работ, сделанных по этому и ученым в этот промежуток времени.

Впервые более подробный анализ этого документа был сделан профессором Н.Н. Тобуроковым, расценивавшим дневник как документ, раскрывающий твердый характер первопозта и ученого, «по-настоящему увлеченного научным и художественным творчеством» [Тобуроков, 2001: 43]. Также дневник в его историко-биографическом контексте исследован в монографии Л.Р. Кулаковской «Научная биография А.Е. Кулаковского: личность поэта и его время» [Кулаковская, 2008], где автор, отмечая неизученность документов личного происхождения А.Е. Кулаковского в науке, пишет: «Значение дневника состоит в том, что личная жизнь писателя в этих суровых условиях, литература, упомянутая им в дневнике, представляют собой важнейший источник изучения его творчества. <...> Ни один документ не откроет нам тайны создания литературных произведений, научных озарений поэта, как этот дневник» [Кулаковская, 2008: 244].

В Рукописном фонде ИГИИПМНС СО РАН хранится семь записных книжек А.И. Софронова-Алампа, именованных автором «Что-нибудь махонькое» (1911–1912 гг.)², «Ол-бу быстабы суруйар кинигэ» («Книжка для записи чего-нибудь мелкого», 1921–1924 гг.)³, «Памятная книга» (1925 г.)⁴, «Дневник» (1925)⁵, «Ону-маны суруйуу» («Записи о том, о сем», 1925–1926 гг.)⁶, «Дневник и разные черновые записи» (1926 г.)⁷, «Бэлиэ» с подзаголовком «Күннээби кинигэ» («Память», подзаголовок «Ежедневник», 1927 г.)⁸.

¹Кулаковский А.Е. Дневник 1923. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.1480. Оп.1. Д.18.

²Рукописный фонд Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Ф. 4. Оп.28. Д.17.

³Рукописный фонд ИГИИПМНС СО РАН. Ф.4. Оп.28. Д.30.

⁴Рукописный фонд ИГИИПМНС СО РАН. Ф.4. Оп. 28. Д.9.

⁵Рукописный фонд ИГИИПМНС СО РАН. Ф.4. Оп. 28. Д.48.

⁶Рукописный фонд ИГИИПМНС СО РАН. Ф.4. Оп. 28. Д. 27.

⁷Рукописный фонд ИГИИПМНС СО РАН. Ф.4. Оп. 28. Д. 45.

⁸Рукописный фонд ИГИИПМНС СО РАН. Ф.4. Оп. 28. Д.22.

Большинство софроновских тетрадей по содержанию и характеру записей, датировке представляют собой именно записные книжки, а не дневники. По мнению некоторых исследователей, записные книжки не следует причислять к эго-документам, т.к. они «не характеризуют индивидуума как такового, а скорее помогают проникнуть в творческую лабораторию автора» [Бондарь, 2013: 111]. Отчасти можно согласиться с этим положением, т.к. преобладание в тетрадях Алампа черновиков и беловиков произведений, их вариантов, скорее всего, говорит о творческих исканиях писателя, но в плане откровенности изложения личных переживаний, эмоций, исповедальности и интимности некоторых фрагментов, вошедших в тетради Алампа, они вполне претендовать на «дневниковость». Наибольшей дневниковостью отличается первая записная книжка «Что-нибудь махонькое», заведенная им в период, когда он только начал активно включаться в общественную жизнь якутской интеллигенции, пробовать свое перо. Эти записи, в отличие от дневников Кулаковского, не имеют хронологическую последовательность и лишены повествовательности, характерной для биографического нарратива дневника. Поэт в книжке записывал свои стихотворные и прозаические опыты, раздумья о жизненных событиях и явлениях, но если даже речь идет о каком-то событии, то здесь не описание его как такового, а ментальное переживание этого события поэтом.

Дневниковым характером с точки зрения отражения психологического состояния Алампа отличаются и дневники московского периода (1925–1926 гг.), когда вследствие личной семейной драмы, тяжелой болезни и кончины друга и учителя А.Е. Кулаковского в Москве, произошел надлом в душе писателя.

Дневники Алампа впервые введены в научный оборот Г.П. Башариным в его монографии «А.И. Софронов: жизнь и творчество» [Башарин, 1969]. Также его дневники использованы в качестве биографического материала в монографии [Семенова, 2011] и докторской диссертации В.Г. Семеновой «Личность и творчество Анемподиста Софронова-Алампы в контексте зарождения становления якутской литературы» [Семенова, 2019].

В целом предлагаемые для исследования дневники вызывают большой научный интерес

еще и потому, что они создавались в эпоху кардинальных перемен в обществе и являлись в какой-то степени результатом социально-культурного шока, исторической травмы авторов, остро переживавших как личные драмы, так и тревогу за судьбу своей родины.

Дневники Кулаковского и Алампа таят в себе много интересного в научно-познавательном плане, и могут служить не только вспомогательным материалом для биографии писателей, но и являются самоценными текстами культуры, документами эпохи. Иными словами, если пользоваться определением Ю.М. Лотмана, это тексты, «нуждающиеся в дешифровке». Причем расшифровка дневников требует междисциплинарного подхода, предполагающего использование методологии различных социогуманитарных наук.

В статье анализ сконцентрирован на сравнении повествовательной и коммуникативной стратегий ведения дневников.

В работе над статьей теоретико-методологической базой исследования послужили как классические труды Ю.М. Лотмана [Лотман, 1992], М.М. Бахтина [Бахтин, 1996], так и работы последних лет: монографии А.В. Лашкевич об особенностях «дискурса персональности» в дневнике [Лашкевич, 2014], М.Ю. Михеева о проблемах самоидентификации в дневниковой структуре [Михеев, 2007], статьи о жанровых разновидностях личных дневников А.А. Зализняк [Зализняк, 2010], творческих интенциях авторов дневников Е.М. Криволаповой [Криволапова, 2016], лирическом начале, проявленном в дневниковом дискурсе Ю.В. Булдаковой [Булдакова, 2009], об уровнях приватности и публичности в дневниках Р.С. Черепановой [Черепанова, 2018] и т.д.

III. Результаты. В первую очередь, следует обратить внимание на то, что дневники А.Е. Кулаковского (в т.ч. ранние его дневники) и А.И. Софронова-Алампа ведутся на русском языке. Дневник Кулаковского полностью написан на русском языке. В первом дневнике Алампа ранние стихотворные и прозаические опыты, авторефлексивные записи написаны на русском языке. Со второй тетради все художественные произведения написаны на родном якутском языке, но авторефлексия в большинстве своем остается русскоязычной.

Ведение дневников на русском языке можно объяснить двумя моментами. В начале XX в.

общепринятым правилом среди образованных якутов было ведение частной переписки, мемуаристики, дневников на русском языке. Это было, с одной стороны, признаком принадлежности пишущего к интеллектуальной элите общества; с другой стороны, такой факт свидетельствует о влиянии литературной традиции, сформировавшегося в русской классической культуре «литературного сознания», которое задает определенные формы и законы создания автодокументальных текстов.

Так, предисловие Сеимчанского дневника Кулаковского перекликается с ранним дневником Л.Н. Толстого, где молодой писатель 14 июня 1850 г. пишет: «Опять принялся я за дневник и опять с новым рвением и с новой целью. Который уж это раз? Не помню. Все равно, может, опять брошу, зато приятное занятие и приятно будет перечесть, так же как приятно было перечесть старые. Мало ли бывает в голове мыслей, и которые кажутся весьма замечательными, а как рассмотришь, выйдет пустошь, иные же точно дельные – вот для этого-то и нужен дневник. По дневнику весьма удобно судить о самом себе» [Толстой, 1984: 22]. Схожие мысли изложены и в первой записи в Сеимчанском дневнике А.Е. Кулаковского, но, в отличие от молодого Толстого, якутский автор придает дневнику более глубокое значение, имея в виду важность своего жизненного опыта для будущих поколений: «Решился хоть попробовать вести дневник. Весь свой век мечтал об этом, но, не надеясь на свой безалаберный и ленивый характер, не решался на это. А теперь ужасно раскаиваюсь, но, как всегда бывает, раскаивание пришло слишком поздно. Раскаиваюсь неспроста: жизнь провел весьма содержательную для жителя Як[утской] об[ласти], полную всяких приключений и много странствовал, собирая на память (...) сведения по якутскому фольклору. <...> любопытно взглянуть чрез несколько лет на то, как я думал, о чем мечтал, чем был занят несколько лет тому назад, т.е. теперь. Ведь взгляды мнения и чувства каждого индивидуума все время изменяются, как стрелка барометра, прошлые мысли и чувства, раз они изменились, бывают смешны и комичны. <...> Итак, решаюсь на это дело – вести, хотя заранее уверен, что скоро заброшу его» [Кулаковский, 2018: 19]. Эти обширные цитации приведены для того, чтобы показать несомненное влияние классиче-

ских традиций ведения автодокументальной прозы на дневниковый дискурс якутского автора, что отражается не только в изложении мыслей, но и в стиле дневниковых записей. Кроме того, следует отметить, что для Кулаковского, как и для Толстого, важен вопрос самоидентификации и самооценки в дневнике, что определяет содержание автотекстов в целом.

Первый свой дневник под названием «Что-нибудь махонькое» А.И. Софронов начинает со стихотворных опытов на русском языке: «Посвящается И.Н.С.», «Мечта», «Разлука». Стихи в художественном отношении слабые, ученические, подражательные, но примечательно то, что в них уже намечается поэтический стиль будущего поэта-лирика. Элегический характер стихов, авторефлексивность, идущие от традиций русской элегии, как бы задают тон всему дневниковому дискурсу Алампана. С самых ранних записей складывается лирическое начало в жанровой структуре софроновских дневников, что проявляется не только в литературных опытах, но и в особом типе хронотопа, ритмически организованных синтагмах, поэтической лексике. И даже в названиях его дневников проявляется лирический характер: «Что-нибудь махонькое», «Книжка для записи чего-нибудь мелко-го», «Записи о том, о сем».

Творческие интенции рассматриваемых авторов также проявляются в целевых установках ведения дневника. Кулаковский, объясняя побудительную причину заведения нового дневника, строго последователен и четко мотивирован. Он исходит из просветительских, научных и творческих задач. Основной задачей для Кулаковского становится организация своей деятельности во время вынужденной ссылки. Дневник, по его словам, должен стать «подвинчиванием сил, спящих в тисках лениности». Поэт движется в своей целеустановке от прагматичных задач (фиксации времени и экономии пищевых запасов) к проблемам более духовного порядка, как самодисциплина в научной и литературной работе, самооценка в настоящем времени и во временном отрыве; желание быть прочитанным в будущем *Другими*, и, последнее, в дневнике найти равноправного «собеседника», чтобы «хоть на бумаге ...отводить душу» [Кулаковский, 2018: 19]. И, в целом, поэт, достаточно строго следует поставленным перед собой задачам, особенно того, что

касается самодисциплины в работе над словарем заимствованных слов и в литературной деятельности. Единственное, последней задаче – «отводить душу» – уделено мало места. Возможно, в силу обстоятельств автор остерегался излагать свои переживания и эмоции на бумаге – они могли в будущем стать поводом для новых политических обвинений. Лишь несколько эпизодов свидетельствуют о психологическом состоянии автора: это записи, касающиеся удовлетворения от проделанной работы, состояния здоровья, и о предпочтении сна реальной действительности.

Сеимчанский дневник Кулаковского по способу выражения авторского Я, хроникальной организации текста, описанию событий, еще не успевших стать прошлым, повествовательному типу текста соответствуют жанровым требованиям дневника как эго-документа.

В отличие от Кулаковского Алампа не ставит перед собой задачу планомерно вести дневник. В первом своем дневнике он задумывается о задачах ведения дневника (или записей) только тогда, когда больше половины тетради было уже исписано: «Что я должен написать в этой книж[ке], назначенной мной для записывания дневных впечатлений и оставленной без внимания?»¹ Его записи спонтанны и чаще всего написаны под впечатлением случившегося *здесь и сейчас* или пережитого недавно события. При этом событие часто не датируется и не описывается, автор больше сосредоточен на ментальном переживании события или явления.

Если в дневнике Кулаковского важными элементами являются датировка и связь с конкретным временем создания, «гиперактуальность», обусловленная интенцией автора запечатлеть текущий момент и свое активное участие в предложенных жизненных обстоятельствах, то

Күннээџи көрбүтү,
Көхсүгэ көөйнүбүтү
Оонньуу кэриэтэ
Ойуулуур кинигэ кынарга
Олохтоон энэһиппит³

для тетрадей Алампа характерна фрагментарность, сконцентрированность на своем внутреннем эмоциональном состоянии.

Это подтверждается и избранным стилем ведения дневников писателями. Кулаковский лаконичен, и вся лексика у него в основном со значением конкретного действия: «днем работал», «читал «Семена и всходы» – роман Дубровиной», «сажусь вечером писать беловик словаря» и т.д. Графическое оформление софроновского дневникового письма передает субъективное, экспрессивно-окрашенное восприятие события или явления, их индивидуальную интерпретацию: это постоянное использование многоточий, восклицательных и вопросительных знаков, парцелляций и вставок, инверсии и т.д. Например, запись от 21 июня 1926 г. гласит: «Ничего не хочется писать, в голову ничего не входит, что это значит? Эти дни прошли самые мучительные, самочувствие самое наихудшее. Во всем виноват я сам. Всю жизнь свою провел настолько глупо, что никто бы не допустил, в особенности в эту зиму. Куда себя готовить? к гибели что ли? это бы еще ничего, биир сымыыт ханна сыттыбатабай. Назло не погибнешь, а так будешь мучиться ходить. Как бы хорошо не жил, каких бы хороших условиях не находился, все для меня не то, очевидно меня ничто не удовлетворяет. Разве могила?, Да, таким тварям, именно место – могила. Жить хочется, но как и чем существовать?.. Неужели запуститься до самого низа...»².

В композиционном строении дневников Алампа следует отметить еще одну стилевую черту – он часто предваряет свои дневники стихами-эпиграфами. Так, дневник московского периода жизни поэта 1926 г. открывается пятистишием на латинице:

То, что за день увидел,
То, что в душу запало,
Словно играя,
В этой книге описать,
В песне о жизни воспеть⁴

¹Рукописный фонд ИГИиПМНС СО РАН. Ф. 4. Оп.28. Д.17. Л. 49.

²Рукописный фонд ИГИиПМНС СО РАН. Ф.4, Оп.28, Д.45.21 июня 1926 г.Л.12.

³Там же. Л. 1.

⁴Здесь и далее построчный перевод автора статьи.

Также и дневник «Память» («Күннээби кинигэ») 1927 г. начинается с двух одноименных стихотворений «Санаа салбырҕаһа» («Отрывки мыслей»), где поэт пишет о необходимости излить на бумаге накопившиеся мысли и переживания. Стихи-эпиграфы служат ориентиром для дневникового дискурса, задают лирическое начало всей композиционной и лексической структуре личных записей Алампа.

Анализ личного дневника как текста частного, но часто предполагающего опубликование, неизменно подводит к вопросу коммуникативных возможностей эго-документа.

Сеимчанский дневник Кулаковского изначально, с первой записи, как бы ориентирован вовне. Одной из причин ведения дневника для него становится надежда, что «может быть, жена и дети поинтересуются тем, как я жил в Сеймчане» [Кулаковский, 2018: 19]. В этом желании быть прочитанным семьей просвечивает и желание быть прочитанным будущими поколениями. И если автор в дневнике обращается к незримо-му собеседнику, то он имеет в виду условного читателя – *Другого*, равноправного собеседника, которого не может найти в том обществе, в котором он оказался («окружающие не могут меня удовлетворить своими беседами» [Там же: 19]. Кулаковский нацелен на будущего идеального читателя, интеллектуально подготовленного и могущего оценить масштаб его научной и литературной деятельности. Этим объясняется подробное описание собственных ежедневных действий и повседневной жизни северных якутов, определяющих быто- и нравописательность повествовательной структуры текста дневника.

Напротив, дневники Алампа характеризуются ограниченностью в коммуникативном плане – закрытостью для внешнего адресата. Его дневники – это записи *для Себя*, обращенные во внутренний мир самого автора. Предельная искренность, интимность записей, описание чувств и переживаний не имеют посылки *Другому* и являются примером автокоммуникации «Я – Я», когда пишущий становится читателем собственных авторефлексивных пометок. И даже если в его записях есть риторическое обращение, оно

адресовано не кому-либо – чужому, а себе, как *Другому Я*), способному взглянуть на себя более трезво и объективно.

Большинство записей Алампа интимного плана авторефлексивны, представляют собой процесс психологического самоанализа. Даже в автобиографии, которая в коммуникативном плане по законам жанра должна быть направлена на внешнего адресата, писатель ориентируется только на *Себя* и пишет: «Описание моей жизни никому, кроме меня самого, не интересно, так как оно ничем не выделяется от жизни других»¹.

Обширная по объему автобиография (всего 52 стр. ученической тетради), вошедшая в первый дневник «Что-нибудь махонькое», органично вписана в дневниковую стилистику. Она представляет собой ментальное переживание событий своего детства: чувства одиночества, бесприютности, ненужности своей семье, нерализованных желаний, неудовлетворенности жизнью и собой. Автор здесь не столь точен в датах, внешних событиях (время неопределенно: например, «(У приемных родителей) воспитывался до 3л. возраста, потом, *по нашим расчетам*, родители взяли меня обратно»). Бытовые события теряют свою значимость по сравнению с внутренними переживаниями автора. Лирические фрагменты встраиваются в текст автобиографии, придавая им субъективный, эмоционально-окрашенный характер: «Человек во время своей жизни стремится вперед, не довольствуясь тем, что дарует ему природа, хотя бы она из худшего своего положения выбирается на ... хорошую почву жизни»²; «Теперь всякому, внимательно прочитавшему человеку мою автобиографию появится такой вопрос: зачем ему грустить и жаловаться на судьбу, ибо его цель исполнилась ведь, он теперь со всеми с аристократами знаком, ведь он теперь получает большое жалование, живет хорошо, неужели он забыл те трудные годы, о которых он сам пишет, ведь он теперь живет аристократической жизнью, чего ему не доставало и что ему, недоучку, нужно? К чему еще стремиться?»³. И хотя здесь есть обращение к *Другому*, но эти вопросы бо-

¹Рукописный фонд ИГиИПМНС СО РАН. Ф.4. Оп. 28. Д.17. Л. 13.

²Там же. Л. 13.

³Там же. Л. 25.

лее обращены к себе самому, не понимавшему смятение своей души.

О спонтанности записей и авторефлексивности, не имеющей цели быть прочитанным *Другим*, говорит то, что Алампа не возвращался к ним для выправки текстов в грамматическом или стилистическом плане.

Если для Кулаковского важно описать внешний мир в конкретных деталях и оценить свои действия с точки зрения их полезности, то записи Алампа представляют собой «копание в своей душе», глубокую, полную драматизма, рефлексии. В некоторых записях самобичевание, самообличение доходят до предела, что находит отражение и в его лирике.

Сеимчанский дневник Кулаковского – это способ самоидентификации, самосохранения в условиях вынужденной изоляции от большого мира, и, главное, самосовершенствования через

Мин
Сураҗа суох олорон
Соҗотоҗун суруйбуппун,
Аата суох сылдыан
Анардасты саҗарбыппын,
Этигитэ суох эрэри
Эт тылбынан эпиппин,
Ыйааҗа суох эрэри
Ырыа диэн ыпсарбыппын,
Хонугу холобурдаан баран
Хоһуутун хостоорун,
Бириэмэтин билэн баран
Бэттэҕин билгэлээрин,
Сылын сыаналаан баран
Сыһһатын ырытаарын,
Күнүн ааҕан баран
Күлүү оностоорун,
Көмүс доҗотторуом!¹

Любопытна хронотопическая организация текстов дневников писателей. Если для Кулаковского время гиперактуально, поэтому он строго придерживается датировки изо дня в день, то для Алампа характерны ретардации, у него субъективно-лирический тип времени преобладает над объективным временем.

У Кулаковского все записи имеют итоговый характер: каждый день он подводит итоги дня, и главное в прошедшем дне – объем проделанной

научный, литературный труд. При этом ему важно зафиксировать текущее время и свои наблюдения над внешне-событийной жизнью.

В записных книжках и дневниках Алампа самосовершенствование идет через творчество. Дневники Алампа – релевантный ключ к его творчеству. По сути, у него дневниковыми становятся стихи, записанные в книжках. Они представляют собой исповедь души и занимают основное место в дневниках. В большинстве своем они датированы непоследовательно, но при соотнесении некоторых стихов с биографией поэта совпадают с какими-то событиями в его жизни. Но при этом сам поэт в одном из стихотворений, вошедших в записную книжку 1925 г. («Ону-маны суруйуу»), просил судить о его творчестве, учитывая время написания произведений, привязывая их и к историческим событиям и событиям в личной жизни:

(То, что) Я
в глухом одиночестве
без знатного имени написал,
в безызвестности проговорил,
без исповеди
и благословения
своим языком высказался,
без дарования свыше
как песню сложил,
с оглядкой на день создания
наизнанку выворачивайте,
разобравшись во времени,
судите-рядите,
оценив годы,
ищите ошибки,
просчитав дни,
осмеивайте,
золотые друзья мои!

за день работы. Повествование о собственной деятельности постоянно дополняется описанием повседневной жизни. У Алампа изредка появляются описания каких-то событий прошедшего дня, но опять-таки само событие не раскрывается, а описывается внутреннее состояние автора, его переживание момента.

Кулаковский последовательно излагает каждодневные занятия, и время для него имеет конкретные ориентиры: сегодня, вчера, завтра,

¹ Рукописный фонд ИГиИПМНС СО РАН. Ф.4. Оп.28.Д. 27. Л. 42.

утро, день, вечер, ночь, понедельник, воскресенье, Николин день и т.д. И он даже записывает в дневнике определенное время своей смерти: «Желудок дурит: прослужит не более трех лет» [Кулаковский, 2018: с. 51]. Это было написано в феврале 1924 г., через два с половиной года он умрет от тяжелой болезни желудка.

У Алампа время абстрактно и создает эффект «потока сознания», спонтанной речи, суггестивности. Даты пишутся фрагментарно. Записи не планомерны, а возникают по мере «накопления» переживаний. По традиции он записывает иногда какие-то бытовые детали о покупке продуктов, товаров первой необходимости, но они занимают совсем незначительное место в дневниках.

IV. Обсуждение. Сравнение дневников основателей якутской литературы закономерно приводит к мысли, что характер текстов дневниковых записей соотносим с индивидуальными поэтическими стилями авторов. Иными словами, эти дневники обладают собственными концептуальными и поэтологическими характеристиками, вписывающимися в систему их литературного творчества.

Преобладание внешнесобытийного повествования, особое внимание к деталям повседневности, наблюдения за характерами людей в их развитии в пространстве и времени, присущие дневнику Кулаковского, органично вписываются в повествовательный тип его поэтических текстов. Самокритичность, психологическая углубленность в авторефлексивных записях Алампа находят отражение в его медитативной лирике, особенно в ее элегических жанровых формах, исходящих из эмоциональных состояний автора – «мунгатыйы» (сетование на судьбу), «суланьы» (раскаяние, причитание), «ааттал» (мольба). Чувственное восприятие жизни, порой мучительное переживание своих недостатков и ошибок определяют рефлексивный характер как его дневниковых записей, так и поэзии. Вместе с тем избыточность художественных произведений (не только стихотворных, но и прозаических и драматических) в дневниковом теле говорит о большой работе поэта над разноплановыми текстами, в которых психологическая углубленность, философское отношение к жизни стали основными характеристиками индивидуально-авторского стиля.

В этом отношении нарративный характер дневников А.Е. Кулаковского находится в едином ключе с его эпической (повествовательной) поэзией, основателем которой он является. Психологическая углубленность дневников А.И. Софронова служит еще одной важной характеристикой его творчества в целом. Дневник подтверждает идею о том, что Алампа стал основателем, первым «законодателем» нравственно-психологической прозы и драмы, медитативной лирики в якутской литературе.

Таким образом, дневник становится особенно пронизывающим для художественно-стилевых доминант творчества первых якутских писателей.

Исследователь Р.С. Черепанова предполагает разделение дневников на личностный и личный [Черепанова, 2018]. Сеимчанский дневник Кулаковского может быть отнесен к личностным дневникам, в котором культурная, дискурсивная и интертекстуальная погруженность, коммуникативная стратегия представляет некий общественный перформанс. Эти качества дневника обусловлены доминированием общественных интересов и гражданской позицией автора. Дневник Алампа более частного характера, но при этом ни в коей мере нельзя говорить об отсутствии общественного начала и гражданской позиции в его дневниках. Восторженное принятие новых прогрессивных веяний в обществе, полные драматизма записи о болезни и смерти Кулаковского, уход которого воспринимается писателем как большая утрата, трагедия для всего народа саха; черновики переписок с современниками и единомышленниками; увлеченная работа над первым номером журнала «Чолбон» вплоть до его полиграфического оформления; размышления автора о роли театра и литературы для культуры народа – все это говорит о его активной гражданской позиции, искренней заботе о судьбе своего народа. Но в аналитике дневника большой интерес представляют именно самооценка и самоидентификация автора, что наиболее ярко выявляется в авторефлексивных записях, поэтому, наверно, следует расценивать тетради Алампа как личные дневники, написанные для *себя*. Хотя Черепанова считает, что «тексты, написанные в чистом виде “для себя” едва ли будут полны риторических вопросов, развернутых литературных описаний, пояснений о деталях, которые неизвест-

ны посторонним, самооправданий и обращений, то есть того, что выдает интервенцию публичности в виде литературных или политических дискурсов. Зато эти тексты полны сокращений и обрывов, непонятных для постороннего читателя» [Черепанова, 2018: 49]. Неразвернутость литературных описаний, отсутствие событийных деталей, самообличение без самооправдания, обрывочность записей – все это присуще дневнику Алампа, за исключением риторических обращений и восклицаний, которые у него имеют несомненный характер обращений к себе самому.

В. Заключение. Таким образом, рассмотренные эго-документы основателей литературной традиции А.Е. Кулаковского и А.И. Софронова представляют научный интерес с точки зрения как литературоведения, так и интеллектуальной истории, выдвигающей сегодня на первый план «проблему персональной идентичности и индивидуального выбора» [Репина, 2010: 54]. В дневниках и записных книжках в разных ракурсах раскрываются характеры известных персоналий, прослеживается процесс их самоидентификации как творческих личностей. Вместе с тем в них раскрываются творческие интенции авторов, утверждаются индивидуально-стилевые черты их поэтики. Стилистика дневника А.Е. Кулаковского вплотную связана с повествовательной структурой его поэзии. А доминирование лирического начала в дневниках А.И. Софронова-Алампа вписывается в систему медитативной лирики поэта, особенно его эгетического дискурса.

Таким образом, сравнительный анализ текстов Сеимчанского дневника А.Е. Кулаковского и А.И. Софронова с точки зрения повествовательной и коммуникативной структуры (композиции, хронотопа, стиливых особенностей, специфики адресации) способствует выявлению доминирующих стиливых черт поэтики их творчества в целом.

В настоящем исследовании впервые принят анализ дневников якутских писателей, являющихся по своей значимости основателями целого направления в истории культуры народа саха. Сравнительный аспект позволил выявить индивидуально-авторские стиливые особенности и комплекс устойчивых свойств их дневников в соотношении с литературным творчеством.

Целесообразность такого подхода видится в том, что дневник выступает как самоценный художественно-документальный объект культуры, включающий отношение к дневнику как к вспомогательному материалу для биографии.

Список литературы:

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1996. Т. 5. С. 159–206.

Башарин Г.П. А.И. Софронов (Жизнь и творчество). Якутск, 1969. 64 с.

Бондарь И.А. Эго-текст и эго-документ в литературном процессе // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2013. №6. С. 107–115.

Булдакова Ю.В. Лирическое начало в жанровой структуре дневника писателя (на материале литературы русского зарубежья) // Вестник Вятского ПГУ. 2009. № 3 (1). С. 102–105.

Зализняк А.А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 162–181.

Криволапова Е.М. Роль авторской интенции в создании дневникового текста // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. № 4 (23). С. 66–73.

Кулаковская Л.Р. Научная биография А.Е. Кулаковского: личность поэта и его время. Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.

Кулаковский А.Е. «Сеимчанский дневник» А.Е. Кулаковского. 1923-1924 гг. Эксклюзивное издание. Якутск: Бичик, 2018. 64 с.

Лашкевич А.В. Личный дневник и жанры «дискурса персональности» в контексте межкультурной коммуникации: монография. Ижевск: издательство «Удмуртский университет», 2014. 173 с.

Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. 479 с.

Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX - XX). М.: Водолей Publishers, 2007. 262 с.

Репина Л.П. История через личность: Историческая биография сегодня [Под ред. Л. П. Репиной]. 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. 720 с.

Романова Л.Н. «Сеимчанский дневник» в интеллектуальной биографии А.Е. Кулаковского: коммуникативные стратегии автора // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 1. С. 225-229.

Семенова В.Г. Личность и творчество Анемподиста Софронова-Алампы в контексте зарождения становления якутской литературы: дис. ... д-р. ист. наук. Якутск, 2019. 566 с.

Семенова В.Г., Тобуроков Н.Н. Дневник как отражение личности писателя (на материале дневни-

ков А. Софронова и С. Данилова) // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, 2018. № 1 (67). Часть 4. С. 133–136.

Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 тт. Т. 21. М., 1984. С. 22

Черепанова Р.С. Личный дневник: уровни приватного и дискурсы публичного (на примере нескольких дневников советской эпохи) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2018. Т. 18. № 2. С. 49–54.

Семенова В.Г. Алампа. личность норуот история-тыгар суолтата (Алампа: роль личности в истории народа). Дьокуускай: «Ситим-медиа» ХЭТ, 2011. 448 с.

Сэмэн Данилов дневнигэ (Дневник Семена Данилова). Бэрдьигэстээх, 2018. 304 с.

Софронов А.И. Айымньылар: 4 томнаах. Т. 4. Тылбаастар. Айымньылар. Ыстатыйалар. Докумуоннар (Переводы. Произведения. Статьи. Документы). Дьокуускай: Бичик, 2011. 480 с.

Тобуроков Н.Н. Өксөкүлээх Өлөксөй олобун уонна айар үлэтин үрдүк үөрэх кыһатыгар үөрэтии (Изучение жизни и творчества Ексекулях Алексея в высшем учебном заведении). Якутск: Кудук, 2001. 110 с.

References

Bahtin M.M. *Problema rechevyh zhanrov* [The problem of speech genres]. Bahtin M. Collected works in 7 numbers. Moscow: Russian dictionaries Publ., 1996. Volume 5. Pp. 159-206. (In Russian)

Basharin G.P. *A.I. Sofronov (Zhizn' i tvorchestvo)* [A. Sofronov (Life and Work)]. Yakutsk: Yakutsk book Publ., 1969. 64 p. (In Russian)

Bondar' I.A. Jego-tekst i jego-dokument v literaturnom processe [Ego-text and ego-document in the literary process]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela* [Journal of Higher Education Institutions. Problems of printing and publishing]. 2013. №6. Pp. 107-115. (In Russian)

Buldakova Ju.V. Liricheskoe nachalo v zhanrovoj strukture dnevnika pisatelja (na materiale literatury russkogo zarubezh'ja) [Lyrical beginning in the genre structure of the writer's diary (on the material of literature of the Russian diaspora)]. *Vestnik Vjatskogo PGU* [Journal of Vyatka State Pedagogical University]. 2009. № 3 (1). Pp. 102–105. (In Russian)

Cherepanova R. S. Lichnyj dnevnik: urovni privatnogo i diskursy publichnogo (na primere neskol'kih dnevnikov sovetskoj jepohi) [Personal diary: levels of private and discourses of the public (on the example of several diaries of the Soviet era)]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Journal of the South Ural State University]. Series: social sciences and humanities. 2018. T. 18. № 2. Pp. 49-54 (In Russian)

Krivolapova E.M. Rol' avtorskoj intencii v sozdanii dnevnikovogo teksta [The role of the author's intentionality in the creation of a diary text]. *Teorija jazyka i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Theory of language and intercultural communication]. 2016. № 4 (23). Pp. 66-73. (In Russian)

Kulakovskaja L. R. *Nauchnaja biografija A. E. Kulakovskogo: lichnost' pojeta i ego vremena* [Scientific biography of A. E. Kulakovsky: the personality of the poet and his time]. Novosibirsk: Science Publ., 2008. 296 p. (In Russian)

Kulakovskij A.E. “Seimchanskij dnevnik” A.E. Kulakovskogo. 1923-1924 gg. [“Seimchan diary” by A.E. Kulakovsky. 1923-1924]. Exclusive edition. Yakutsk: Bichik Publ., 2018. 64 p. (In Russian)

Lashkevich A.V. *Lichnyj dnevnik i zhanry “diskursa personal'nosti” v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii: monografija* [Personal diary and genres of “discourse of personality” in the context of intercultural communication]. Izhevsk: «Udmurtskij universitet» Publ., 2014. 173 p. (In Russian)

Lotman Ju.M. *Izbrannye stat'i: v 3 tomah. Tom 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected articles: in 3 vols. Volume 1: Articles on semiotics and typology of culture]. Tallinn: Aleksandra Publ., 1992. 479 p. (In Russian)

Miheev M.Ju. *Dnevnik kak jego-tekst (Rossija, XIX - XX)* [Diary as an ego-text (Russia, XIX - XX)]. Moscow: Vodolej Publ., 2007. 262 p. (In Russian)

Repina L.P. *Istorija cherez lichnost': Istoricheskaja biografija segodnja* [History through Personality: Historical Biography Today]. Edited by L.P. Repinoj. Edition 2. Moscow: Kvadriga Publ., 2010. 720 p. (In Russian)

Romanova L.N. “Seimchanskij dnevnik” v intellektual'noj biografii A.E. Kulakovskogo: kommunikativnye strategii avtora [“Seimchan diary” in the intellectual biography of A.E. Kulakovsky: communicative strategies of the author]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2019. Volume 12. № 1. Pp. 225-229. (In Russian)

Semen Danilov dnevnige [Semen Danilov's diary]. Berd'igesteekh, 2018. 304 p.

Семенова В.Г. *Алампа. Личност' норуот история-тыгар суолтата* [Алампа. The role of personality in the history of the people]. Д'окуускай: “Ситим-медиа” Publ., 2011. 448 p. (In Yakut)

Семенова В.Г. *Личност' i tvorchestvo Anempodista Sofronova-Alampy v kontekste zarozhdenija stanovlenija jakutskoj literatury* [Personality and creativity of Anempodist Sofronov-Alampa in the context of the origin of the formation of Yakut literature]. Dissertation of the candidate of historical sciences. Yakutsk, 2019. 566 p. (In Russian)

Semenova V.G., Toburokov N.N. Dnevnik kak otrazhenie lichnosti pisatelja (na materiale dnevnikov A. Sofronova i S. Danilova) [Diary as a reflection of the writer's personality (on the material of the diaries of A. Sofronov and S. Danilov)]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International research journal]. Ekaterinburg, 2018. № 1(67). Part 4. Pp. 133-136. (In Russian)

Sofronov A.I. Aaymn'ylar: 4 tomnaakh. Tom 4. Ty-lbaastar. Aaymn'ylar. Ystatyyalar. Dokumuonnar [Works: in 4 volumes. Volume 4. Translations. Works. Articles. The documents]. D'okuskay: Bichik Publ., 2011. 480 p. (In Yakut)

Toburokov N.N. Өксөкүлөкх Өлөксөй олоҕун уонна аяр үлөтүн үрдүк үөрөхх кыһатыгар үөрөтүү [Studying the life and work of Eksekulyah Alexey in a higher educational institution]. Yakutsk: Kuduk Publ., 2001. 110 p. (In Yakut)

Tolstoj L.N. Sobr. soch. v 22 tt [Collected works in 22 vols.]. T. 21. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1984. Pp. 22. (In Russian)

Zaloznjak A.A. Dnevnik: k opredeleniju zhanra [Diary: to define the genre]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review]. 2010. № 106. Pp. 162-181. (In Russian)

L.N. Romanova

Diaries of A.E. Kulakovsky and A.I. Sofronov: Experience of Comparative Analysis

Scientific novelty. The article presents a comparison of the personal diaries of A.E. Kulakovsky and A.I. Sofronov-Alampa from the point of view of their narrative and communicative structure. Common structural and semantic elements are revealed. For the first time, diaries are considered from the point of view of their correlation by the work of the first Yakut writers. It is proved that the features of the narrative style of the diaries organically fit into the poetic system of their work.

The aim of the article is to compare the author's intentions that determine the narrative and communicative functions of the text of the diaries of the first Yakut writers their compositional and stylistic features as well as identifying the specifics of the creative method of keeping personal records.

Research methods. The study was conducted on the material of the A.E. Kulakovsky's diaries stored in the National Archives of the RS (Yakutia) and diaries and notebooks of A.I. Sofronov available in the Manuscript Fund of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS. Comparative-typological *methods* are used in the analysis of the composition, language and chronotope of diaries. As necessary, the author turned to the methodology of an interdisciplinary approach to the texts of culture.

Results. A comparative analysis of the narrative and communicative strategies of the diaries of the first Yakut writers showed their close connection with literary creativity. Analysis of composition, language, as well as communicative functions of auto-documentary texts indicates that diaries should be considered as a single text of culture on a par with the work of writers.

Keywords. diary, storytelling, communicative strategies, lyrical beginning, autoreflexion

О.И. Чарина

DOI: 10.25693/SVGV.2021.37.4.012

УДК 398.21(571.56+571.65)

Сказки русских исполнителей Северо-Востока Сибири: иноэтническое влияние

Новизна исследования основана на сопоставлении характера бытования отдельных заимствованных фольклорных текстов сказок в репертуаре разных исполнителей. Для определения особенностей

© Чарина О.И., 2021

исполнения эпических текстов были привлечены записи известных фольклористов Н.А. Габышева, Е.И. Шастиной.

Цель статьи – на основе записей, произведенных в середине XX в. учеными-полевиками в Якутии на Индигирке и в Иркутской области, изучить особенности внедрения в русский фольклор произведений, усвоенных у соседних народов. Рассматриваются два текста, отразивших разные подходы влияния якутского фольклора и языка.

Методы исследования. Исследование опирается на значительные труды ученых-сибиряков А.Б. Соктоева, Е.И. Шастиной, Р.П. Матвеевой. Привлекаются основные тексты, опубликованные в двух важнейших сборниках по фольклору русских старожилов Якутии. Проводится сравнительно-сопоставительный анализ текстов, исполненных двумя сказочниками в разных местах проживания.

Результаты исследования. Уточнен характер эпических произведений, выяснены особенности заимствования. Автор останавливается на некоторых приемах, организующих текст двух сказителей. Выяснено, что характер заимствования различный, связан как с личностью исполнителя, так и с особенностями бытования текстов в иноязычной среде. Например, сказка, усвоенная Ф.Е. Томшиным, основана на сюжете олонхо, привнесенном в иркутскую литературу А.С. Ольхоном, а произведение фольклора, исполненное С.П. Киселевым, имеет более сложные фольклорные связи.

Ключевые слова: локальная специфика, заимствования, влияние, былины, песни, сказки, олонхо, зачин, повторы

1. Введение. В 2000-е – 2020-е гг. современная фольклористика уделяет пристальное внимание фольклору отдельных местностей и регионов. Также на современном этапе глубокий научный интерес вызывает сохранение фольклора в местности, которая находится в отрыве от метрополии, и при этом фольклор находится в тесном взаимодействии с языком и фольклором соседних народов. В этой связи представляется актуальным всесторонне рассматривать вопросы взаимодействия, которое испытывают произведения фольклора, образованного разнокультурными традициями.

При уточнении темы работы важны вопросы взаимовлияния в народной культуре соседствующих этносов Республики Саха, которые следует связывать со следующими фактами: временем заселения, а также с опытом совместного проживания русских, с одной стороны, и якутов, эвенов, эвенков, юкагиров и прочих народов, населяющих Якутию, – с другой. Вместе с тем в исследовании мы выходим за границы Республики Саха (Якутия) в силу того, что имеется пример усвоения и фиксации исполнения произведения якутского фольклора исполнителем из Иркутской области. Также в научном плане интересны личности сказочников, которые вводили в свой репертуар произведения иноэтнического эпического фольклора. Представляется важным уточнить особенности усвоения конкретного текста из фольклора соседнего этноса.

В данной работе определим характер влияния якутского олонхо на сказку, рассказанную Ф.Е. Томшиным на Лене, причем следует отметить, что село, где проживал сказочник, находится в нижнем течении Лены в пределах Иркутской области. А также будем разбираться в путях усвоения сказки, записанной от С.П. Киселева в Русском Устье на Индигирке, так как прямой зависимости от якутского сюжета здесь не прослеживается.

Как известно, якутское олонхо распространено практически во всех улусах республики, а характер влияния якутского фольклора на русский отражен в географически ограниченном месте – на Северо-Востоке Якутии, и, видимо, случайно, на Лене в пределах Иркутской области.

Фольклор старожилов делится на две группы. Так, первая группа связана с тем, что поселенцы–носители фольклорных традиций осваивали бассейны рек Индигирки и Колымы, это характеризуется закрытым характером бытования с незначительными лексическими и образными заимствованиями из якутского фольклора. Вторая группа ассоциирована со средним течением Лены, где прослеживаются явные следы влияния якутского языка, фольклора и мировоззрения. Приход русских связан с началом заселения и освоения Сибири примерно в XVII – XVIII вв. На Лене фольклор бытовал в условиях открытого влияния: иного фольклора, влияния жанров русского фольклора вновь приходящих поселенцев, некоторых произведений совре-

менной литературы, постепенно входящих в репертуар исполнителей.

Устное творчество изолированной группы русских постепенно испытывает влияние жанров, отдельных эпизодов, образов со стороны их этнического соседа. Так, экспедиция в Русское Устье и Чокурдах в декабре 2001 г. показывает, что в целом заметно влияние различных фольклорных заимствований со стороны эвенского, юкагирского и якутского фольклора и языка. В свою очередь русский фольклор оказал влияние на песни, частушки, мемораты, появившиеся в юкагирском и якутском фольклоре.

II. Материалы и методы. В своем исследовании мы опираемся на материалы экспедиции, осуществленной в 1946 г. группой исследователей Института языка и культуры при Совнарком ЯАССР в с. Русское Устье Аллаиховского района. Кроме того, в данной статье мы привлекаем тексты сказок и публикацию по русскому фольклору, которые собрала Е.И. Шастина в Верхнем Приленье.

Основными для нас остаются исследования по русскому фольклору, которые были осуществлены при создании двух академических сборников по русскому фольклору в Якутии. Для освещения фольклора русского старожильческого населения Северо-Востока Якутии важным является сборник «Фольклор Русского Устья» [ФРУ, 1986], а также публикации русского эпического фольклора в рамках эпической традиции в Сибири и на Дальнем Востоке, связанной с изданием серии «Памятников фольклора» – «Русская эпическая поэзия Сибири» [РЭП, 1991]. Основополагающим трудом по изучению сказок является работа В.Я. Проппа [Пропп, 1969]. Некоторые практические и теоретические методы исследования, вскрывающие характер взаимодействия этнокультурных традиций, которые, на ее взгляд, связаны с типологическими связями и общностью мотивов, предлагала Н.А. Криничная [Криничная, 1995, с.32–40]. С.Ю. Неклюдов проводил сопоставление бурятского героического эпоса и русской былины [Неклюдов, 1977: 126–134].

В исследовании проводится описание текстов сказок, уточняется характер взаимосвязей героев, осуществляется сравнительно-сопоставительный анализ текстов на уровне сюжетов, образов,

стиля, исполненных двумя сказочниками на Индигирке и в Иркутской области.

Литература по русскому фольклору старожилов Якутии

При подготовке томов о сказках в Сибири и на Дальнем Востоке А.Б. Соктоев также обратился к проблеме влияния русских сказок на творчество народов Сибири [Соктоев, 1998: 455–465]. Сюжеты якутских олонхо рассматривал Н.В. Емельянов [Емельянов, 1990].

Для изучения влияния якутского фольклора и языка на русский старожильческий фольклор важны исследования Ю.И. Смирнова, Н.В. Емельянова, Ю.Н. Дьяконовой, С.Д. Мухоплеванной [Якутские народные сказки, 2008: 11–56]. Эти исследования служат не только доказательством актуальности изучения фольклора в аспекте взаимовлияния культур, но и предлагают некоторые методологические приемы, которые показывают значение бытования, сохранения и адаптации традиции одного народа в его непосредственной связи с другим. Вопросами взаимовлияния в русском и якутском фольклоре занималась Ю.Н. Дьяконова в работе «Русско-якутские фольклорные связи» [Дьяконова, 1983: 66–71].

Р.П. Матвеева обратила внимание на то, что «огромное влияние на северо-восточную сказочную традицию оказала местная былинная традиция» [РССДВ: ВЖ, 1993: 24]. Н.П. Соболева отмечала, что «совершенно особая местная сказочная традиция, сложившаяся в условиях оторванности, изоляции и инонационального окружения, характеризуется преобладанием здесь сказок волшебных, фольклоризацией древнерусских повестей, почти полным отсутствием бытовых сатирических сказок за исключением сюжета “Шут”, который претерпел влияние аборигенного фольклора» [РССДВ: ЛБ, 1992: 31]. Р.Н. Базилишина изучала корпус русских сказок на Индигирке [Базилишина, 2000].

На современном этапе якутскими сказками последовательно занимается Н.В. Павлова [Павлова, 2020]. Таттинскую традицию олонхо, где бытовал сюжет о Ньургуне Боотуре, изучает Н.А. Оросина [Оросина, 2014; 2015]. Некоторым вопросам сказывания прозаических жанров фольклора посвящены статьи автора [Чарина, 2013; Charina, 2018]. Мы в своем исследовании останавливаемся на отдельных видах влия-

ний, отразившихся на разных уровнях сюжетов русского и местного (юкагирского, якутского) фольклора: усвоение жанров иного фольклора, влияние образов, мотивов и языка.

III. Результаты. На основе сюжетов, образов героев, отдельных приемов и средств рассматриваются некоторые особенности взаимодействия русского и якутского фольклора.

В творчестве отдельных сказителей существуют редкие сюжеты, не свойственные общему репертуару, усвоенные из других источников. Для уточнения заимствования этих сюжетов, особенностей, проявившихся при изменении текстов, обратимся к личностям двух сказителей: Филиппа Егоровича Томшина из с. Старцево Иркутской области и Семена Егоровича Киселева из с. Русское Устье Аллаиховского района Якутии.

Личность Филиппа Егоровича Томшина заинтересовала Е.И. Шастина: «Сказывать начал Ф.Е. Томшин еще маленьким ребенком, “как только балякать стал”» [Шастина, 1975: 27]. Родители его рано умерли, на сходе села решили всех детей передавать из семьи в семью. Маленький Федор старался прижиться, умел запоминать. Его взяла одна семья, он отучился всего два года, стал ходить из села в село и рассказывать сказки. Как отмечала Е.И. Шастина, Томшин рано понял направление сказок, понял, где какой сюжет можно рассказывать. Сказок в его творчестве было много, помимо этого, он рассказывал былички, бывальщины. К сожалению, годы жизни не известны, но установлено, что он был моложе С.П. Киселева [Там же: 24–45].

Его репертуар, в который входило примерно 60 текстов, как отмечала Е.И. Шастина, включал традиционные сказки, например «Про трех сестер (Три царства)», «Сабля-невидимка (Портупей Прапорщик)» [Там же: 167], перешедшие в сказочный репертуар былины – «Илья Муромец» [Там же: 169], усвоенные из авторских сказок – «Про спящую царевну, которая 300 лет лежала» [Там же: 169]. Вместе с тем есть у него сказка «Вергун», которая более не встретилась в данном регионе.

Семен Петрович Киселев (Хунай) родился и всю жизнь провел в Русском Устье. Как писал Г.Л. Венедиктов, «исполнителями сказок были его родители Петр Михеевич и Аграфена Семеновна. Отец особо славился как рассказчик, и,

будучи приказчиком у купца, мог неограниченно пополнять свой репертуар. Сам же С.П. Киселев, по словам С.И. Боло, сказывал с 12 лет» [ФРУ, 1986: 304]. Многие произведения фольклора (былины, исторические песни, сказки) усвоил его сын Егор Семенович Киселев, правда, его репертуар был значительно меньше. Семен Петрович Киселев – наиболее известный исполнитель самых разных жанров фольклора на Северо-Востоке Якутии (1885–1947).

Особенности фольклорного репертуара С.П. Киселева

Г.Л. Венедиктов во вступительной статье к корпусу сказок в сборнике «Фольклор Русского Устья» отметил: «Основную часть текстов сборника составляют записи, произведенные в 1946 г. Н.А. Габышевым <...> записано от него (С.П. Киселева) 11 былин, 65 сказок, 68 песен, много загадок, пословиц и поговорок» [ФРУ, 1986: 7; 11]. Между тем, опубликовано 36 сказок, 6 былин, 10 исторических песен. 10 сказок заимствованы из фольклора местных народов. Известно, что Киселев считал, что текст сказки нельзя пересказывать иначе, «категорически отрицал полезность нового элемента в фольклоре» [Там же: 304]. Продолжается уточнение репертуара сказителя С.П. Киселева, возможные пути внесения в его репертуар эвенских сказок.

Сказка «Вергун», рассказанная Томшиным

Как писала Е.И. Шастина: «Вопросы взаимовлияния на уровне сюжетов, образов иные. Редким, но характерным примером использования сюжета олонхо в русском фольклоре явилась сказка “Вергун”» [Шастина, 1975: 82–95]. Ей удалось записать представленный в виде сказки перевод писателя А.С. Ольхона олонхо «Нюргун Боотур Стремительный». Произведение было опубликовано в книге «Анатолий Ольхон. Волшебные сказки. Иркутск, 1963» [Там же: 168]. Анатолий Сергеевич Пестюхин (Ольхон) родился в Вологде, некоторое время проживал в Иркутской области, переводил якутские, бурятские и другие произведения фольклора. Как видно из заглавия переведенной им «сказки о Нюргуне Боотуре Стремительном Светлом витязе», А.С. Ольхон пересказал олонхо К.Г. Оросина, которое было издано в 1947 г. очень близко к якутскому источнику. Г.У. Эргис, изучая героический фольклор якутов, описывал в олонхо о Нюргуне Боотуре этого персонажа

как защитника своего рода и племени [Эргис, 1974: 194–195]. Предположительно, известный сказитель Ф.Е. Томшин слышал сказку в пересказе, а не прочитал ее в переводе Ольхона¹.

В завязке сказки сообщается, что «жили-были в старину люди. Жили они плохо. Часто нападали на их места Железный великан, Черный верзила и Дракон. Они зорили села, топтали поля, луга. Порубили весь лес, скот, хлеб потаскали. Нечем стало людям жить» [Шастина, 1975: 82]. Далее в соответствии с полисюжетностью олонхо в сказке Томшина сообщается, что главный герой спасает последовательно сестру, молодую девушку, несколько девушек и юношей, вступает в бой с женщиной-богатыршей и спасает ее брата [Там же: 82–95]. Общую привлекательность сказке Томшина придают образы брата и сестры, посланных по просьбе людей батюшкой Светом и его женой Луной людям на помощь. Обязательная детализация, связанная с домашними образами «негасимого огонька, коновязи и жеребеночка», также показывает, что олонхо явилось источником сказки [Там же: 83]. Конкретно выписаны образы антагонистов героя: Змей, Верзила, Дракон, карлик [Там же: 84–92]. Герою постоянно помогает его «конь», могут приходить на помощь птицы: Верзиле помогает ворон, он дает ему свою «крох» («кровь»). Вергуну приходит на помощь Белая птица, она сбрасывает ему «туесочек». Вергун сталкивает Верзилу в «море огня» [Там же: 85]. К концу повествования Вергун женит брата на дочери бабушки, сестру выдает замуж за сына бабушки.

События проходят на протяжении ряда лет, где в концовке произведения Вергун ищет себе жену. О связи сказки с якутским олонхо свидетельствуют такие образы, как кони, коновязи, негасимый огонь. Так, в описании Среднего мира у Н.А. Оросиной видим, что есть «дома, усадьбы; коновязи; священное дерево» [Оросина, 2014: 404].

Текст завершается типичной для русской сказки концовкой, после всех мытарств герои женятся, занимаются мирной жизнью, и следует конечная присказка: «Во дворе стоял колодец, в колодце рыба елец, и моей сказке конец» Шастина, 1975: 95]. Сама сказка занимает семь разворотов при размере листа А5. Другие сказки этого ис-

полнителя могут иметь размер 7,5 разворотов – «Сабля-невидимка» или 5 разворотов – «Приключения двух охотников» [Там же: 58–81].

Поскольку Томшин практически не упоминает имен героев, возможен вывод, что Томшин рассказывал произведение для русскоязычных слушателей, настроенных слышать многоходовые сказки без сложных имен героев. Сюжет сказки «Вергун» разворачивается последовательно: герой с сестрой спускается на землю, совершает ряд подвигов, женится.

Особенности сказывания произведений фольклора С.П. Киселевым

На наш взгляд, сказка «Три богатыря» показывает сложный процесс создания фольклорного произведения, построенного из нескольких сюжетных эпизодах. Сказка по размеру относится к средним в исполнении С.П. Киселева, у него есть сюжеты гораздо длиннее, например, «Подсолнешна красота» [ФРУ, 1986: 58–66].

Повествование построено согласно кольцевой композиции, когда начало повествования связано с концовкой: речь в сказке идет о некоем человеке, который не знает «то ли с неба упал, то ли из земли вишёл», он решил сделать лук – не получилось. Далее сообщается, что он сломал лук на глазах у царя. После он попадает в концевую юрту, где живут старуха «с выкопанным глазом, со сломанной ногой, со сломанной рукой», а у старика тоже «рука-нога» сломаны, глаза нет. У первого героя появляется имя – «Дурак Сибиряк». Старик-хозяин рассказал свою историю: он родился «у осса и матери», пошел в лес, заблудился. Видит – юрта, там живут двенадцать разбойников. Они нападают на купца, который ехал «на белом и черном конях», однако тот при помощи «стросточки» легко справляется с врагами. Герой попадает к купцу: у него есть отец, мать, три сестры. Здесь проявляется тяготение Киселева к детализации. Далее сообщается о том, что происходит бой с тремя богатырями. В этой части сказки купец-богатырь требует, чтобы помощник будил его при помощи пятипудового молотка. Помощнику это не под силу, но от его слезы богатырь просыпается. Трижды купец-богатырь уходит на битву, просит героя помочь по хозяйству, а после битвы помочь распрячь коня. Герою в свою очередь

¹Возможно двоякое написание имени богатыря: Нюргун и Ньургун.

помогает старшая сестра хозяина. На третий раз герой помогает купцу-богатырю расправиться с третьим богатырем, берет перстень у поверженного. Купец-богатырь приказывает отдать перстень, иначе богатырь очнется. Потом помощник героя женится на сестре купца-богатыря, и все едут на бал к сару. Герой (помощник купца) хвастается тем, что это они расправились с тремя богатырями – сыновьями сара. Вдруг оказывается, что богатырь, который расправился с тремя богатырями, переломал нашего героя и его жену. С тех пор пара живет в этом городе, «дак ничем не хвастает» [РЭП, 1991: 299–302]. В концовке сказки Дураку Сибиряку сообщается, что необходимо скромно вести себя в обществе.

Сказка является сложным произведением с несколькими ходами сюжета. Ю.И. Смирнов считал, что «сказка в целом не имеет аналогов в европейской части страны», при этом он рассматривал возможности появления сказки в репертуаре русскоустыинского исполнителя [Там же: 423].

Рассмотрим две важнейшие позиции, которые характеризуют заимствование из другого языка и фольклора. Нам важны сходные явления и различия, проявляющиеся при заимствовании сюжетов и связанные с личностью рассказчика.

Особенности текстов, которые сближают заимствованные сюжеты

Сказители Ф.Е. Томшин и С.П. Киселев старательно пересказывают усвоенные из иноэтнических сказок-первоисточников сюжеты, стараясь не пропустить различные ходы и повороты, не упускают из виду других персонажей. Томшин последовательно рассказывает о перипетиях, которые претерпевает Вергун на пути к всеобщему счастью. А Киселев показывает произведение, которое имеет некоторые особенности композиции, проявившиеся в том, что здесь присутствует рассказ в рассказе: старик в ответ на события, происшедшие с Дураком Сибиряком, сообщил свое жизнеописание, отвечающее на вопрос: «Почему старик и старуха такие изувеченные?» Начало сказки говорит о том, что оно, возможно, усвоено из эпоса юкагиrow или эвенов: «Жил-бул один человек. И сам не знает – то ли с неба упал, то ли из земли вышел» [РЭП, 1991: 299]. В этом отношении можно указать на зачин юкагирской сказки «Один юноша, проснувшись [однажды – так в тексте – О. Ч.], осознал, что не знает,

откуда он родом [Фольклор юкагиrow, 2005: 267]. Так, и в тексте эвенов есть начальные строки:

Храбрый Седани-богатырь <...>

Кто были предки его,

Совсем он не знал.

Не было у него добросердечной

Родной матери.

Родившего [его] на свет почитаемого отца» [ФНКСиДВР, 2002: 276].

У каждого сказителя обязательно есть образы, свидетельствующие о месте и времени сюжета.

Так, Томшин описал Срединный мир, характерный для олонхо: «дымочек валит, стадо пасется скота» [Шастина, 1975: 93]. Становится понятно, о какой жизни мечтают обитатели Срединного мира после длительных гонений и мытарств.

В сказке «Три богатыря» Дурак Сибиряк проходит эволюцию от незнания «кто он» до понимания себя в сложном мире, при этом действие переносится из леса в царский двор, на поле битвы, в притундровое пространство [РЭП, 1991: 299–302].

Объединяет рассказчиков то, что они, повествуя сюжеты о богатырях, избегают имен некоторых героев, второстепенных персонажей. Так, Ф.Е. Томшин дает имя только главному герою – Вергун, а его сестра, героиня поисков в далеком мире, невеста и родной брат лишены имен, в то время как у автора сказки А.С. Ольхона есть имена: Солнце Теплый Отец, Луна Ясноглазая Матушка, сестра Айталы-Куо, красавица Тарыма-Кун, невеста Кыс-Учугей, брат Уолан-Орун [Ольхон, 1963, с. 51–129]. В олонхо обычно встречается Юрюн Айыы Тойон (Светлый Верховный Господин) [Эргис, 1974: 194]. Имя божества жены Главного Господина, видимо, восходит к общетипологическим образам фольклора.

В свою очередь С.П. Киселев сообщает также только одно имя – первого богатыря с луками – Дурак Сибиряк, в то время как в сказке много действующих лиц: купец-богатырь, помощник богатыря, сестра богатыря, двенадцать разбойников, сар, его три сына-богатыря и др. [РЭП, 1991: 299–302].

Зачин сказки «Вергун» от типично сказочного «жили-были» быстро переходит к общеэпическому обзору положения дел в предлагаемом мире, где действуют образы «Вергун», «Дракон», «птица Нивест» с характерными для рус-

ской сказки связки, например: «Долго, коротко ли, подъезжает он к заветному месту» [Шастина, 1975: 94]. Есть в повествовании характерные для Томшина моменты: он «как-то удивительно органично растворяет волшебное в реальном» [Там же: 34].

Помимо того, что сказка «Три богатыря» закольцована, сюжет сказки строится на нарушении запретов, где вначале Дурак Сибиряк ломает луки, а затем помощник богатыря пытается украсть «перстень», а затем хвастает на пиру у «сара», за что получают слабые богатыри заслуженную кару [Пропш, 1969: 29–31].

Различия, характеризующие сказки, исполнявшиеся Ф.Е. Томшиным и С.П. Киселевым

В целом ясно, что источники произведений фольклора, рассказанных Ф.Е. Томшиным и С.П. Киселевым, различны.

Фабула сказки, сообщенная Ф.Е. Томшиным, развивается последовательно: от детских лет Вергуна до счастливой жизни всех спасенных. Вергун предстает как действующий герой, он сам вершит подвиги: спасает сестру, племя, подвергнувшееся нападению Дракона, помогает другим [Шастина, 1975, с. 82–95]. Вергун умеет действовать не только мечом, но в какой-то момент он работает «кайлом, ломом, пешней» [Там же: 95].

Герой сказки «Три богатыря» богатырь-купец все время повествования как бы «задвинут» на второй план; вначале речь идет о некоем богатыре, который не знает, куда девать силу, затем повествование ведет изувеченный старик. Но они не могут сравниться с богатырем-купцом.

Вторая часть исследуемого текста имеет сходство с якутской сказкой, где действует богатырь, его помощник, они борются с разбойниками и «богатырями-абаасы» [Якутские сказки, 1994: 357]. Ю.И. Смирнов считал, что якутская параллель сказки «перекликается в основном со второй частью индигирской сказки, не совпадая с ней по большинству немотивированных деталей и по ряду ходов повествования» [РЭП, 1991: 424]. Все повествование ведется от нейтрального рассказчика внутри текста [Там же: 299–302].

Также сказка «Три богатыря» строится на противопоставлении героя-рассказчика, настоящего богатыря-купца, с одной стороны, и трех богатырей – с другой. Первый богатырь – Дурак

Сибиряк должен усвоить урок: не хвастать, знать меру в своих устремлениях.

Киселев делает упор на синтаксические повторы, он обязательно повторяет глаголы действия или бездействия героев: «тянул, тянул, тянул», «сидел, сидел, сидел», «шел, шел, шел», ему присущи яркие образы: «Утренняя зара стала заниматься – подниматься стал морочок». Здесь «морочок» – туман. «Вдруг гром загремел, роса стала падать» [Там же, с.301]. Пример использования образа сильного лука показан в эпизоде: «Ти расхвастался, что ошилковый лук изломал. Дурак Сибиряк, слушай!» [Там же, с. 299] (Ошилковый – от ошил – сильный человек, добрый, здоровый [Там же, с. 426]).

Вместе с тем сказитель показывает близкий ему мир: ландшафт, строения (юрты), животный мир, показаны соседние народы, которые являются героями сказок. Если в начале сказки Дурак Сибиряк видит себя в неизвестном месте, то далее события происходят в лесу или в городе. Например, якутское влияние заметно в образах «чемный лес», «юрта». Герой-рассказчик повествует: «Зашел я в такой чемный лес» [Там же: 299]; «в самую зашел концевую юрточку» [Там же: 299].

Возможно, юкагирское влияние проявляется в образах «зайцы», «кукушка», «озеро», «пень», «тундра». Первый герой думает: «Я стану шибе делать луки, убью зайца» [Там же: 299]. Старик-рассказчик сообщает: «Вдруг учувствовался – ни город даже, нехто нету, шерди озера стоит пень, на пену кукушка кукует» [Там же: 302]. В варианте его сына, Е.С. Киселева, появляется тундра: «Учувствовался – ляжу где-то в тундре, озеро, на озере – пень, на пеню кукушка кукует» [Там же: 306].

Русское звучание сказка получает за счет образов «сара/царя», примеров ландшафта: «дуб» [Там же, с. 301], «город» [Там же, с. 302]. Практически полностью повторяет сказку сын С.П. Киселева Е.С. Киселев [Там же, с. 302–306]. В этой сказке также видим географическую привязку – Сибирь, нашедшую отражение в имени героя.

На наш взгляд, контаминация эпизодов, связанных с нарушением запретов (сначала – Дурак Сибиряк, ломающий луки, затем – помощник купца-богатыря хвастается на пиру победой над сыновьями «сара»), завершается последую-

щим наказанием – изгнанием Дурака-Сибиряка из «царского двора», причинением жесткого физического увечья помощнику купца-богатыря после утраты доверия к нему и родной сестре. Отсюда следует, что рассказчиком мог быть русский, знавший якутскую традицию, либо якутский сказитель, применивший знания о юкагирском фольклоре. Этот рассказчик хорошо говорил по-якутски, о чем говорит бесстрастное отношение к юкагирским представлениям о ином как об «одностороннем» персонаже. Возможно, на нерусское исполнение промежуточного рассказчика указывает односложно построенное предложение «Вечер стал» [РЭП, 1991: 301]. Так говорят, когда не знают, как строится предложение по-русски.

Ф.Е. Томшин, как видно из его речи, творчески менял текст, он не только изъясил почти все имена персонажей, но мог заменять некоторые слова. Так, он сообщает, что герой поселился в «халупе», возвращается в «хату», возвращается с сестрой в «помещение» [Шастина, 1975: 83, 93].

Р.Н. Базилишина пишет, что «общий обзор сказок РУ [Русского Устья – О.Ч.], включая ее контекст, приводит нас к выводу, что судьба русскоустынской сказочной традиции – пример не простого поддержания и сохранения перенесенного из «Мудреной Руси» фольклора, но и создание нового – через включение и известный славянский пласт инациональных поэтических элементов, через освоение книжной культуры, подхватывание фольклорных образов и сюжетов <...> как «туземного» населения (аборигенов края)» [Базилишина, 2000:10].

Таким образом, сказка «Вергун» в исполнении Ф.Е. Томшина имеет один источник, восходящий к сюжету олонхо. Сказка «Три богатыря» С.П. Киселева, скорее всего, составлена из нескольких эпизодов, разных по этническому происхождению, в создании которые нашли отражения отдельные приемы и средства, свойственные якутскому фольклору и языку.

IV. Обсуждение.

Характер происхождения сказок. Некоторые итоги и возможные пути исследования

Сказка «Вергун», исполненная Ф.Е. Томшиным и записанная Е.И. Шастиной, представляет редкое явление перехода олонхо в сказку соседнего (русского) народа. Благодаря этой записи

становится возможным проследить пути усвоения сказки из иного фольклора, приспособления возможного существования в репертуаре русского сказочника.

Е.И. Шастина полагала, что сказка «Три богатыря» с образами и лексикой заимствована из якутского фольклора. Между тем Ю.И. Смирнов считал, что сказка в целом не имеет аналогов в европейской части страны, но не заимствована у якутов. Композиция редкая в русской и якутской традиции: рассказ в рассказе. Ю.И. Смирнов полагал, что якутские параллели, «якутский текст – скорее не источник, а стяженная копия с оригинала, каким является индигирская сказка» [РЭП, 1991: 423–425]. В свете изложенных текстов видно, что похождения помощника богатыря явно имеют славянское происхождение о чем мы говорили выше. Г.Л. Венедиктов с сомнением относится к происхождению «сказки “Дурак-Сибиряк”» с указанием на якутское происхождение и приведением примеров из якутских сборников сказок, а также на включение «Боя на калиновом мосту» [ФРУ, 1986: 316]. Однако Г.У. Эргис как знаток якутского фольклора говорил о внесении некоторых сюжетов как «заимствованных от русских» [Якутские сказки, 1994: 18]. Интересен факт определения других сюжетов, которые могут быть разъяснены на основе сказки «О трех богатырях». В.В. Головин писал, уточняя стадии взаимопроникновения фольклора окружения, что «якутский однорукий, одноногий людоед появляется в сказке “Колобок” у русскоустыинцев» [Головин, 1995: 22]. Г.Л. Венедиктов в комментарии к сказке «Колобок» писал, что «братья Морского царя одноглазы, одноноги и одноруки, в чем отразились заимствованные, вероятно, от эвенов представления о злых духах» [ФРУ, 1986: 309]. На наш взгляд, образы старика и «старухи со сломанной ногой, сломанной рукой и выкопанным глазом» в сказке «Три богатыря» являются неожиданным объяснением появления несимметричных образов, которые встречаются в других, вышеуказанных сказках [РЭП, 1991: 299–302; ФРУ, 1986: 114–123; Богораз, 1901: 342–345]. Так, например, в сказке «Раз юкагиры жили» героиня встречает неизвестного, который позже становится ее мужем: «односторонней» человек «пришел: одна рука, одна нога». В этой сказке «односторонней человек»,

он же «Лыгыника», превращается в человека путем оборотничества, «три раза на солнце обернулся» [Богораз, 1901: 342–345]. В сказке, рассказанной С.П. Киселевым, совершенно обыденно говорится об односторонних людях – они превращаются в таковых в результате наказания от купца-богатыря. Эти увечья помощник богатыря и его жена получили вследствие ослушания: сестра предала брата-богатыря, рассказчик ослушался богатыря-купца и похвастался на пиру у «сара» [РЭП, 1991: 302].

V. Заключение. Таким образом, из проведенного сравнения фольклорных произведений, привнесенных из фольклора соседних этносов, исполненных двумя сказителями, видно, что хорошие сказочники сравнительно легко усваивают сюжеты нерусского фольклора.

Как показывает сопоставление двух текстов сказок, сюжеты заимствуются полностью или частично. Если сказка «Вергун» в исполнении Ф.Е. Томшина восходит к героическому эпосу якутов, то сказка «Три богатыря» в исполнении С.П. Киселева составлена из фрагментов нескольких сюжетов: былинного боя на калиновом мосту (русский источник), появления неизвестного героя, «односторонних людей» (видимо, юкагирский источник), повествования, свойственного третьему неизвестному первоисточнику.

Тексты сказок отражают характер внесения в известный сюжет приемов и средств, свойственных сказителям, когда Ф.Е. Томшин и С.П. Киселев вставляют любимые зачинные и конечные присказки, отдельные образы, лексику. Надо отметить, что в целом сказки, как и творчество сказителей, необходимо и дальше изучать на уровне сюжетов, композиции, приемов и средств.

Список литературы:

Базилишина Р.Н. Фольклорная традиция на краю ойкумены: сказки Русского Устья: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2000. 22 с.

Богораз В.Г. Областной словарь колымского русского наречия [Собрал на месте и составил В.Г. Богораз]. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1901. Т. 68. № 4. 346 с.

Головин В.В. Фольклор в иноэтническом окружении // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 1995. Вып.6. С. 14–23.

Дьяконова Ю.Н. Образ Бабы-яги в олонхо и якутских сказках // Фольклор народов РСФСР. Уфа: Изд-во Башкирского гос. университета, 1985. С. 66–71.

Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. М.: Наука, 1990. 208 с.

Криничная Н.А. О взаимодействии этнокультурных традиций: к методике полевых и теоретических исследований // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 1995. Вып. 6. С. 32–40.

Неклюдов С.Ю. Жанрово-типологическое сопоставление бурятского героического эпоса и русской былины // Фольклор. Поэтическая система. М.: Наука, 1977. С. 126–134.

Ольхон А.С. Якутские волшебные сказки о Нюргуне Стремительном, светлом витязе // Волшебные сказки. Иркутск: Кн. изд-во, 1963. С. 50–129.

Оросина Н.А. Татгинская локальная традиция якутского эпоса олонхо: формы бытования, основные образы и мотивы: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Якутск, 2015. 24 с.

Оросина Н.А. Традиционные сюжеты и мотивы олонхо татгинской локальной традиции (на примере олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» К.Г. Оросина и «Тойон Ньургун» И.М. Давыдова) // Якутский героический эпос олонхо – шедевр устного и нематериального наследия человечества в контексте эпосов народов мира: материалы Международной научной конференции (Якутск, 18–20 июня 2013 г.). Якутск: Издательский дом СВФУ, 2014. С. 403–405.

Павлова Н.В. Инициальные (начальные формулы в якутских народных сказках) и олонхо эссеисх якутов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 2. С. 117–121.

Пропп В.Я. Морфология сказки. Изд. 2-е. М.: Наука, 1969. 168 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

Русская эпическая поэзия Сибири Дальнего Востока [Составитель Ю.И. Смирнов]. Новосибирск: Наука, 1991. 499 с.

Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных [Составители Р.П. Матвеева, Т.Г. Леонова]. Новосибирск: Наука, 1993. 352 с.

Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые [Вступ. ст., подгот. текстов, коммент. и указ. Н.В. Соболевой]. Новосибирск: Наука, 1992. 304 с.

Соктоев А.Б. Фольклорные контакты русского старожильческого населения и коренных народов Сибири // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов. XII международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М.: Наследие, 1998. С. 455–465.

Фольклор народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России. М.: Северные просторы, 2002. 544 с.

Фольклор Русского Устья [Сост. С.Н. Азбелев, Г.Л. Венедиктов, Н.А. Габышев и др.]. Санкт-Петербург: Наука, 1986. 384 с.

Фольклор юкагиров [Составитель Г.Н. Курилов]. Т. 25. М.: Наука, 2005. 594 с.

Чарина О.И. Русско-юкагирская сказка и песня «Кукша» // Традиционная культура. 2013. № 1. С. 91–100.

Шастина Е.И. Сказки и сказочники Лены-реки. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1975. 173 с.

Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 402 с.

Якутские народные сказки [Составители В.В. Илларионов, Ю.Н. Дьяконова, С.Д. Мухоплева и др.]. Новосибирск: Наука, 2008. 462 с.

Якутские сказки [Изд. подготов. Г.У. Эргис] // Саха остуруйалара. Якутск: Национальное книжное издательство «Бичик», 1994. 340 с.

Charina O.I. Dynasties of Russian storytellers in Yakutia and the features of their repertoire (bylinas and historical songs as a case-study). *Journal of History Culture and Art Research*. 2018. №7(3). Pp. 353-362.

References:

Bazilishina R.N. *Fol'klornaia traditsiya na krayu oykumeny: Skazki Russkogo Ustja* [Folklore tradition on the edge of the Oikumena: tales of the Russkoye Ustye]. Abstract of the candidate of philological sciences. Irkutsk, 2000. 22 p. (In Russian)

Bogoraz V. G. *Oblastnoy slovar' Kolymского Russkogo narechiya* [The regional dictionary of the Kolyma Russian adverb]. Compiled by V. G. Bogoraz. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1901. Volume 68. №4. 346 p. (In Russian)

Charina O.I. Dynasties of Russian storytellers in Yakutia and the features of their repertoire (bylinas and historical songs as a case-study). *Journal of History Culture and Art Research*. 2018. № 7 (3). Pp. 353-362. (In English)

Charina O.I. Russko-yukagirskaia skazka I pesnya "Kuksha" [Russian-Yukagir fairy tale and the song "Kuksha"]. *Traditionnaya kultura* [Traditional culture]. 2013. № 1. Pp. 91-100. (In Russian)

D'akonova Yu.N. *Obraz baby-iagi v olonkho I yakutskikh skazkakh* [The image of a Yaga woman in olonkho and Yakut fairy tales]. *Folklore narodov RSFSR* [Folklore of the peoples of the RSFSR]. Ufa: Bashkir State University Publ., 1985. Pp. 66-71. (In Russian)

Emel'anov N.V. *Syuzhety olonkho o rodonachal'nikakh plemeni* [Plots of olonkho about the

ancestors of the tribe]. Moscow: Science Publ., 1990. 208 p. (In Russian)

Ergis G.Y. *Ocherki po yakutskomy fol'kloru* [Essays on Yakut folklore]. Moscow: Science Publ., 1974. 402 p. (In Russian)

Fol'klor narodov Kraynego Severa I Dal'nego Vostoka Rossii [Folklore of the peoples of the Far North and the Far East of Russia]. Moscow: Northern expanses Publ., 2002. 544 p. (In Russian)

Fol'klor Russkogo Ustja [Folklore of the Russkoye Ustye]. Compiled by S. N. Azbelev, G. L. Venediktov, N.A. Gabyshev I dr. Leningrad: Science Publ., 1986. 384 p. (In Russian)

Fol'klor ukagirov [Yukagir folklore]. Compiled by G.N. Kurilov. T. 25. Moscow: Science Publ., 2005. 594 p. (In Russian and Yukagir)

Golovin V.V. *Fol'klor v inoetnicheskom okruzenii* [Folklore in a non-ethnic environment]. *Sokhraneniye I vozrozhdeniye folklornykh traditsy* [Preservation and revival of folklore traditions]. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore Publ., 1995. Volume 6. Pp. 14-23. (In Russian)

Krinichnaya N.A. *O vzaimodeistvii etnokul'turnykh traditsy: k metodike polevykh I teoreticheskikh issledovaniy* [On the interaction of ethnocultural traditions: to the methodology of field and theoretical research]. *Sokhraneniye I vozrozhdeniye folklornykh traditsy* [Preservation and revival of folklore traditions]. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore Publ., 1995. Volume 6. Pp. 32-40 (In Russian)

Neklyudov S.Yu. *Zhanrovo-tipologicheskoye сопоставление buryatskogo geroicheskogo eposa i russkoi byliny* [Genre-typological comparison of the Buryat heroic epic and Russian epic]. *Folklor. Poeticheskaya sistema* [Folklore. Poetic system]. Moscow: Science Publ., 1977. Pp. 126-134. (In Russian)

Ol'khon A.C. *Yakutskie volshebnye skazki o Nyuruune Stremitel'nom, svetlom vityaze* [Yakut magic tales about Nyurgun the Swift, light knight]. *Volshebnye skazki* [Fairy tales]. Irkutsk: Kn. Izd-vo, 1963. Pp. 50-129. (In Russian)

Orosina N.A. *Tattinskaia lokal'naya traditsiya yakutskogo eposa olonkho: formy bytovaniya, osnovnyie obrazy i motivy. Aftoref. kand. filol. nauk: 10.01.09* [Tattinsky local tradition of the Yakut epic olonkho: forms of existence, main images and motives. Abstract of the candidate of philological sciences: 10.01.09]. Yakutsk, 2015. 24 p. (In Russian)

Orosina N.A. *Traditsionnye cuzhety and motivy olonkho tattinskoi lokal'noi traditsii (na primere olonkho "Dzhuluruiar N'urgun Bootur" K.G. Orosina and "Toion N'urgun" I.M. Davydova)* [Traditional plots and motifs of the Olonkho of the Tatta local tradition (using the example of the Olonkho "Diuluruyar Nyurgun Boo-

tur” by K. G. Orosin and “Toyon Nyurgun” by I. M. Davydov)]. *Yakutskiy geroicheskiy epos olonkho – shedevr chelovechestva v kontekste eposov narodov mira: materialy Mezhdynarodnoi konferentsii* [Yakut Heroic Epos Olonkho – a Masterpiece of the Oral and Intangible Heritage of World Eposes (International Scientific Conference materials)]. Yakutsk: North-Eastern Federal University Publ., 2014. Pp. 403-405. (In Russian and English)

Pavlova N.V. Initsial’nye (nachal’nye formuly v yakutskikh narodnykh skazkakh) I olonkho esseiskikh yakutov [Initial formulas in Yakut folk and the Ysey Yakuts’ Olonkho]. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern journal of humanities]. 2020. № 2. Pp. 117-121. (In Russian and English)

Propp V.Ya. *Morfologiya skazki* [Morphology of a fairy tale]. Edition 2. Moscow: Science Publ., 1969 168 p. (In Russian)

Russkaja epicheskaya poeziya Sibiri i Dal’nego Vostoka [Russian epic poetry of Siberia of the Far East]. Compiled by Yu.I. Smirnov. Novosibirsk: Nauka, 1991. 524 p. (In Russian)

Russkiye skazki Sibiri and Dal’nego Vostoka: legendarnyye i bytovyye [Russian fairy-tales of Siberia and the Far East: legendary and household]. Introductory remarks, preparation of texts, commentary and instructions N.V. Sobolevoi. Novosibirsk: Science Publ., 1992. 304 p. (In Russian)

Russkiye skazki Sibiri and Dal’nego Vostoka: volchebnyie i o zhivotnykh [Russian fairy-tales of Siberia and the Far East: magic and about animals]. Compiled by R.P. Matveeva, T.G. Leonova. Novosibirsk: Science Publ., 1993. 352 p. (In Russian)

Shastina E.I. *Skazki i skazochniki Leny-reki* [Fairy tales and storytellers of the Lena River]. Irkutsk: East Siberian book Publ., 1975. 174 p. (In Russian)

Soktoev A.B. Fol’klornyye kontakty Russkogo starozhil’cheskogo naseleniya I korennykh narodov Sibiri [Folklore contacts of the Russian old-timers population and indigenous peoples of Siberia]. *Slavyanskiye literanury. Kul’tura I fol’klor slavyanskikh narodov. XII mezhunarodny s’ezd slavistov. Doklady rossiyskoy delegatsii* [Slavic literature. Culture and folklore of the Slavic peoples. XII International Congress of Slavists]. Moscow: Heritage Publ., 1998. Pp. 455-465. (In Russian)

Yakutskie skazki [Yakut tales]. Edition prepared G.U. Ergis. Sakha osyoryidalara. Yakutsk: Natsional’noe knizhnoye izdatel’stvo “Bichik”, 1994. 340 p. (In Russian and Yakut)

Yakutskiy narodnyy epos [Yakut folk tales]. Compiled by V.V. Illarionov, Yu.N. D’ykonova, S.D. Mukhopleva i dr. Novosibirsk: Science Publ., 2008. 462 p. (in Yakut and Russian)

O.I. Charina

Tales of Russian Performers from the Northeast of Siberia: Non-Ethnic Influence

The scientific novelty of the study is based on a comparison of the nature of the existence of individual borrowed folklore texts of fairy tales in the repertoire of different performers. To determine the features of the execution of epic texts, recordings of famous folklorists were involved: N.A. Gabysheva, E.I. Shastina.

The aim of the article is on the basis of recordings made in the middle of the XX century by field scientists in Yakutia on Indigirka and in the Irkutsk region the peculiarities of the introduction of works learned from neighboring peoples into Russian folklore are being studied. Two texts are considered that reflect different approaches to the influence of Yakut folklore and language.

Research methods. The study is based on the significant works of Siberian scientists – A.B. Soktoev, E.I. Shastina, R.P. Matveeva. The main texts published in the two most important collections on Russian folklore of Russian old-timers of Yakutia are attracted. A comparative analysis of texts performed by two storytellers from different places of residence is carried out.

Results. The nature of epic works and the features of borrowing has been clarified. The author dwells on some techniques that organize the text of two storytellers. It was found out that the nature of borrowing is different, connected both with the personality of the performer and with the peculiarities of the existence of texts in a foreign language environment. For example, the fairy tale learned by F.E. Tomshin is based on the olonkho plot brought to Irkutsk literature by A.S. Olkhon and the folklore work performed by S.P. Kiselev has more complex folklore connections.

Keywords: local specifics, borrowing, influence, epics, songs, tales, olonkho, beginnings, repetitions

А.С. Ларионова

DOI: 10.25693/SVGV.2021.37.4.013

УДК 398.8(=512.157)

Пограничные формы в песенной культуре саха (на примере дэгэрэн ырыа)

В статье рассматриваются пограничные формы якутских напевов стиля дэгэрэн ырыа. Появление таких форм в якутской народной песне началось в XIX в., что связано с различными тенденциями, происходившими в развитии песенной культуры якутов.

Новизна настоящего исследования связана с тем, что впервые изучаются пограничные формы якутской народной песни, представляющие собой переходные формы песенной культуры саха от устной традиции к письменной.

Цель работы – на основе анализа пограничных форм традиционных якутских напевов, которые знаменовали переход традиционной песенности народа саха из устной традиции к письменной, показать развитие песенной культуры саха. Для достижения цели решаются следующие *задачи*: 1) рассмотреть дэгэрэн ырыа как основу формирования пограничных форм в якутской народной песне; 2) изучить якутские народные песни, в которых формируется мажоро-минорная система; 3) исследовать напевы, появившиеся под влиянием русской песенности; 4) проанализировать напевы, интонационно близкие песням известного якутского мелодиста Х.Т. Максимова; 5) выявить развитие песенной культуры саха.

Методами исследования стали метод сравнительного музыковедческого анализа и исторический подход в освоении развития песенной культуры народа саха.

Результаты исследования показали, что пограничные формы якутских народных песен формировались на основе дэгэрэн ырыа, в связи с тем что эти песни имели мелодии с широким диапазоном. Организация метроритмики в них четкая и определенная. Было выявлено два типа пограничных форм якутских народных песен. Первый тип связан с появлением народных песен с диатонической основой и европейской мажоро-минорной системой. В процессе исторического развития вначале возникли якутские песни, когда в чисто фольклорных напевах происходит модуляция от архаических ладозвукорядных мелодий к пентатонобразным ладовым образованиям. В XIX – начале XX вв. развитие якутских народных песен происходило уже под влиянием песен, которые пело приезжее русское население. В песенной культуре саха началось формирование напевов, опирающихся на европейскую ладотональную систему. Параллельно стали распространяться песни с текстами якутских поэтов. С 20-х гг. XX в. в Якутии возникает такое явление, как песни якутских мелодистов. Развитие этого явления было связано с процессом взаимовлияния традиционной песенности якутов и песен мелодиста Х.Т. Максимова, что нами определено как второй тип пограничных форм якутских песен. Этот тип пограничных форм имел двухстороннее движение, когда, с одной стороны, творчество мелодиста опиралось на народный мелос, а с другой стороны, полюбившиеся народом напевы Х.Т. Максимова, начинали жить по законам народной песни, передаваясь изустно и подвергаясь вариантному развитию.

Ключевые слова: песня, напев, дэгэрэн ырыа, жанр, стиль, взаимовлияние, лад, гомофонно-гармонический склад

I. Введение. Процесс развития песенной культуры народа саха в XIX и XX вв. связан с расширением его звукоряда, усложнением ладовой организации и обогащением метроритмики под влиянием песен, исполнявшихся приезжим русским населением, что привело к созданию песен мелодистов, а через них – к образованию якутской массовой песни. Историю становления профессиональной якутской песни можно представить как процесс, происходивший под влиянием русских песен, исполнявшихся саха в близкой манере якутского традиционного пе-

ния. С 20-х гг. XX в. профессионализация жанра якутской песни связана с появлением авторов, называемых мелодистами, которые создают произведения на основе традиций одноголосия, синтезированного с гомофонно-гармонической, мажоро-минорной системой, идущих от европейской музыки. Особенно ярко этот процесс проявился в жанре традиционной песни стиля дэгэрэн ырыа.

Дэгэрэн ырыа (размеренная, подвижная песня – термин М.Н. Жиркова), связанный с понятием национального стиля, один из древнейших стилей якутского музыкального фольклора, представляющий собой мелодически развитое пение обычным голосом, подразумевающее широкий диапазон мелодий. Напевы дэгэрэн ырыа представляют собой своеобразную манеру пения, не имеющую прямых аналогов в музыкальном фольклоре других этносов. Этот традиционный тип якутского пения является ритмически и метрически определенным. Структура напевов типа дэгэрэн ырыа строго детерминирована сложившейся звуко-рядной системой.

В народе эти песни именовали ырыа, и их исполняли известные ырыаһыты, о которых Г.У. Эргис в своей монографии «Очерки по якутскому фольклору» пишет: «Они являются подлинными мастерами большого искусства, творцами и исполнителями песен. Они выходили обычно из среды трудового народа, выделяясь от своих сородичей только своим дарованием. Они были простыми скотоводами или охотниками, часто бедняками. Певцов-профессионалов, живущих на заработки от пения, у якутов не было. Да и вообще плата за пение не полагалась, хорошее угощение да слава в окрестности были наградой народному певцу. Хороших певцов приглашали состоятельные люди по случаю каких-нибудь семейных празднеств или на свадьбу, которые всегда были многолюдными: на таких-то сборищах своими выступлениями певцы завоевывали себе известность. <...> Народному певцу, чтобы достичь мастерства и добиться признания, нужно обладать хорошим голосом, поэтическим и музыкальным дарованием, кроме того, естественно, надо овладеть запасом бытующих народных песен, изобразительными средствами их поэтического языка» [Эргис, 1974: 286–287].

Впервые напев в манере дэгэрэн ырыа зафиксирован в XIX в. в труде В.Л. Серошевского «Якуты. Опыт этнографического исследования» (1896) [Серошевский, 1993]. Данный напев – «Песня девушки» из олонхо. Позже появляются различные сборники песен дэгэрэн ырыа. Планомерное исследование дэгэрэн ырыа началось с конца 1940-х гг. Прежде всего имеется в виду деятельность первого якутского композитора и исследователя музыкального фольклора М.Н. Жиркова. Работая научным сотрудником Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР, в 1947–1949 гг. М.Н. Жирков написал первую разностороннюю работу по якутскому музыкальному фольклору. Книга была издана лишь в 1981 г. под названием «Якутская народная музыка» [Жирков, 1981]. Ее главным достижением явилось то, что автор ввел в якутское этномузыковедение термин дэгэрэн ырыа, подразумевая под этим названием бытовые песни народа саха с указанием особенностей их ритмики, лада, формы и способов исполнения. Позже известный в Якутии композитор Г.А. Григорян стал придавать данному термину стиливое значение, относя к этому стилю все метризованные традиционные напевы, в том числе музыку обрядового танца якутов – осуохай.

Характер интонирования традиционных якутских песен дэгэрэн ырыа прежде всего отмечен четкой ритмизацией, формульностью мелодико-интонационного рисунка. В них все богатство и разнообразие содержания и структуры словесных текстов неразрывно связано с музыкой, так как вербальный текст в песнях дэгэрэн ырыа строго детерминирован мелодией с ее интонационной формульностью и четкостью метроритма. Напевы подобных песен определяются импровизационностью словесного текста и вариационностью основной мелодической формулы, четкостью метроритмического рисунка, обусловленностью импровизируемого преимущественно силлабического словесного текста основной мелодической формулой напева. Специфическая особенность данного стиля – отсутствие гортанных кылысах.

Дэгэрэн ырыа представляет собой мелодически развитое пение, подразумевающее широкий диапазон мелодий. Структура подобных напевов детерминирована сложившейся звуко-рядной системой. Дэгэрэн ырыа основывается на

многоступенном звукоряде и своим мелодическим богатством способен отражать разнообразие эмоциональных состояний человека. Суть его составляет текстовая импровизация, в которой ритмическая структура импровизируемого текста строго подчиняется интонационной формуле напева. «Обычно напевы этих песен – не длинные музыкальные предложения или даже короткие фразы, многократно повторяющиеся на протяжении всей песни» [Кондратьев, 1963: 20].

Содержание дэгрэн ырыя отличается богатством и разнообразием сюжетов и образов, хотя при этом в них помимо текстов, созданных народом, используются и тексты, имеющие персонализированных авторов, профессиональных поэтов. Тем не менее мелодика песен на авторские тексты чаще всего народная. Исполнитель «переводит» полюбившиеся стихотворения поэта на популярный народный мотив. В подобных случаях песня как синкретичный жанр представляет собой явление позднего происхождения, которое начинает функционировать по канонам письменных, а не устных традиций, исключая импровизацию текста и связанного с ним напева. Несомненно, мелодии такого рода авторизованных произведений являются объектом «дописьменного» происхождения. Несмотря на вторичность этих песен в сравнении с первичными, истинно фольклорными образцами, тем не менее их мелодии близки традиционным напевам якутов. Поэтому эти песни занимают промежуточное положение между устной и письменной традициями, и их можно отнести к пограничным формам.

II. Материалы и методы. Теоретической основой исследования стали труды литературоведов, фольклористов и музыковедов, связанные с изучением переходных структур, выявляющих границы между различными составляющими литературного, фольклорного и музыкального текстов. Так, пограничные формы исследуются в литературоведении в плане бытования литературного текста по типу фольклорного и опоры литературы на фольклорные жанры. В этом отношении можно выделить статью Н.В. Покатиловой «К типологии взаимодействия устной и письменной традиций: жанровые аспекты ориентации литературы на фольклор» [Покатилова, 2012]. Кроме того, исследователи считают, что в пограничной зоне фоль-

клора активизируется взаимосвязь мифа и литературы. В музыкознании М.Ш. Бонфельд, исследуя семантику музыкальной речи в профессиональной музыке, предлагает изучить границы жанра, содержания и художественной действительности [Бонфельд, 2007]. В свою очередь, по Назайкинскому, тот или иной музыкальный модус, являясь наджанровым понятием, предстает пограничным явлением, вбирающим в себя признаки жанра, стиля и иногда формы [Амрахова, 2016]. Л.П. Казанцева область композиторского творчества на основе уже созданного опуса или фольклорного артефакта называет пограничной областью. По ее мнению: «"Пограничное", или "интерпретирующее", композиторское творчество многообразно. Оно отражено в "пограничных" ("интерпретирующих"), или иначе, "вторичных" (Н.В. Прокина), "производных" (Н. А. Рыжкова) жанрах. К ним относятся: транскрипции, обработки, переложения, аранжировки, парафразы, фантазии на темы, переработки, пародии, попури» [Казанцева, 2008: 26]. Благодаря пограничным жанрам происходят «более или менее органичные для авторского опуса изменения художественного содержания» [Там же: 31]. В фольклоре и этномузыкознании пограничные зоны распространения жанров связывали с изучением фольклорных жанров территориально граничащих зон и процессы взаимовлияния культур на основе межэтнических контактов.

В песенном фольклоре помимо песен, распространенных в пограничных зонах либо возникших под влиянием соседствующих этносов, существуют песни, которые сложно отнести к устной или письменной традиции. В связи с тем, что термину «пограничный» придают достаточно широкое значение, то их (напевы пограничных зон) можно, по нашему мнению, отнести к пограничным формам песенной культуры народа. В якутских песнях обнаруживаются напевы, также занимающие промежуточное положение между устной и письменной системами. Подобные народные песни саха изучали якутские этномузыковеды, не применяя к таким напевам термин «пограничные формы». Тем не менее, такие песни уже занимали пограничное положение, знаменуя собой переходные формы якутской песни между устной и письменной (профессионально музыкальной, нотной) тра-

дициями. Так, Н.Н. Николаева в песнях олонхо дэгэрэн ырыа выявила напевы, которые имеют пентатонобразную мелодию. М.Н. Жирков и Э.Е. Алексеев проанализировали напевы, интонационно близкие русской песенности, а также изучили якутские традиционные песни с позиции их диатонизации, которые способствовали появлению песен, опирающихся на мажоро-минорную систему.

Методами исследования являлись сравнительный музыковедческий анализ, исторический подход к изучению развития песенной культуры саха.

Материалом для исследования пограничных форм якутских песен стали различные сборники якутских народных песен, изданные в период с 20-х по 80-е гг. XX в.: «Саха ырыаларын ноталара» («Ноты якутских песен») (М., 1927) А.В. Скрябина [Скрябин, 1927], «Сборник якутских песен. Для голоса без сопровождения» (М., 1936) [Корнилов, 1936] и «Саха бастакы ырыалара» («Первые якутские песни») (Якутск, 1969) [Корнилов, 1969] Ф.Г. Корнилова, «Якутская народная песня» (М., 1963) [Кондратьев, 1963] С.А. Кондратьева, «Саха народнай ырыалара» («Якутские народные песни») (Якутск, 1963) [Саха народнай ырыалара, 1975], составленная Д. Даниловым в музыкальной редакции якутского композитора З.К. Степанова. В поле зрения были нотные тексты якутских народных песен, включенные в монографии якутских исследователей. Также были использованы материалы комплексной экспедиции 1986–1987 гг., хранящиеся в АВА ОФил ИГИИПМНС СО РАН.

III. Результаты.

Формирование пограничных форм якутских песен с ладотональной основой

В напевах дэгэрэн ырыа происходит становление зачатков собственно ладовых основ в виде начального формирования пентатоники и перехода ее к диатонике. В песнях этого типа уже начинает устанавливаться функциональное отношение тонов в виде дифференциации устоя и неустоя, а также вводнотоновость. К диатонизации якутских народных песен привело появление этой своеобразной вводнотоновости, представленной квартовыми, терцовыми и большесекундовыми интервалами. Механизм

их появления происходит следующим образом: напев, развиваясь, приходит к устою, после которого звучит вводный тон (не европейский малосекундовый), и затем опять происходит возврат к устою в ритме ККД¹. Появление вводнотоновости, дифференция устоя и неустоя, а также осознание функциональных отношений тонов связаны с якутскими народными песнями более позднего происхождения, у которых наблюдаются зачатки перехода к диатонике.

Формирование диатоники в якутской музыке было связано с появлением в песнях с раннестадиальными ладозвукорядными основами мелодий, основанных на пентатонических конструкциях. Песни такого рода, несомненно, принадлежат к более позднему периоду формирования якутской песенности. Подобные напевы можно обнаружить в песенных разделах героического эпоса олонхо, например, в песнях дэгэрэн ырыа, которые основаны на модулирующих ладах (термин Н.Н. Николаевой). Так, интонационные схемы крайних частей песен чертовой девы, стерха и коня из олонхо «Модун Эр Соготох» В.О. Каратаева в манере пения дэгэрэн ырыа «отчетливо обнаруживают зачатки формирования пентатоники. Этот новый, еще не кристаллизовавшийся тип лада <...> вносит значительное расширение диапазона, достигающего интервалов ч. квинты, б. сексты. Напротив, объем ладозвукоряда основной части песен вновь ограничивается большетерцовым трихордом, внося тем самым ладовой контраст внутри песни. Структурно сходные ладовые образования основных разделов песен, как и прежде, выявляют различие своей внутренней организации, появляющейся в мобильности функциональных отношений тонов: ладовая опора в каждом конкретном случае закрепляется за отдельным звуком. В песне чертовой девы в качестве устоя и ритмически, и темброво выделяется верхний тон трихорда; в других двух примерах – песне стерха и песне коня – средний, который как ладовой устой опеваётся сверху и снизу. Эти довольно развернутые по своим масштабам песни выделяются чистотой и устойчивостью интонирования. Таким образом, ладозвукорядная организация последних песен раскрывает смену ладов, намечает ладовую модуляцию внутри пе-

¹К – краткая длительность, Д – долгая длительность.

сен, призванную подчеркивать контуры музыкально-поэтической формы песни» [Николаева, 1993: 42]. Подобные песни дэгэрэн ырыа можно отнести к начальной стадии появления пограничных форм от устной традиции к письменной профессиональной песенности.

Несколько позже появление пограничных форм в якутской народной песне было связано с влиянием русской народной песенности. Об этом говорит Э.Е. Алексеев: «Существование подобного типа мелодий прослеживается более-менее определенно на протяжении двух-трех последних столетий, когда осязаемое воздействие на якутскую мелодику могла оказывать напевная русская песня» [Алексеев, 1976: 15]. Несомненно, якутские песни позднего времени испытали влияние песен, исполнявшихся русским населением Якутии. Это влияние могло происходить только на основе традиционных якутских песен стиля дэгэрэн ырыа, которые метроритмически определены, мелодически развиты и содержат кварто-терцовые попевок, являющиеся предвестниками диатоники.

М.Н. Жирков обнаружил большое количество якутских народных песен, близких в своей основе русским песням и даже «Марсельезе». Так, в период создания социалистического государства в России в 20-30-х гг. XX в., «первые стихи молодых поэтов Якутии, изданные после революции, были написаны на мелодии русских народных и революционных песен. Якутский поэт под заголовком своего стиха рекомендовал его исполнение на мотив «Коробушки», «Хасбулат удалой», «Смело, товарищи в ногу», «Варшавянка» и др. песен. С другой стороны, якутский народ сам стал петь стихи якутских поэтов на знакомые им русские мелодии, иногда подвергая их небольшим изменениям в сторону упрощения мелодии или перерабатывая для гортанного исполнения» [Жирков, 1981: 103]. Так происходил процесс переинтонирования русских песен на якутский стиль пения.

Подобную переработку особенностей русской песенности в якутских напевах обнаруживает и Э.Е. Алексеев в популярной в 20–30-гг. XX в. песне на слова Кюн Дьирибинэ «Биэстэ эстэр бинтиэпкэм» («Пятизрядная винтовочка»). Эта песня сочетала знакомые попевки осоекаев с ясным, броским строем удалой частушки. Э.Е. Алексеев пишет: «Мало кто в Якутии

не знает этот размашистый боевой напев, и ни для кого не секрет его русские частушечно-плясовые корни. Ярко диатонические обороты этой мелодии стали общераспространенными, кочующими из одной массовой якутской песни в другую. Следовательно, заимствование было органичным» [Алексеев, 1976: 256]. Подобную переработку русской частушки усматривает Ф.Г. Корнилов в песне с народным мотивом «О5о-о5о эрдэххэ» («Пока мы молоды») на слова А. Софронова [Корнилов, 1969: 33].

Таким образом, процесс влияния русской песни протекал естественно и объективно был заложен во внутренней структуре песен стиля дэгэрэн ырыа. Этот стиль стал своеобразным фактором проникновения в якутскую музыку русской, а через русскую – и европейской музыкальной культуры. Наиболее ярко диатонические основы начинают проявляться в песнях стиля дэгэрэн ырыа, созданных народом на протяжении последних столетий. Это связано и с особенностями самой якутской песни, содержащей в себе потенции перерастания в диатонику. «Овладение полными диатоническими ладами облегчается для якутской песенности тем, что, попадая в систему стабильных звукорядов, традиционные высотно изменчивые попевки не только не разрушаются, но, напротив, приобретают большую определенность и выразительность. Перед узкообъемными напевами открываются широкие возможности развития не только по схеме “раскрывающегося лада” или методом звукорядного варьирования, но и по принципу многозвенной диатоники – путем сцепления разновысотных попевок. Эти возможности реализуются не обязательно в мелодиях широкого диапазона. Иногда достаточно первых же тактов скромного четырех-пятизвучного напева, чтобы в них выявилась несомненная диатоническая основа» [Корнилов, 1936: 263].

Диатонические якутские песни постепенно привели к появлению пограничных форм дэгэрэн ырыа, которые связаны с осознанием ладности и становлением ладотональных систем в песенности саха. Подобные напевы можно отнести к первому типу пограничных форм якутских народных песен. К напевам этого типа относятся следующие напевы: «Кымыс ырыата» («Кумысная песня») на слова П. Туласынова [Саха народной ырыалара, 1975: 38], «Манчаа-

ры ырыата» («Песня Манчары») на слова Амма Аччыгыя [Там же: 21], записанные от Ф.П. Кладинова в Дьохсогонском наслеге Таттинского улуса в 1955 и 1956 гг. соответственно, «Биригэдьиир ырыата» («Песня бригадира») [Там же: 51], записанная от С.А. Зверева в п. Эльгэй Сунтарского улуса, «Махтал ырыата» («Песня благодарности») на слова И. Чагылгана [Кондратьев, 1963: 39], «Билинии» («Признание») на слова П. Туласынова [Там же], записанные от Е.А. Захаровой в 1938 г. Все эти напевы основаны на пентатоннообразном звукоряде мажорного наклонения.

К диатоническим напевам имеют отношение песни «Герой Попов кэриэнигэр» («Песня о герое Федоре Попове») на слова П. Туласынова [Саха народнай ырыалара, 1975: 24], записанная от Г.К. Абрамова во втором Малдыгарском наслеге Хангаласского улуса в 1957 г., «Учууталга» («Учителю») на слова Эллия [Корнилов, 1969: 38] и «Туллук-туллук до5оттор» («Друзья вы, снегири») на текст А.И. Софронова [Там же: с. 48].

Характерный для якутской традиционной песенности целотоновый ход в пятиступенном напеве в объеме б.7 встречается в песне «Я помню летнюю синюю ночь» [Кондратьев, 1963: 55], записанной Г.А. Григоряном от П. Дмитриева в с. Тойбохой Сунтарского улуса в 1954 г. Такой широкий диапазон напева вызван начальной квартовой интонацией, вырисовывающей квартсекстаккорд *C-dur*, что связано с диатонической основой песни, несмотря на целотоновый ход и микроальтерационные изменения ступеней в мелодии. Поэтому данный напев занимает промежуточное положение между устной и письменной традициями, являясь пограничной формой с осознанием диатоники и одновременно внетональным способом интонирования.

Песня «Сюлюндэ ырыата» («Песня реки Сюлюндэ») на слова И. Чагылгана [Саха народнай ырыалара, 1975: 54], записанная от М.Т. Данилова в г. Якутске в 1964 г., изложена в тональности натурального *d-moll*, охватывает характерный для европейской музыки октавный диапазон и представляет собой яркий образец напева позднего происхождения. Современный по ладовой структуре и маршевому ритму является песня «Биһиги сюрэхпит» («Наши сердца») на слова И. Чагылгана [Там же: 25], запи-

санная от Н.М. Монастырева в 1961 г. в п. Чурапча Чурапчинского улуса в тональности *F-dur* также в октавном диапазоне.

В XX в. в период бурных социальных сдвигов, коснувшихся Якутии, процесс влияния на якутское искусство русского мелоса ускорился. Исторически сложилось так, что развитие якутской песни на базе стиля дэгэрэн ырыа произошло через русскую к европейской музыкальной системе. Совместное проживание и тесное взаимодействие с русским народом предопределили путь развития якутской музыки. Появление пограничных форм в якутских традиционных напевах в основном коснулись дэгэрэн ырыа, что было связано с разнообразными, зачастую исторически обусловленными процессами. Постепенную профессионализацию песенных жанров в Якутии в XX в. условно можно разделить на три периода. Первый период, который начинается в 20-х гг. прошлого века, знаменует собой появление песен, интонационно близких русским народным и революционным песням, но сохранявшим якутскую основу напевов ырыа. Среди первых мелодистов А.В. Скрябин и Ф.Г. Корнилов в своих вокальных сочинениях творчески синтезировали интонации якутских напевов с русской песенностью в опоре на ладо-тональную систему. З. Винокуров претворил в своих песнях такие жанры профессиональной музыки, как гимн, вальс и марш. Обращался он и к жанру частушки.

Взаимовлияние пограничных форм якутских традиционных напевов с песнями мелодиста Х.Т. Максимова

Песенная культура саха в 1930–50-е годы получает широкое развитие в творчестве якутских мелодистов, которые значительно расширили песенные жанры. Ими созданы жанры патристических, трудовых, лирических и шуточных песен. В них меняется круг образов, расширяются музыкально-выразительные средства, расширяется диапазон напева, форма становится куплетной. Творчество мелодистов представляет собой важный и самобытный пласт якутской музыки, связанный с якутской народной песенностью и с советской массовой песней, их напевы смогли сохранить особенности якутского пения. Об этом говорит и тот факт, что их песни многими воспринимаются как исконно якутские, хотя они уже основаны на гомофонно-гар-

моническом складе и базируются на ладах западноевропейской музыки, диатоничны по своему мышлению.

С середины XX в. известным и любимым в народе якутским мелодистом является Х.Т. Максимов, который создавал песни, основанные на мажоро-минорной системе, что было подчеркнуто им сопровождением при исполнении песни собственной игрой на баяне. В своем творчестве он работает в нескольких жанрах, все они очень разнообразны по содержанию, но большинство песен принадлежат к стилю якутского пения дэгэрэн ырыа. Известны его песни «Ёндюрюшка тизтэйбэт» («Андрюшка») на слова П. Тоборуокова, «Ючюгэйэн алааспар» («Прекрасный алас») на стихи А. Бродникова, «Хапытыан» («Капитон») на стихи П. Тоборуокова, «Ёрюнэ» («Ирина») на слова М. Ефимова и др. В современный период в народе именно его напевы именуют дэгэрэн ырыа.

В экспедиционных материалах встречаются напевы, интонационно близкие песням Х.Т. Максимова. Так, песня «О родном поселке Табалах», записанная от Д.Г. Слепцова (1935 г.р.) из Верхоянского улуса под № 13.87 из коллекции комплексной экспедиции в Якутию ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР, ОИИФиФ СО АН СССР и ФК СК СССР 1986–1987 гг.¹, имеющая сходство с песней мелодиста, представляет собой дэгэрэн ырыа. Напев четко ритмизован, имеет периодическую структуру и подвижный темп с замедлением темпа в последнем такте песни. Строение напева опирается на куплетную форму из 8 куплетов. Каждый куплет представлен периодом в 10 тактов и состоит из 2-х предложений: первое предложение содержит 4 такта, а второе – 6. Расширение предложения связано с троекратным повтором последнего слова, в котором последний слог пропет половинной длительностью. Песня основана на переменном метре, где преобладает двухдольность, чередующаяся с трехдольностью при повторении последнего слова каждого куплета. В ритмике преобладающей является ритмическая структура суммирования: две шестнадцатые и

одна восьмая. Эта ритмика имеет обязательную акцентность и подчеркивание первого звука этой ритмической группы, что придает напеву особую характерность и элемент пения «с подскоками». Подобная ритмика является достаточно распространенной в песенном творчестве Х.Т. Максимова, например, в его популярной песне «Сааскы тыал» («Весенний ветер») на слова И. Гоголева в 5 и 6 т.т. напева [Максимов, 2002: с. 68]. Но наиболее близок верхоянский напев его песне «Ёрюнэ» («Ирина») [Там же: 21–22]. Они практически идентичны, особенно в первом такте попевки.

Трехопорный звукоряд песни «О родном поселке Табалах», записанной от Д.Г. Слепцова, $c^1-d^1-e^1$ изложен в объеме б.3. Интонационная модель напева составляет мотив, который постоянно повторяется на протяжении всей песни. В каденционных разделах закрепляется нижний опорный тон c^1 : в первом предложении четвертной длительностью, а во втором – половинной.

Инициаль каждого куплета отличается интонационной мобильностью. В первом куплете она представлена в пунктирном ритме в восходящем движении с микроальтерационно пониженного нижнего опорного тона c^1 на микроальтерационно увеличенную б.3 с возвратом к нижнему опорному тону c^1 без микроальтерации, представленному одной шестнадцатой, и при повторе этот тон уже изложен восьмой длительностью. В четвертом куплете (31 т.т.) восходящая б.3 изложена в пунктирном ритме, напоминая ритмику инициали первого куплета, и затем происходит повтор нижнего опорного тона двумя шестнадцатыми. В пятом (41 т.т.) и последнем куплетах две восьмые с восходящей б.3 чередуются двумя восьмыми с восходящей б.2. В седьмом куплете после двух восьмых с восходящей б.3 происходит возврат к нижнему опорному тону, представленному одной шестнадцатой с повтором его восьмой длительностью. За счет подобной интонационной переменчивости инициали происходит и метрическое изменение напева: в первом и чет-

¹Аудиовизуальный архив Отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, фонд № 13.87. Песня «О родном поселке Табалах» в исполнении Д.Г. Слепцова (1935 г.р.) из п. Табалах Верхоянского улуса. Записал М.Л. Дидык 07.04.1987 г. во время комплексной экспедиции в Якутию ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР, ОИИФиФ СО АН СССР и ФК СК СССР 1986–1987 гг.

вертом куплетах появляется размер 5/8, а в седьмом – 9/16.

Во втором (11 т.т.), третьем (21 т.т.) и шестом (51 т.т.) куплетах инициаль составляет две восьмые в восходящем движении на б.3 с возвратом к нижнему опорному тону, представленному двумя шестнадцатыми.

Мелодическая мобильность обнаруживается в восьмом такте каждого куплета. В нем начальная интонация в первом (8 т.т.) и втором (18 т.т.) куплетах излагается восходящим интервалом в виде двух шестнадцатых, чуть более узким чем б.3, за счет микроальтерационно пониженного верхнего опорного тона e^1 . В третьем (28 т.т.) и четвертом (38 т.т.) куплетах – это уже полноценная б.3. В пятом куплете (48 т.т.) – это уже более широкая б.2 за счет микроальтерационно повышенного среднего опорного тона d^1 , который в шестом (58 т.т.) и седьмом (68 т.т.) куплетах уже реализуется полноценной б.2 за счет отмены микроальтерации среднего опорного тона. В завершении (78 т.т.) данная интонация представлена интервалом в виде более узкой б.3 уже за счет микроальтерационно повышенного нижнего опорного тона c^1 .

«Ырыа. Песня о детстве» в исполнении П.П. Сукумасова из Верхоянского улуса под № 14.06 из коллекции комплексной экспедиции в Якутию ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР, ОИИФиФ СО АН СССР и ФК СК СССР 1986-1987 гг.¹ представляет собой другую распространенную в Якутии песню Х.Т. Максимова «Таммахтар» («Капель») [Там же: 219]. Верхоянский напев развивается в объеме лирической м.6, в то время как песня Х.Т. Максимова изложена в характерном для европейской музыки октавном диапазоне в тональности *B-dur*. Песня верхоянской стилистики исполнения не имеет ассоциации с какой-то определенной тональностью. Она в своей основе внетональна и опирается на свойственную для якутской традиционной песенности «ракрывающийся лад» со звукорядом *d-f-g-a-b*.

В настоящее время сложно определить, возникли ли эти напевы под влиянием песен Х.Т. Максимова, или такого рода песни всегда бытовали в народе с давних времен. Тем не менее они явно относятся к пограничным формам

якутских народных песен. Кроме того, известен пример, как народными становились песни мелодиста, например, его популярная песня «Кырдал-кырдал кыһа» («Девушка с нагорья») [Алексеев, Николаева, 1981: 93–94] стала функционировать по традициям устных фольклорных образцов. Так, в своих комментариях к песне в исполнении И.И. Михайлова Э.Е. Алексеев указывает, что данный напев является примером фольклоризации «современной авторской мелодии. Одноименная песня Христофора Максимова на слова П. Тобурокова была популярна в 50-60-е годы (XX в. – Л.А.), когда она часто звучала по радио в исполнении известных певцов А.И. Егоровой и Л.М. Попова в двухголосной обработке Гранта Григоряна. <...> Взяв за основу исходный трехвучный мотив песни, вполне традиционный по своей ладовой и ритмической структуре, исполнитель свободно варьирует его в духе напевов дэгэрэн. Текст двух первых строф стихотворения П. Тобурокова воспроизводится исполнителем с небольшими отклонениями» [Там же, с. 100]. Якутские песни, близкие интонационно к песням Х.Т. Максимова, мы относим ко второму типу пограничных форм народных песен саха.

Таким образом, на базе влияния на якутскую народную песню русской песенности и творчества мелодистов появились пограничные формы народных песен саха и сформировалась якутская профессиональная массовая песня, причем профессионализация песенного жанра происходила в Якутии бурно и за исторически сравнительно короткий промежуток времени.

IV. Обсуждение. Термин «пограничный» в литературе, фольклоре и музыковедении используется достаточно широко. Им обозначают различные зоны, жанры и формы как, например, географические границы между государственными, региональными и областными образованиями, границы между соседствующими этносами, промежуточные жанры между литературными и фольклорными традициями, пограничные зоны между мифологией, жанром и художественной действительностью, пограничные формы в литературе, когда литературный текст бытует как фольклорный. Такой процесс можно

¹АВА ОФил ИГИиПМНС СО РАН, ф. № 14.06. Песня записана во время комплексной экспедиции в Якутию ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР, ОИИФиФ СО АН СССР и ФК СК СССР 1986-1987 гг.

наблюдать и в якутских народных песнях, когда русские песни и песни мелодистов продолжают свое бытование в народной среде, занимая промежуточное положение между устной и письменной традициями. Их можно определить как пограничные формы якутских народных песен. В то же время мог происходить и обратный процесс, когда в народе существовали песни, интонации и мелодии которых мелодисты могли использовать в своем творчестве.

V. Заключение. Таким образом, в якутской песенной культуре существуют пограничные формы якутских народных песен двух типов. Первый тип связан с появлением песен, которые под влиянием на якутскую традиционную песенность русских напевов постепенно формировали появление песен саха, опирающихся на диатоническую основу и позже – на мажоро-минорную систему европейского типа. Ему предшествовал начальный период появления пограничных форм якутской песни, когда в раннестадияльных напевах дэгрэн ырыа происходит модуляция в пентатонобразную мелодию. Второй тип пограничных форм якутских песен возник в народной среде следующим образом: полюбившиеся песни мелодистов, опирающиеся на письменные традиции, проникали в народную среду и бытовали уже по традициям устной культуры. Подобные пограничные формы якутских народных песен возникли объективно в процессе развития традиционной песенности саха и послужили основой профессионализации песенной культуры саха и формированию якутской массовой песни.

Список литературы:

Алексеев Э.Е. Проблемы формирования лада. На материале якутской народной песни. М.: Музыка, 1976. 288 с.

Алексеев Э., Николаева Н. Образцы якутского песенного фольклора. Якутск: Кн. изд-во, 1981. 100 с.

Амрахова А.А. Отечественная теория жанра в свете современных гуманитарных методологий // Общества теории музыки. 2016/3 (15). С. 18–29.

Бонфельд М.Ш. Семантика музыкальной речи // Музыка как форма интеллектуальной деятельности: сб. статей. М., 2007. С. 82–141.

Жирков М.Н. Якутская народная музыка. Якутск: Кн. изд-во, 1981. 176 с.

Казанцева Л.П. «Пограничные жанры»: за и против // Проблемы музыкальной науки. 2008. № 1. С. 26–31.

Кондратьев С.А. Якутская народная песня. М.: Сов. композитор, 1963. 180 с.

Корнилов Ф.Г. Саха бастакы ырыалара (Первые якутские песни). Якутск: Кн. изд-во, 1969. 60 с.

Корнилов Ф.Г. Сборник якутских песен. Для голоса без сопровождения. М.: Музгиз, 1936. 121 с.

Максимов Х.Т. Кюню олус таптыбыт. Музыкальной хомуурунньук. (Очень любим день. Музыкальный сборник). Якутск: Якутский филиал изд-ва СО РАН, 2002. 227 с.

Николаева Н.Н. Эпос олонхо и якутская опера. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1993. 187 с.

Покатилова Н.В. К типологии взаимодействия устной и письменной традиций: жанровые аспекты ориентации литературы на фольклор // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. № 14. С. 327–333.

Саха народнай ырыалара (Якутские народные песни). Якутск: Кн. изд-во, 1975. 135 с.

Серовский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: Российская политическая энциклопедия, 1993. 736 с.

Скрябин А.В. Саха ырыаларын ноталара (Ноты якутских песен). М.: Музгиз, 1927. 28 с.

Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 402 с.

References:

Alekseev E.Ye. *Problemy formirovaniya lada. Na material yakutskoi narodnoi pesni* [Problems of melodic modes formation. On the material of the Yakut folk song]. Moscow: Muzika Publ. House, 1976. 288 p. (In Russian)

Alekseev E., Nikolaeva N. *Obraztsy yakutskogo pesennogo folklor* [Samples of Yakut song folklore]. Yakutsk: Book Publishing House, 1981. 100 p. (In Russian, in Yakut)

Amrakhova A.A. *Otechestvennaya teoriya zhanra v svete sovremennykh gumanitarnykh metodologiy* [Domestic theory of the genre in the light of modern humanitarian methodologies]. *Obshchestva teorii muzyki* [Music Theory Societies]. 2016/3 (15). Pp. 18-29. (In Russian)

Bonfel'd M. Sh. *Semantika muzykal'noi rechi* [Semantics of musical speech]. *Muzyka kak forma intellektual'noi deyatel'nosti: sb. Statei* [Music as a form of intellectual activity: collection of articles]. Moscow, 2007. Pp. 82-141. (In Russian)

Ergis G.U. *Ocherki po yakutskomu fol'kloru* [Essays on Yakut folklore]. Moscow: Science, 1974. 402 p. (In Russian)

Kazantseva L.P. "Pogranichnye zhanry": za i protiv ["Borderline genres": for and against]. *Problemy*

muzykal'noi nauki [Problems of music science]. 2008. № 1. Pp. 26-31. (In Russian)

Kondratyev S.A. *Yakutskaya narodnaya pesnya* [Yakutsk folk song]. Moscow: Soviet composer, 1963. 180 p. (In Russian, in Yakut)

Kornilov F.G. *Sakha bastaki yryalara* ("Pervye yakutskie pesni") [The First Yakut Songs]. Yakutsk: Book Publishing House, 1969. 60 p. (In Yakut)

Kornilov F.G. *Sbornik yakutskikh pesen. Dlya glosa bez soprovozhdeniya* [Collection of Yakut songs. For unaccompanied voice]. Moscow: Muzgiz, 1936. 121 p. (In Yakut)

Maximov H.T. *Kyunyu olus tapytybyt. Musicalnai homurunnuk*. (Ochen' lyubim den'. Muzykal'nyi sbornik [We love the day very much. Music collection]. Yakutsk: Yakutsk branch of the publishing house SB RAS, 2002. 227 p. (In Yakut)

Nikolaeva N.N. *Epos olonkho i yakutskaya opera* [Epos olonkho and Yakut opera]. Yakutsk: YSC SB RAS, 1993. 187 p. (In Russian)

Pokatilova N.V. K tipologii vzaimodeistviya ustnoi i pis'mennoi traditsiy: zhanrovye aspekty orientatsii literatury na folklor [To the typology of the interaction of oral and written traditions: genre aspects of the orientation of literature to folklore]. *Aktual'nye problem filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* [Relevant problems of philology and pedagogical linguistics]. 2012. № 14. Pp. 327-333.

Sakha Narodnai yryalara (Yakutskie narodnye pesni) [Yakut folk songs]. Yakutsk: Book Publishing House, 1975. 135 p. (In Yakut)

Seroshevsky V.L. *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts. Experience of ethnographic research]. 2nd edition, Moscow: Russian Political Encyclopedia, 1993. 736 p. (In Russian)

Scryabin A.V. *Sakha yryalaryn notalara (Noty yakutskikh pesen)* [Notes of Yakut songs]. Moscow: Muzgiz, 1927. 28 p. (In Yakut)

Zhirkov M.N. *Yakutskaya narodnaya muzyka* [Yakutsk folk music]. Yakutsk: Book Publishing House, 1981. 176 p. (In Russian)

A.S. Larionova

Borderline Forms in Sakha Song Culture (by the Example of Degeren Yrya)

The article are studied the borderline forms of Yakut folk songs that appeared on the basis of traditional Degeren Yrya songs which intonationally cover a wider volume and are metric and rhythmic defined. *The scientific novelty* of this article is due to the fact that for the first time borderline forms of traditional Sakha songs are being explored, which mark the transition from oral to written tradition. *The aim* of the work is to study the borderline forms of Yakut folk songs which are transitional forms from oral to written tradition.

The tasks of the study are: 1) the study of Degeren Yrya as the basis for the formation of border forms of the Yakut folk songs; 2) consider songs that re-intonation Russian songs; 3) analyze Yakut folk songs which intonation like to the songs of Kh.T. Maksimov the famous Yakut melodist; 4) explore the development of Sakha song culture from oral tradition songs to written professional when the Yakut mass song begins to form.

The methods of research were comparative musicological analysis and the historical approach in mastering the development of the song culture of the Sakha people. Sources for the study of the borderline forms of traditional Sakha tunes were collections of Yakut folk songs which began to be published since the 1920s. XX century and expeditionary materials from the Audiovisual Archive of the Department of Folklore and Literature of the Institute for Humanitarian Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch Russian Academy of Sciences.

The results of the study were that initially in the Yakut traditional songs, Degeren Yrya songs appeared on the basis of the fret modulation of a melody with early folkloric Melodic modes structures to pentatonic-like modes. Later songs with a Diatonic modes, as well as songs based on the European major-minor modes system. Often they arose on the basis of the re-intonation of Russian folk and revolutionary songs. Such songs which marked a gradual transition from oral to written tradition, we attributed to the 1st type of borderline forms of Yakut folk songs. We ranked the 2nd type of borderline forms of Yakut songs as songs intonationally close to the songs of the famous Yakut melodist Kh.T. Maximov. Further development of borderline forms of Sakha songs led to the formation of a professional Yakut mass song.

Keywords: song, singing, Degeren Yrya, genre, style, reciprocally influence, melodic modes, homophone-harmonic system

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Астахова Ирина Сергеевна – м.н.с. отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; Irasta@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5659-7764>.

Боескоров Геннадий Гаврилович – д.б.н., г.н.с. лаборатории «Геологический музей» Института геологии алмаза и благородных металлов СО РАН; Россия, г. Якутск, пр. Ленина, д. 39; gboeskorov@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-2360-7740>.

Винокурова Лилия Иннокентьевна – к.и.н., в.н.с. отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; lilivin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5779-6893>.

Гаврильев Дмитрий Захарович – зав. отделом этнографии Музея археологии, этнографии и истории высшей школы Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова; Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 48; dima.gavrilev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0931-7293>.

Данилова Надежда Ивановна – д.ф.н., г.н.с., зав. отделом якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; nadiv2008@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3542-8448>.

Дьяконов Виктор Михайлович – к.и.н., с.н.с. Якутской комплексной лаборатории археологии Крайнего Севера Института археологии и этнографии СО РАН; Россия, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, д. 17; arkh_muz@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-4899-6148>.

Жукова Людмила Николаевна – к.и.н., с.н.с. отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; zjukova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1645-8043>.

Ларионова Анна Семеновна – д.иск., г.н.с. отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; degerenan@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8524-6162>.

Николаев Егор Николаевич – м.н.с. отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; nikolaev.ykt@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1432-7517>.

Пономарев Иван Васильевич – ассистент, Институт естественных наук Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова; Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 48; ivan.ponomar93@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-0455-3548>.

Попова Наталья Иннокентьевна – к.ф.н., в.н.с., директор Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; nat.popova@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1895-3729>.

Романова Лидия Николаевна – к.ф.н., в.н.с. отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; romanova_lida@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4690-0907>.

Скрябина Алевтина Афанасьевна – к.ф.н., м.н.с. отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; alevtinaskr@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-8677-9320>.

Филиппов Гаврил Гаврильевич – д.ф.н., профессор кафедры якутского языка Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова; Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42; filippovgg@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6212-7099>.

Чарина Ольга Иосифовна – к.ф.н., с.н.с. отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; ochar@list.ru; <http://orcid.org/0000-0002-9705-6806>.

Чертыкова Мария Дмитриевна – д.ф.н., в.н.с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова; Россия, г. Абакан, пр. Ленина, д. 94; chertikova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7467-4388>.

Чиркочева Дария Ивановна – к.ф.н., зав. кафедрой якутского языка Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова; Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42; dchirkoeva@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2593-3283>.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Astakhova Irina Sergeevna – Junior Researcher of the Department of History and Arctic Research of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS; Russia, Yakutsk, 1 Petrovskogo, St.; Irasta@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5659-7764>.

Boeskorov Gennady Gavrilovich – Doctor in Biology, Chief Researcher of the Laboratory “Geological Museum” of the Institute of Geology of Diamond and Precious Metals SB RAS; Russia, Yakutsk, 39 Lenin Ave.; gboeskorov@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-2360-7740>.

Vinokurova Lilia Innokentievna – Candidate in History, Leading Researcher of the Department of History and Arctic Studies of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS; Russia, Yakutsk, 1 Petrovskogo, St.; lilivin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5779-6893>.

Gavrilyev Dmitry Zakharovich – the Head of the Department of Ethnography of the Museum of Archeology, Ethnography and History of the Higher School of the Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov; Russia, Yakutsk, 48 Kulakovskogo St.; dima.gavriliev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0931-7293>.

Danilova Nadezhda Ivanovna – Doctor in Philology, Chief Researcher, the Head of the Department of the Yakut Language of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS; Russia, Yakutsk, 1 Petrovskogo, St.; nadiv2008@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3542-8448>.

Dyakov Viktor Mikhailovich – Candidate in History, Senior Researcher of the Yakut Complex Laboratory of Archaeology of the Far North of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; Russia, Novosibirsk, 17 Akademika Lavrentieva Ave., arkh_muz@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-4899-6148>.

Zhukova Lyudmila Nikolaevna – Candidate in History, Senior Researcher of the Department of Archeology and Ethnography of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS; Russia, Yakutsk, 1 Petrovskogo, St.; zjukova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1645-8043>.

Larionova Anna Semenovna – Doctor in Arts of the Department of Folklore and Literature of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS; Russia, Yakutsk, 1 Petrovskogo, St.; degerenan@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8524-6162>.

Nikolaev Egor Nikolaevich – Junior Researcher of the Department of Archeology and Ethnography of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS; Russia, Yakutsk, 1 Petrovskogo, St.; nikolaev.ykt@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1432-7517>.

Ponomarev Ivan Vasilyevich – Assistant, Institute of Natural Sciences of the Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov; Russia, Yakutsk, 48 Kulakovskogo St.; ivan.ponomar93@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-0455-3548>.

Popova Natalya Innokentevna – Candidate in Philology, Leading Researcher, Director of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS; Russia, Yakutsk, 1 Petrovskogo, St.; nat.popova@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1895-3729>.

Romanova Lidiya Nikolaevna – Candidate in Philology, Leading Researcher of the Department of Folklore and Literature of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS; Russia, Yakutsk, 1 Petrovskogo, St.; romanova_lida@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4690-0907>.

Scryabina Alevtina Afanasyevna – Candidate in Philology, Junior Researcher of the Department of the Yakut Language of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS; Russia, Yakutsk, 1 Petrovskogo, St; alevtinaskr@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-8677-9320>.

Filippov Gavril Gavrilovich – Doctor in Philology, Professor of the Department of the Yakut Language of the Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov; Russia, Yakutsk, 42 Kulakovskogo St.; filippovgg@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6212-7099>.

Charina Olga Iosifovna – Candidate in Philology, Senior Researcher of the Department of Folklore and Literature of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS; Russia, Yakutsk, 1 Petrovskogo, St; ochar@list.ru; <http://orcid.org/0000-0002-9705-6806>.

Chertykova Maria Dmitrievna – Doctor in Philology, Leading Researcher of the Institute of Humanitarian Studies and Sayan-Altai Turkology of the Khakass State University named after N.F. Katano; Russia, Abakan, 94 Lenin Ave.; chertikova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7467-4388>.

Chirkoeva Daria Ivanovna – Candidate in Philology, the Head of the Department of the Yakut Language of the Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov; Russia, Yakutsk, 42 Kulakovskogo St.; dchirkoeva@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2593-3283>.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И РЕЦЕНЗИЙ

В журнале «Северо-Восточный гуманитарный вестник» публикуются статьи, содержащие результаты фундаментальных и прикладных исследований в области языков, истории и культуры коренных народов Северной Азии, в том числе работы компаративного характера. Помимо научных статей, в журнале публикуются рецензии на научные издания, вышедшие за последние 5 лет и имеющие отношение к тематике журнала. К публикации принимаются рукописи на русском или английском языках.

Статьи должны содержать не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Обзорные статьи и рецензии, представляющие собой пересказ рецензируемого материала, к печати не принимаются. Передавая редакции журнала рукопись статьи или рецензии, автор гарантирует, что она полностью или частично не опубликована и не отправлена на публикацию в другие издания. Автор также соглашается не размещать текст на интернет-ресурсах, пока не будет принято решение о его публикации в «Северо-Восточном гуманитарном вестнике», и в случае положительного решения воздержаться от его размещения в сети Интернет до выхода журнала в свет.

Объем рукописи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять для статей – 12–24 страницы (20000–40000 знаков), для рецензий – 12 страниц (20000 знаков). Рукописи большего или меньшего объема принимаются по согласованию с редакцией. Рукописи должны быть автором хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Формат рукописи: А4, интервал 1,5, шрифт Times New Roman, размер 14, поля: сверху, снизу и слева – 2,0 см, справа – 1,5 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются. Допустимый формат файла – .doc / .docx.

Содержание рукописи необходимо оформить следующим образом:

1. Код **УДК** (код УДК, соответствующий тематике статьи или рецензии, можно найти по адресу: <https://nlrs.ru/to-professionals/Catalogue/udk/index.shtml>).

2. **DOI** (присваивается редакцией).

3. **Заголовок статьи или рецензии (Title)** должен кратко (максимальная длина заглавия составляет 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи или рецензии, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

Благодарность или признательность размещается в виде постраничной сноски к названию статьи, отмеченной символом (*).

4. **Аннотация (Abstract)** статьи или рецензии на русском и английском языках (не менее 150 слов). Аннотация не должна содержать ссылки на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать в первую очередь главные результаты работы, а не являться формальным описанием статьи или рецензии, т. е. быть краткой, но содержательной.

Структура аннотации: Научная новизна (Novelty of the research); Цель и задачи (Goal and objective); Методы исследования (Research Methods); Результаты (Results).

5. **Ключевые слова (Key words)** служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей или рецензий в электронных базах, поэтому должны отражать дисциплину (область науки, в рамках которой написана работа), тему, объект и предмет исследования. Количество ключевых слов – от 5 до 10.

6. **Текст статьи должен соответствовать следующей структуре:**

1. **Введение (Introduction).** Представляет собой вступительную часть, в которой идет речь об общей теме исследования, дается постановка проблемы, описываются цель и задачи планируемой работы, теоретическая и практическая значимость, а также наиболее известные и авторитетные публикации по изучаемой теме.

II. Материалы и методы (Materials and Methods). Приводятся ссылки на соответствующие фактологические источники. Описываются методы и приемы, при помощи которых проводится изучение обсуждаемой проблемы.

III. Результаты (Results). В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Результаты проведенного исследования необходимо описывать достаточно полно, чтобы читатель мог проследить его этапы и оценить обоснованность сделанных автором выводов. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками), которые представляют исходный материал или доказательства в свернутом виде. Важно, чтобы проиллюстрированная информация не дублировала уже приведенную в тексте. Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области как автора, так и других исследователей. Такое сравнение дополнительно раскроет новизну проведенной работы, придаст ей объективность. Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

IV. Обсуждение (Discussion). Раздел, содержащий полемику по теме исследования.

V. Заключение (Conclusion(s)). Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования. В нем в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы. Повторы излагаемого материала следует оформлять фразами, отличающимися от высказанных в основной части статьи. В этом разделе необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость.

Внутритекстовые ссылки на опубликованные работы приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например: [Ефремов, 2010: 47] или [Ефремов, 2004: 47–48].

Неопубликованные источники: документы, архивные материалы, рукописи – нужно указывать постраничными сносками внизу страницы: ¹Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). Ф. 12. Оп. 2. Д. 134. Л. 1–2об. При повторном упоминании архива приводится его сокращенное название: ²НА РС(Я). Ф. 12. Оп. 2. Д. 135. Л. 3–4.

7. К статье прилагается два списка литературы в алфавитном порядке, включающие в себя только работы, использованные при подготовке статьи, отмеченные в тексте статьи, оформленные в соответствии с требованиями журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник».

Первый список литературы – на русском языке.

Второй список литературы – References – идет отдельным блоком и повторяет список литературы на русском языке, независимо от того, есть в нем иностранные источники или нет. Название публикации в ссылках должно быть транслитерировано (написано латинскими буквами) и дублировано на английский язык в квадратных скобках [...]. При транслитерации нужно воспользоваться ссылкой <https://www.translit.ru> (с вариантом BGN). Необходимо указать в скобках язык оригинала статьи, на котором написан полный текст публикации. Например,

в списке литературы: Вдовин И.С. Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера (2-я половина XIX - начало XX вв.). Сборник МАЭ. Т. 33. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1977. С. 117-171.

в References: Vdovin I.S. Religioznye kul'ty chukchej [Chukchi religious cults]. *Pamjatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa (2-ja polovina XIX - nachalo XX vv.). Sbornik Muzeja antropologii i jetnografii imeni Petra Velikogo (Kunstkamera) Rossijskoj akademii nauk* [Cultural monuments of the peoples of Siberia and the North (2nd half of the 19th – beginning of the 20th century). Collection of the Peter the

Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences]. Volume 33. Leningrad: Science Publ., Leningrad branch, 1977. Pp. 117-171. (In Russian)

Список использованных источников и литературы должен содержать не менее 15 наименований. Приветствуются ссылки на труды зарубежных ученых по теме исследования, а также на научные работы, опубликованные в течение последних 5 лет.

Важно правильно оформить ссылку на источник: следует указать фамилию(и) автора(ов), журнал, год издания, том (выпуск), номер, страницы, у электронных источников – адрес доступа в сети Интернет.

Для книг: указывается место издания, название издательства, год издания и общее количество страниц.

Для статей: название журнала, год издания, том, выпуск (или номер), страницы начала и конца статьи.

Ссылка на электронные источники должна включать информацию о сайте, режиме доступа и дату последнего посещения. Например,

Sikora M. et al. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene. Nature. 2019. Vol. 570 (7760). URL: <https://www.nature.com/articles/s41586-019-1279-z> (дата обращения: 02.12.2020).

При ссылках на личные ПМА отдельно уточняется конкретная экспедиция, при этом в скобках все информанты, картотеки либо другие единицы, на которые даются ссылки в статье. Если по условиям проведения исследований требуется соблюдать анонимность, то имена информантов могут сокращаться до инициалов или опускаться в соответствии с конкретными требованиями, которые налагаются на автора в рамках его проекта.

Все словари, на которые даются ссылки в тексте статьи, оформляются отдельным списком после литературы на русском языке, а также идут в общем списке References.

8. Полные сведения об авторе (авторах) (About the author): Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать основное место работы автора, в котором выполнялось исследование (постоянное место, место выполнения проекта и др.), должность, ученая степень и ученое звание, e-mail, номер мобильного телефона (необходим для связи с редакцией, не публикуется в журнале), ORCID ID.

Сведения об авторе (авторах) необходимо продублировать также на английском языке. При этом приводится официальное англоязычное название учреждения.

В процессе подготовки и отправки статьи или рецензии в редакцию необходимо соблюдать этические нормы соавторства, разработанные COPE (Committee on Publication Ethics).

Статьи и рецензии, поступающие в редакцию, проходят проверку на уникальность (допускается оправданное целями написания статьи или рецензии наличие корректно оформленных заимствований в размерах, не превышающих 10% от общего объема рукописи; оригинальность текста должна быть не менее 80%), рецензируются и по решению редколлегии утверждаются к печати в порядке очереди.

Рукописи следует отправлять на электронный адрес редакции:

svgv2010@mail.ru

Для заметок

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76636 от 02 сентября 2019 г.

Адрес издателя и редакции

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1

Институт гуманитарных исследований

и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Электронный адрес издателя, редакции и редколлегии: igi@ysn.ru; svgv2010@mail.ru

Подписано в печать 10.12.2021. Дата выхода в свет 23.12.2021.

Формат 60x90 ¹/₈. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. п.л.18. Уч.-изд. л. 15,8. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИГиИПМНС СО РАН

677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 8 (411) 235-49-96

Индекс П2454